

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ

**НИКТО
НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО**

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 9

МЫ ЭТОЙ ПАМЯТИ ВЕРНЫ!

*От героев былых времён
Не осталось порой имён.
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землёй, травой.
Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых,
Этот вечный огонь,
Нам завещанный одним,
Мы в груди храним.*

(отрывок из песни)
Евгений Агранович

Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга муниципальный округ Финляндский округ

Бывают события, даже весьма значительные для своего времени, которые стираются из памяти людей и становятся достоянием архивных хранилищ. Но есть события, значение которых не тускнеет от неумолимого бега времени. Напротив, с течением времени наиболее чётко вырисовывается их величие. Память о них неподвластна времени — бережно хранимая и передаваемая из поколения в поколение.

Официальный сайт
МО Финляндский округ:
finokrug.spb.ru

«ВКонтакте»:
vk.com/finokrug

УВАЖАЕМЫЕ ЖИТЕЛИ ФИНЛЯНДСКОГО ОКРУГА!

В этом году мы отмечаем 80-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне — самой кровопролитной в истории человечества. Она длилась 3 года 10 месяцев и 18 дней. И мы до сих пор не знаем реального количества погибших за это время. Согласно современным данным Министерства обороны РФ, за годы Великой Отечественной войны общие людские потери СССР составили около 26,6 миллионов человек. При этом в неофициальных источниках число погибших достигает 43 миллионов.

80 лет назад наши советские воины спасли мир. И это не громкие, пафосные слова. Это правда жизни.

Победа в Великой Отечественной войне изменила ход мировой истории, судьбы людей и всю карту мира. Нашему, советскому народу выпала участь противостоять мощному натиску высокоорганизованного и хорошо вооружённого противника — нацистской Германии и её союзников. И мы выстояли и победили. Наши предки, деды и прадеды, бабушки и прабабушки, не жалея собственной жизни, боролись за наше будущее и независимость нашей Родины, за счастье и право жить. Боролись и победили!

Они не просто освободили родную землю от гитлеровцев — они дали возможность выжить и сохранить национальную самостоятельность народам стран, которые пытались поднять под себя гитлеровская диктатура.

Наш долг — сохранить память об их подвиге и передать её другим поколениям, чтобы не стать Иванами, не помнящими родства, и манкуртами, утратившими связь со своими корнями и отрёкшимися от своей родины и памяти предков.

Книга, которую вы держите в руках, - один из способов сделать это. Уникальность этого сборника в том, что в его основу вошли истории наших юных жителей о героях своей семьи, живших в годы Великой Отечественной войны. С инициативой издать этот, девятый, том Книги памяти к нам обратилась жительница нашего округа, учитель истории лицея № 126, краевед Галина Владимировна Медведева, и мы с коллегами эту идею поддержали. По её заданию ребята написали то, что им удалось выяснить о своих родственниках в годы войны, о прапрадедушках и прапрабабушках, и принесли на урок. И эти работы Галина Владимировна передала уже нам для книги. А затем в одном из номеров газеты «Финляндский округ» мы предложили нашим жителям прислать истории о своих близких и, кроме того, решили включить уже вышедшие статьи о наших жителях, кого так или иначе коснулась война.

Материал, предоставленный в книге, абсолютно разный — и по объёму, и по содержанию, и по форме. У кого-то воспоминания получились подробные, глубокие, с прописанными деталями. У кого-то скудные, но от этого не менее ценные, потому что правдивы, искренны и отражают гордость за своих предков. А главное — про людей, которые совершали подвиг и приближали последний день войны. Про людей, ценой собственной жизни и здоровья заплативших за независимость нашей Родины, за будущее нашей страны, нас с вами. Дети, молодёжь должны знать, какие подлинными герои жили и живут рядом с ними, в их семьях, и должны гордиться ими, знать их трудовой или боевой путь.

Глава МО Финляндский округ
Игорь КУДИНОВ
Председатель Совета муниципальных
образований Санкт-Петербурга
Всеволод БЕЛИКОВ

ПРОЧТИ И ЗАПОМНИ!

Секция ветеранов 87 Перекопской Краснознаменной дивизии 51 Армии.

МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ

Молодых людей я призвал бы также бережно относиться ко всему, что связано с Великой Отечественной войной. Но особенно важно помнить: среди вас живут воевавшие люди. Относитесь к ним с почтением не только в дни, когда они с орденами собираются поговорить с вами, не забывайте о них в сутолоке жизни: на вокзале, в приемной по житейским делам, в поликлинике, в автобусе и в семье.

Помните: редкий из воевавших не ранен и почти все они лежали в промерзших окопах, случалось по многу дней не знали горячей пищи, по многу ночей не спали. Это было во время их молодости.

Бывший солдат не станет вам жаловаться, не та закваска характера. Будьте сами предупредительными, не оскорбляя гордости, относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за все, что они сделали для вас в 1941-м, 42-м, 43-м, 44-м, 45-м годах.

Четырежды Герой Советского Союза
Маршал Советского Союза
Г. К. ЖУКОВ

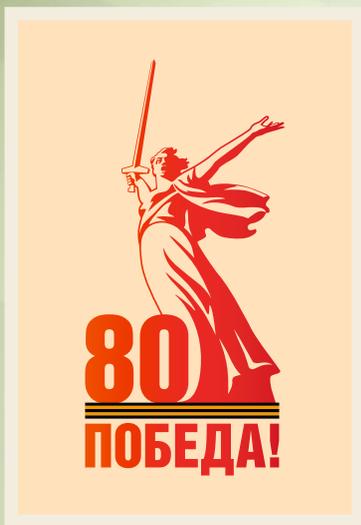

П. МАЛЬЦЕВ. Штурм Сапун-горы

**МЫ
ЭТОЙ ПАМЯТИ ВЕРНЫ!**

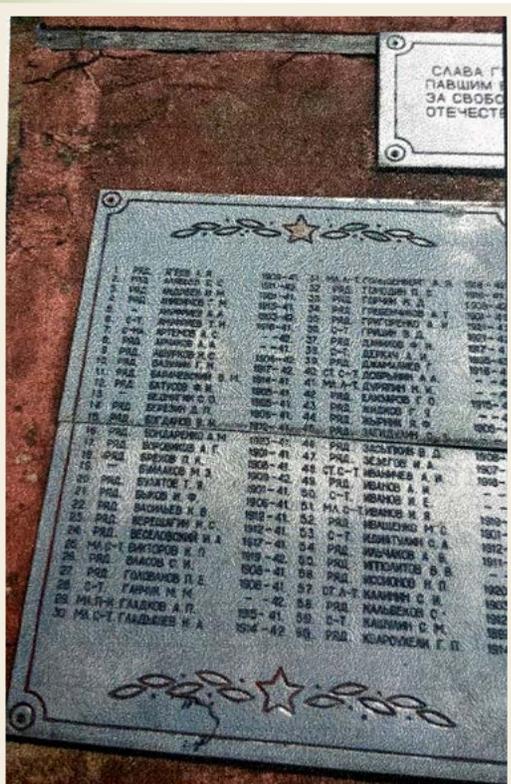

Алексей Алексеевич АНУФРИЕВ

Один из моих пра-
прадедушек, Ануфри-
ев Алексей Алексеевич,
погиб в ожесточённых
боях в Ржевской битве
в 1942 году.

*Александр Ступак,
ученик 5-го «Д» класса
лицея № 126*

Фотография с Братской могилы

Мария Александровна АФАНАСЬЕВА

Моя мама, Афанасьева Мария Александровна, в семилетнем возрасте была эвакуирована в самом начале войны в город Омск. Мой дедушка, Шувалов Александр Константинович, вместе с заводом в кратчайшие сроки наладил производство необходимой на фронте продукции — дальномеров для снайперских винтовок — и до окончания блокады Ленинграда проработал токарем на омском заводе.

Его брат, Константин Николаевич Шувалов, защищал Ленинград, вступив в ополчение. О чём позднее, уже после войны, он напишет в своей книге «Мы становимся солдатами».

Далее привожу воспоминания моей мамы и документы двоюродного дедушки.

Александр Афанасьев

Из воспоминаний Марии Александровны Афанасьевой, 1933–2020

До самой войны наша семья — мама с папой и я с младшим братом Женей — жила в Полюстрово. Сейчас этого дома уже нет, да и место точное не найти — где-то между проспектом Металлистов и проспектом Тухачевского, недалеко от больницы Мечникова. Тогда это была настоящая деревня, все дома были деревянные, но большие, некоторые двухэтажные. У каждого дома был огород и канава с водой. Неподалёку проходили трамвайные рельсы, по которым ходил трамвай № 14. В районе больницы Мечникова был питомник, в котором росли разные, в том числе плодовые, деревья, кустарники, а дальше тянулись поля. Мы любили там гулять.

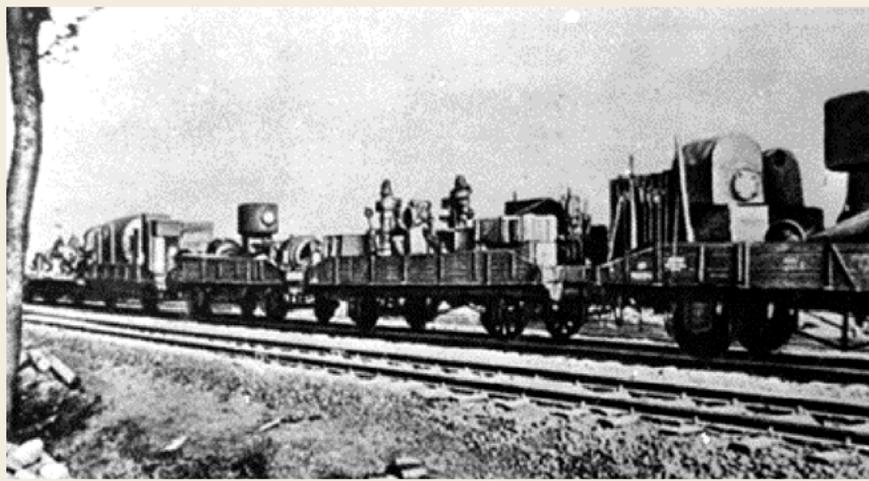
Когда началась война, мне было около 8 лет, а брату исполнилось 4. Во дворе дома была открыта большая траншея на случай бомбёжек. Мы, дети, играли в этой траншее.

Наш папа, Александр Константинович Шувалов, работал токарем на заводе «Прогресс», расположенном около Финляндского вокзала. Он прошёл Первую мировую войну, был артиллеристом запаса. Поскольку он был высокопрофессиональным специалистом, его направили вместе с другими рабочими в город Омск, где спешно строился оборонный завод. Оборудование погрузили на Финляндском вокзале в товарные вагоны, к составу прицепили «теплушки», и мы в них в сентябре 1941 года отправились в Сибирь.

Папа думал, что через два-три месяца война закончится, мы вернёмся в Ленинград, и не разрешил маме взять много вещей в дорогу. Но судьба распорядилась иначе.

Ехали мы по железной дороге очень долго. Порой над нашим составом пролетали фашистские самолёты, бомбили. Было очень страшно.

На одной из станций моя мама, Анастасия Алексеевна, побежала за кипятком, чтобы приготовить еду и напоить нас. Вдруг составы, а их на путях узловой станции было несколько, пришли в движение. Мама с большим трудом нашла наш поезд, и ей помогли забраться в набирающий скорость вагон.

В Омске нас поселили в студенческом общежитии. Это был трехэтажный деревянный барак, очень длинный, имеющий много маленьких комнат с тонкими перегородками. В каждой комнатке было несколько семей.

Папа работал в три смены на заводе. Он носил старую телогрейку, а на ногах деревянные подошвы, перевязанные верёвками. По рассказам мамы, ежедневно он писал заявления с просьбой направить его на фронт бить фашистов, но каждый раз получал отказ со словами «прикуём к токарному станку».

Жили трудно, голодно. Особенно осенью и зимой. Когда я пошла в первый класс в местную школу, у нас не было учебников, тетрадей. Приходилось писать на старых книгах и газетах. Но мы старались. В школе был пионерский отряд.

Пионеры устраивали сборы, носили красные галстуки, проводили линейки, помогали младшим.

Летом в школе был городской лагерь, и мы ходили с ребятами на прополку овощей, помогали взрослым собирать урожай.

Папа так и не смог попасть на фронт и все годы, что мы находились в эвакуации, работал на заводе, точил снаряды и другую необходимую военную продукцию. Он был очень хороший специалист, все время что-то придумывал, изобретал, рационализировал.

Родные иногда присылали сообщения из осаждённого Ленинграда, в том числе стихи Ольги Берггольц, которые слышали по радио и записывали. Из блокады по Ладоге удалось переправить нашу бабушку, Марию Алексеевну Серякову.

Вернулись в наш любимый город мы только после войны, в 1946 году, и его не узнали. Сплошные руины и разрушения. Наш дом в Полуострово разобран на дрова, жить негде. Какое-то время ютились у родственников и друзей, пока папе не выделили комнату на нынешней улице Комсомола (тогда Симбирская) в восстановленном пленными немцами доме.

В год 70-летия полного освобождения жителей города на Неве от фашистской блокады в Омске был открыт памятник детям блокадного Ленинграда. Автор памятника — Сергей Голованцев, один из известных омских скульпторов.

Эвакуация в Омск

Начало войны застало моего папу, Шувалова Александра Константиновича, токарем на Оптико-механическом заводе № 357 «Прогресс». В Первую мировую он служил в артиллерии, был лейтенантом запаса.

Завод № 357, как и многие другие, в начале июля 1941 года стали эвакуировать. Мой папа неоднократно подавал заявления в военкомат, чтобы пойти на фронт, но его как высококвалифицированного специалиста направили в тыл вместе с заводом. Все станки и людей отправляли эшелонами в город Омск. Всего ушло 9 эшелонов с оборудованием и людьми. В среднем до места назначения в Омске добирались около месяца.

Всего в начале Великой Отечественной войны в Омскую область было эвакуировано более 100 предприятий из западных районов страны, в том числе предприятия, имеющие оборонное значение. Среди них и № 357 «Прогресс» Наркомата вооружения СССР. Первый эшелон с оборудованием завода был отправлен в Омск 16 июля 1941 года, а последний эшелон из Ленинграда с оборудованием завода № 357 прибыл в Омск 28 августа 1941 года. Завод разместили в помещениях Сельскохозяйственного института. Тогда впервые к ОмСХИ были подведены трамвайные и железнодорожные пути. В Омске сборка оптических приборов началась с 15 сентября 1941 года; завод уже выдал первую продукцию — оптические приборы для всех видов боевого оружия, работал на полную мощность. План ноября 1941 года был выполнен на 83 %, а в декабре — уже на 100 %.

За годы войны было произведено несколько сот тысяч оптических прицелов для снайперских винтовок. Кроме того, предприятие выполняло заказы по изготовлению небольших партий биологических и металлургических микроскопов, теодолитов, нивелиров и других оптических приборов и микроскопов.

Для удовлетворения нужд в жильё было решено освободить помещения некоторых государственных учреждений, школ, гостиниц, парикмахерских, столовых. Многие государственные учреждения делили рабочие помеще-

ния с другими организациями и были вынуждены работать в две смены. Средние школы переходили на трехсменное обучение, а начальные — на двухсменное. Для рабочих оборонных предприятий строили секционные насыпные бараки, освобождали целые дома. Мы жили в студенческом общежитии — деревянном бараке с тонкими перегородками.

До войны в Омске не было асфальтированных дорог, вымощены они были булыжниками. Продукцию завода нельзя было вывозить по такой тряской дороге: терялась точность продукции. Пришлось работникам завода выдолбить весь булыжник и приготовить щебень для асфальта.

Папа работал на заводе в три смены. На нём была старая телогрейка, а на ногах деревянные подошвы, перевязанные верёвками. Мама занималась детьми: мне в начале войны было около 8 лет, брату Жене исполнилось 4 года.

С питанием было трудно, голодно. Все стали осваивать участки земли, сажать картофель. Одной из очень трудных проблем того времени была проблема бань и мыла. Мыло стоило на рынке 250 рублей кусок, как и булка хлеба. Бань было мало для перенаселённого города. Но все знали, что на фронте тяжелее и что все это временно. Каждый жил грядущей победой.

Папа так и не смог попасть на фронт и все годы, что мы находились в эвакуации, точил детали для оптических военных приборов. Он был очень хороший специалист, всё время что-то изобретал, рационализировал.

В 1943 году завод был награждён орденом Ленина. По этому случаю на территории завода состоялся торжественный митинг, на котором выступали рабочие.

...Война закончилась, и завод № 357 должен был вернуться в Ленинград. Перевозка оборудования и людей проводилась в той же последовательности, что и при эвакуации. Последний эшелон ушёл 25 декабря 1945 года. К большому сожалению, не все труженики завода смогли уехать в родной город. Некоторые навечно остались в Сибири и похоронены на бывшем институтском кладбище.

В послевоенные годы бывший завод № 357 «Прогресс» стал дочерним предприятием Ленинградского оптико-механического объединения (ЛОМО). Папа работал на нём токарем до самой пенсии.

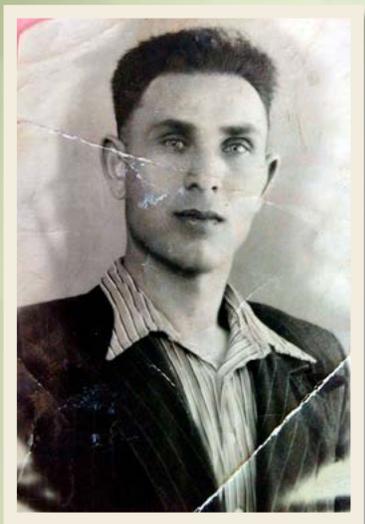
Шувалов Николай Константинович

- ★ Звание: капитан.
- ★ В РККА с 05.07.1941 года
- ★ Место призыва: Куйбышевский РВК, Ленинградская обл., г. Ленинград, Куйбышевский р-н. № записи: 21832196

В боях под дер. Зайтеново и Жартолово 12-16. ^{как к-р дивизиона} ^{Ленинград}
 Я батальон и лично руководил боями, обеспечил уничтожение и подавление в полосу действия дивизиона, сам взят, об с пулеметами и живой силой, один Я противника, три мины, батареи.
 Лично обнаружил с ЯЯ, корректировал огонь и уничтожил:
 три дубообразурных взрота с пулеметами и живой силой, подавил одну 105 мм арт. батарею. Дивизион втае справился с поставленной задачей, уничтожил огневые точки противника на переднем крае, мешавшие продвижению пехоты.
 В боях под пос. Сильвино 28.1.43г. - 10.2.43г. в ночь накануне наступления (наступательная) был назначен начальником штаба полка, лично разработал план артиллерийского наступления, в результате чего было осуществлено овладение стрелковыми частями Сильвиноских высот. В процессе боя лично беспредельно руководил огнем полка. Отлично организовал атаку огня полка, сам обеспечил успешное отражение огневых средств поля 10 контратак противника.
 В процессе боя правильно расставил силы штаба, обеспечил непрерывное ведение разведки цепей командиром штаба и организовал хорошие взаимодействия с поддерживавшими стрелковыми частями.
 За проявленные при этом мужество и отвагу, достоин награждения орденом «Гораздой звезды»

Бийгиши Залгишиевич **БАЙГИШИЕВ**

В Книгу памяти, изданную в Махачкале в 2000 году, занесены фамилии дагестанцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. В 4-м томе книги, на странице 262, написано: «Байгишиев Бийгиши. Призван Карабудахкентским РВК. Рядовой. Погиб 18 октября 1944 года. Похоронен: Венгрия, 0,5 км западнее деревни Каба».

Как такое могло произойти, Бийгиши Байгишиев не знает. Да и не беспокоится об этом, потому как ветеранскую пенсию получает вовремя. А в канун 9 Мая делится со школьниками своими богатыми фронтовыми историями. Уже многие в Дагестане знают о роковой ошибке, но ветерана так и не вычеркнули из скорбного списка.

Как сейчас он помнит, как весной 1943 года его лучшего друга забрали на фронт. Ему 18, он всего на год старше Бийгиши. Перед расставанием они поклялись, что найдут друг друга и вместе будут бить фашистов. Улучив момент, ничего не сказав отцу, Бийгиши пешком отправился в районный центр. В местном военкомате, узнав, что ему ещё нет 18, тут же дали от ворот поворот.

— Хотя отец и не знал о моих намерениях, многие мои сверстники были в курсе того, что я собираюсь добро-

вольцем уйти на фронт, — говорит Бийгиши Залгишиевич. — Когда в военкомате меня даже не захотели выслушать, я подумал, с каким лицом я теперь покажусь перед товарищами. Эта мысль придала мне решительности. Я сейчас вряд ли дословно вспомню, что я говорил старшему лейтенанту в военкомате, но, выслушав мою речь, он позвал своего помощника, заполнил какие-то бумаги и направил в поликлинику. После медкомиссии меня зачислили в курсанты. Три месяца мы обучались всяким воинским премудростям, а потом — в эшелоны и на фронт.

Советские войска уже вышли к берегам Днепра и начали форсирование реки. В октябре 1943 года чуть ли не в первом же бою осколок пробил два орудийных заряда, которые Байгишиев нёс на спине и которые чудом не взорвались и спасли ему жизнь. Но пришлось провести в госпитале 4 месяца.

Казалось бы, после такого первого «крещения» пули и осколки должны впредь миновать молодого бойца. Но, видимо, не судьба. После выписки из госпиталя Бийгиши добрался в родную часть, когда уже светало. Старшина роты на чём свет стоит ругал солдат, которые ночью не смогли пробраться к реке и не сделали запаса питьевой воды. Тогда Бийгиши сам вызвался сходить к реке, только попросил прикрыть его. К реке он дополз, набрал два котелка и две фляги воды и короткими пробежками стал приближаться к своим окопам. Тут его и нашла шальная пуля.

Третье и самое тяжёлое ранение, «отпущенное» дагестанскому парню войной, произошло в центре небольшого венгерского села Каба, что в 188 километрах от столицы страны Будапешта. Осенью 1944-го здесь шли ожесточённые бои. Немцы с трудом сдерживали натиск частей Красной армии, но дрались с безумством обречённых, не жалея ни себя, ни наступавшего противника. Каждый клочок земли в этих местах пропитан кровью участников тех далёких и страшных батальей.

— Село Каба находилось на возвышенности, и мы понимали, что взять его будет нелегко. Враг окопался основательно. Наша первая атака захлебнулась. Понеся тяжёлые потери, мы отошли на исходные позиции. Отдышавшись и набравшись духа, вновь пошли на штурм. Помню,

как влетели в передовые окопы фашистов, и тут же мир для меня померк.

За сутки окопы не раз переходили из рук в руки. Всё это время Байгишиев лежал бездыханный, заливаясь кровью на дне траншеи. Когда бой закончился, солдат похоронной службы обнаружил паренька. Думал, что тот погиб, взял его за руки, чтобы вытащить из окопа, и обратил внимание, что пальцы ещё тёплые, значит — ещё живой. Юного бойца сразу же понесли в санчасть. Байгишиев до сегодняшнего дня благодарен тому незнакомцу, который, по сути, спас его от неминуемой смерти.

А в далёкий дагестанский аул Гели (Карабудахкентский район) в семью Байгишиевых полетела похоронка: «Ваш сын Байгишиев Бийгиши в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 18 октября 1944 года». Это был 1215-й день войны, рядовому Байгишиеву исполнилось только 18 лет. Горевал отец, мать, облачившаяся в траурные одеяния и в одночасье поседевшая, все причитала и корила мужа, что позволил уйти на фронт единственному сыну.

— Я пришёл в себя на 22-е сутки, — продолжает Байгишиев. — Открыв глаза, я увидел сидящую на подоконнике девочку лет 10, которая пела незамысловатую венгерскую песенку. Я попытался протянуть руку в её сторону и что-то спросить. Она тут же слетела с подоконника и побежала звать медсестру. От неё я и узнал, каким образом очутился в госпитале. Когда смог держать в руках карандаш, написал письмо домой, родителям, чтобы они там за меня не сильно тревожились. Через два месяца я стал самостоятельно передвигаться и в один день в коридоре лицом к лицу столкнулся с товарищем из моей роты. У него, как и у меня, голова была замотана бинтами. Увидев меня, он остолбенел. Не мог вымолвить ни слова. Потом, схватив двумя руками мою руку, всё тряс её и повторял: «Ты живой!» Оказывается, в роте после того памятного боя посчитали меня убитым и отправили домой похоронку. Спустя дней 10 в госпиталь навестить меня приехали командир батальона и мой ротный. Я никогда не забуду эту встречу. Спустя всего несколько месяцев после печального извещения в село, где многие семьи жили в страхе с горестными ожиданиями

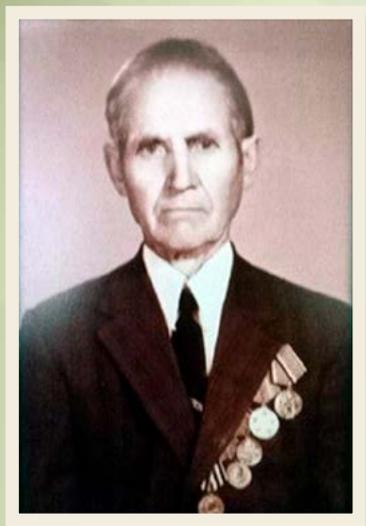

ями с фронта, где почтальона боялись больше, чем ждали, на имя Байгишиевых пришло письмо из Венгрии. Отец и мать не верили своим глазам. Это был почерк их Бийгиши. Они вновь и вновь всматривались в до боли знакомые каракули. Сын писал, что был ранен, сейчас находится на излечении в госпитале и просил за него не беспокоиться.

Каждый год 9 Мая в доме Байгишиевых накрываются столы, собирается вся родня: дети, внуки, правнуки... Это стало доброй традицией – чествовать старейшину рода, фронтовика.

*Аида Закарьяева,
ученица 5-го «Б» лицея № 126*

Сидор Никитич БАХАРЕВ

В каждой семье в послевоенные годы было два тоста, которые были долгие десятилетия приметой времени: «За ПОБЕДУ», «За мирное небо». Только сейчас эти слова обретают прежний смысл.

Прадедушку Александра Горбушина я никогда не видела, а прадедушку Сидора помню плохо, была ещё ребёнком. Но запомнила я с детства два простых правила: ответственность и достоинство надо заслужить.

Прадедушка Сидор столкнулся с исторической несправедливостью с раннего детства: отец Сидора, Никита Петрович, участвовал в созыве Государственной Думы от крестьянства как особо грамотный и образованный человек. После роспуска Думы семья подверглась гонениям охранки и дальнейшей высылке. Дед не дал своим сыновьям образования, рассчитывая их защитить от произвола властей (прадед Сидор всю жизнь переживал о том, что так поступили с семьёй и что он рос безграмотным (писал только по старославянски без гласных букв).

Прадед Сидор родился в селе Борчаниново Шадринского района Свердловской области 27 мая 1901 года. У него в семье к началу войны было трое детей (две дочери и сын).

Одна из дочерей, Елизавета Сидоровна, — моя бабушка.

После всеобщей мобилизации в 1941 году прадед воевал под Москвой конником. Осенью 1941 года попал в госпиталь из-за обморожения и долго не мог ходить, а в 1942 году был комиссован и вернулся в родной город Свердловск. Постепенно восстановился, встал на ноги, победил саркому лёгких. Вернувшись на родной мясокомбинат, поднимал хозяйство страны после войны. Мало рассказывал о подлинных событиях на фронте и очень не любил военные фильмы, так как правда жизни была сильнее любой, даже самой правдивой истории.

Благодаря сайту «Память народа» удалось выяснить, что прадед служил в 82-й кавалерийской дивизии, которая принимала участие в боях под Москвой и стойко обороняла столицу на протяжении зимы 1941—1942 годов (от посёлка Дубны до города Клин, в дальнейшем дивизия билась подо Ржевом и Вязьмой до апреля 1942 года).

К сожалению, другие документы найти не удалось, и гриф «недоступен» говорит о сложностях поиска документов об участниках сражений в первые месяцы войны (документы из госпиталя). На этом же портале мне удалось найти точную дату, когда прадеда Сидора комиссовали, — 17.05.1942 года, за день до того, как были передислоцированы войска и расформирована 82-я конная дивизия. Очень сложно не испытывать волнения, когда работаешь с архивными документами и понимаешь, что правда о войне остаётся в сердцах её участников. Своим потомкам они подарили мирное небо, хранить которое и защищать — наш святой долг.

*Знаю: утешеньем и отрадой
этим строчкам быть не суждено.
Павшим с честью — ничего не надо,
утешать утративших — грешно.*

*По своей, такой же, скорби — знаю,
что, неукротимую, её
сильные сердца не обменяют
на забвенье и небытие...*

Ольга Берггольц

*Галина Владимировна Медведева (Сургутская),
учитель истории лица № 126*

Назар Тимофеевич БЕЛЯКОВ

Для тех, кто прошёл Великую Отечественную войну, День Победы действительно праздник со слезами на глазах. Они жертвовали своей жизнью, шли навстречу врагу, не боясь столкнуться с ним лицом к лицу, и смогли победить. Не все ветераны любят (хотя, наверное, уже правильней сказать «любили») рассказывать о военных годах, но среди них есть и те, кто считает своим долгом поведать младшему поколению о пережитых трудностях и подвигах советских воинов.

Пообщавшись с ветеранами Великой Отечественной, можно узнать, как они встретили войну, как попали на фронт, какие подвиги совершили, как боролись с врагом и, конечно, вспомнить тот день, когда узнали о долгожданной Победе.

В моей семье (по маминой линии) в годы Великой Отечественной воевал прадед, Беляков Назар Тимофеевич (уроженец Кировской области, 1898 г.р.). О нём хотелось бы узнать больше, но, к сожалению, информации сохранилось мало. Известно, что он служил в Калужской области. Из Книги памяти мы знаем, что он поступил на службу 2.03.1942 года и был в воинском звании красноармейца-стрелка, награждён

медалью «За боевые заслуги». 01.06.1943 года погиб в бою. Захоронен в деревне Колосово Людиновского района Калужской области.

Я горжусь подвигом своего прадеда! Вечная память и слава участникам Великой Отечественной войны!

*Роман Матвеев,
ученик 5-го «Г» класса лицея № 126*

Степан Григорьевич БЛАШКЕВИЧ

Мой прадед, Степан Григорьевич Блашкевич, в предвоенном 1940 году пошёл на армейскую службу в авиационные войска. Был авиационным механиком. В годы войны готовил к боевым вылетам самолёты. Здесь была его передовая. И под бомбёжками на полевых аэродромах мечтал о том, чтобы скорее настал тот час, когда небо Родины будет свободным и мирным.

Его мать, моя прапрабабушка, Татьяна Максимовна, спасла от фашистов советского лётчика, который бежал из плена, назвав его своим сыном.

В мирное время прадедушка работал в сельском хозяйстве. Возглавлял механизированное звено по выращиванию льна и картофеля. Широко внедрял передовые технологии и методики, получал рекордные урожаи. Является лауреатом Государственной премии СССР, делегатом XXVI съезда КПСС, ударником девятой пятилетки.

Награждён орденами Ленина, Октябрьской Революции, Отечественной войны II степени. Получил серебря-

ную медаль участника ВДНХ СССР и две бронзовые медали выставки.

В книге «Вернулся солдат к полю» московского издательства «Агропропромиздат» 1985 года есть очерк Евгения Пронина «Родная земля», посвящённый жизни и труду моего прадедушки.

Я уважаю своего предка за мужество, героизм, патриотизм и трудолюбие и горжусь им.

*Арсений Меркулов,
ученик 4-го «В» класса лицея № 126*

Андрей Никитович БОЧАРОВ

Меня зовут Бочарова Виктория, я учусь в 4-м «Д» классе лицея № 126. Я хочу рассказать про своих прадедушек: Бочарова Андрея Никитовича, 10.10.1916 г.р., и Руднева Евгения Васильевича, 01.08.1923 г.р., которые были участниками Великой Отечественной войны.

Бочаров Андрей Никитович из донских казаков, перед войной работал учителем начальных классов, затем окончил танковое училище и воевал с первых дней Великой Отечественной войны танкистом (1941 – 1945 гг.). В сражении под Москвой был ранен, после госпиталя вернулся на фронт. Он был награждён орденами и медалями. Окончание войны встретил в Румынии, где была его воинская часть. После войны продолжал военную службу на Западной Украине. После демобилизации жил и работал в г. Мукачево Закарпатской области.

Евгений Васильевич РУДНЕВ

Руднев Евгений Васильевич из г. Путивиль Сумской области. Сразу после школы окончил авиашколу и воевал лётчиком, после победы над Германией переведён на Дальний Восток, воинская часть располагалась на острове Сахалин. Участник войны с Японией до её капитуляции. После войны был гражданским лётчиком (командиром воздушного судна). Летал на «Ил-18» и «Ту-104» в г. Хабаровске.

Я очень горжусь своими прадедушками — их силой и отвагой. К сожалению, у меня не было возможности с ними пообщаться, про них мне рассказали мои папа и бабушка.

*Бочарова Виктория,
ученица 4-го «Д» класса лицея № 126*

Нина Александровна ВАСИЛЬЕВА (Шишева)

Прабабушка ученицы 2-го «Б» класса лицея № 126 Архиповой Василисы пережила все 872 дня блокады Ленинграда вместе со своей сестрой – Васильевой Валентиной Александровной и матерью – Васильевой Натальей Васильевной и дождалась с фронта отца – Васильева Александра Васильевича.

Далее – её воспоминания, личные записи (из рукописи).

22 июня 1941 г. по радио (Молотов): «В 4 часа утра на нас вероломно напала Германия, и уже в 4 часа утра бомбили Киев».

На улицах города были включены радио. Все люди помрачнели, многие женщины плакали. Дома мама с папой очень тоже расстроились, разволновались. Все люди засуетились, кто бежал в магазин, хватали что попало. Наши родители решили нас с сестрой Валей, она старше меня на 3 года, отправить, как всегда, на летние каникулы в деревню Мхи Ленинградской области Лужского района. Мы очень не хотели, видя настроение всех взрослых.

Но числа 7 июля мы всё же отправились вместе с маминной сестрой Гашей (её почему-то так дома звали Галя) и с её

дочкой Лидочкой (ей было 5 лет). Доехали туда благополучно, но в деревне тоже у всех жителей настроение было плохое. Все плакали.

В этой деревне жили две мамины сёстры — тётя Варя и тётя Поля. У тёти Вари был сын Шура (г.р. 1921). Ему как раз надо было идти в армию, раньше брали в армию с 20 лет. А когда мы приехали, его уже не было дома (позже пропал без вести). В деревне жилось плоховато, бедновато. Мы с Валеёй ходили с одного края деревни в другой. Было очень скучно и волнительно, потому что кругом были слёзы.

Из городских в этот раз никто не приехал — только мы. И вот числа 14 июля приехал верхом на лошади какой-то мужчина и объявил всем в деревне, что всем нужно уезжать, особенно детям и женщинам. Он сказал, что это сделать нужно сейчас же и побыстрее.

Нам запрягли лошадей. Тётя Гаша с Лидочкой тоже собрались, хотя тётя Поля очень упрашивала её остаться, так как её и тётю Варю обязали сопровождать скот лично до колхоза.

Конечно, все очень расстроились, плакали. Дома свои закрыли, быстро оделись, так как их очень подгоняли и председатель колхоза, и тот мужчина. В нашей деревне скота было немного, но всё равно было очень жалко всех, скот мычал, козы и овцы блеяли. И мы все отправились. По пути присоединялись из других деревень люди и скот. Всё это сопровождалось плачем, скот тоже нервничал, стонал. Зрелище было ужасное, всё не опишешь. Тёти наши с нами распрощались, конечно, очень плакали. Мы ехали по очереди с Валеёй, а тёте пришлось идти по лугам и лесам, подгоняя скот. Так доехали до Осьмино и повернули направо, а скот налево. Мы не знали,

*Слева — я, Нина,
справа — моя старшая
сестра Валя.
Фото сделано
до начала войны*

куда отправят скот, уже их не видели. Мы услышали, что мы едем до станции Хилок.

Туда приехали благополучно. Там на реке Луга ждали нас пароходик и баржа. Мы на пароход не попали и прыгнули в баржу. Река Луга неширокая и неглубокая, мы еле-еле тащились. Прибыли уже вечером. Темнело, нас предупреждали, чтобы было тихо. Все были очень дисциплинированы, и дети ничего не просили — не ели, не пили.

Доплыли до станции Толмачево уже совсем затемно, здесь нас ожидал состав поезда. Все быстро заполнили вагон. Оказалось, что очень большой состав, и мест свободных было много. Мы улеглись на сиденья и уснули. А утром нас разбудили.

Мы приехали на Варшавский вокзал. А от него на трамвае доехали до дома (улица Исполкомская, д. 8, кв. 34 — Староневский). Тётя Гаша пошла с Лидочкой к себе домой, а мы к себе. Бежали от радости по лестнице. Позвонили, нам открыли папа и мама, они очень обрадовались, обнимали нас и целовали. Немного отдохнули. Оказывается, надо папу провожать в армию, у него была повестка. Как мы удачно приехали, что успели проводить папу!

Сборный пункт был на Прутковском переулке. Он вошёл в это помещение и оттуда уже не выходил. Только к окну подходил, нам он все время говорил, чтобы шли домой, потому что он не знал, когда их (мужчин) отсюда увезут. Здесь же его подстригли наголо, одели в военную форму. Мы ждали до вечера. С папой попрощались через окно, он нам купил и бросил на улицу шоколадку «Мокко». Мы обрадовались, но печальные пошли домой. Договорились, что будем писать письма.

В конце июня мама ходила на окопы в Петергоф. Мама по специальности была кондитер, но её специальность была не нужна, ничего не производили, сладостей уже не было и в продаже. В то время электричек не было, ехать приходилось на трамвае до определённого места, а дальше трамвай не шёл, и до Петергофа надо было идти пешком. Обрато мама шла полями, где росла капуста. Капусту успели снять, а на земле лежали зелёные листья. Мама их собирала в рюкзак. Дома мы эти листья мыли, и мама рубила их сечкой, складывала в керамический горшок и квасила.

Это было большое подспорье нам в голод.

Мама ходила на окопы весь август, а 8 сентября 1941 года объявили, что Ленинград в блокаде! Ужас! Магазины моментально опустошились, спички, мыло и остальные продукты исчезли, на полках было пусто. Мама успела купить чечевицу (немного). Мы её уже ели в сентябре — варили кашу.

В сентябре уже начали бомбить беспощадно, мы не успевали дойти до квартиры, как опять объявляли: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!» Первая бомба в наш район попала в дом № 119 на Невском проспекте. Нам пришлось и ночевать в бомбоубежище, так как шли бомбёжки, после бомбёжек — артобстрел, тоже страшно.

В сентябре уже приходили из ЖАКТА рабочие и заколачивали туалет. Как-то закрыли кран и раковину на кухне. Вода закрыта, канализация не работает. Воды в квартире нет. В начале октября выдавали воду в определённое время в подвале дома — открывали нам кран на какой-то трубе, и выстраивалась очередь из соседёв, но это скоро закончилось.

С 1 сентября в школу пошли только старшие классы, младшие остались дома. Настала суровая зима, и страшный голод!!! Люди начали умирать уже в декабре. И самый страшный год — это 1942!!! Умирили семьями!!

Сестра Валя ходила в школу, в 8-й класс. Школа от дома далеко-далеко. А я с мамой сидела дома. У мамы был радикулит, она не могла ни повернуться, ни развернуться. А нам с Валеё нужно было ходить на рынок и менять один паёк хлеба на большую вязанку дров. Эту вязанку дров мы экономили, растягивали на неделю. В начале года мы пользовались самоваром, был и кипятик, и источник тепла — мы обхватывали его и по очереди грели руки. Но позже не было уже на самовар лучинок. Нужно было варить и пить похлебец. Пока была крупа, мы её немного добавляли, а потом и этого не стало. Была только вода, и по маленькому кусочку хлеба. Мама делила так, чтобы было по маленькому кусочку 3 раза в день на завтрак, обед и ужин.

Нас очень поддерживала хряпа из капусты. Мама делила её с тётей Гашей (но не помогло, она всё же умерла 25 марта, Лидочка осталась одна). Мама лежала с радикулитом

и от голода ослабла. Уже в сентябре она сварила из столярного клея студень. Мы его поели, и это было очень невкусно.

Нас с Валеёй мама попросила сходить к тётё Мане. Она жила в общежитии от фабрики «Работница», а находилось оно в Выборгском районе. Надо было привезти тётю на саночках к нам домой. Мы с Валеёй отправились, еле-еле сами-то плелись с санями. Нам надо было идти пешком через свой район, выйти на Литейный проспект, через Литейный мост, с моста направо. И так мы, девочки голодные, нашли общежитие и там тётю. Подружки тётки нам помогли усадить её на санки, и мы поплелись с ней к нам домой. Это было нелегко. Я уже и не помню, как мы тётю Маню дотащили. В марте, апреле немец нас не бомбил, так как знал, что мы все умираем от голода. Приехали к нашему дому, нам опять кто-то помог тащить тётю на 6-й этаж. Мама, конечно, обрадовалась, и за нас с Валеёй, и за тётю. Но тётя была уже очень плоха, слаба, еле говорила. Мы её накормили баландой, уложили в кровать, накрыли, чем могли. Было холодно, мы чуть живые, но двигались! Прожила у нас она несколько дней и 22 марта умерла. Пришлось нам её завернуть в простыню и зашить. Помогла соседка из 30-й квартиры. С Валеёй они уложили тётю на санки, укрепили, чтобы не уронить, и повезли в Невскую лавру к церкви. Там уже было много трупов, а куда отвозили оттуда, нам не известно. Мама очень плакала, а мы боялись за неё.

Потом с Валеёй мы пошли к тётё Гаше и узнали, что тётё Гаши нет (умерла 25 марта). Они с дочкой спали в одной кровати. Вначале даже и не знали, что она умерла. Когда сказали об этом маме, ей стало очень плохо. К Лидочке пришла бабушка (папина мама). Она осталась с ней и выхаживала её. А как она справилась с мёртвой тётёй Гашей — не знаем. Очень печально и жалко — куда она её отправила? Ведь она была сама чуть жива. Лидочку она каждый день выносила на солнышко на улицу, уже была на подходе весна.

Мне мама делала массаж, как могла. Накрывала всем, чем можно было, ведь было очень холодно. Всё не опишешь!

А надо было хоть немного воды. Вале приходилось ходить на Неву за водой, это на Калашниковскую (теперь Синопскую) набережную, я с ней пошла, но не смогла

и пошла обратно. Как только стало пригревать солнце, появилась травка, которую срывали моментально. Маме становилось немного лучше, начала ходить. И мы с ней тоже ходили щипать разную травку. И как-то мама её нарезала очень мелко, с чем-то соединила, не знаю с чем, и сделала котлеты из травы и пожарила на олифе. Это был ужас! Я съела несколько кусков, и меня сильно рвало. Было очень тяжело, не знаю, как я выжила. Валя не ела, была в школе. Когда она пришла и увидела, как я мучаюсь, есть не стала, мама тоже не ела. В общем, как-то я выжила, несколько дней болела. Но выжила!

В сентябре 1942 года пошла в школу и я, в 6-й класс 160-й школы Смольнинского района. Директором был мужчина. Помню учителей по истории и по русскому языку: Екатерину Петровну и Антонину Вячеславовну.

В школе был ужасный холод, чернил не было. Меня с урока забирала медсестра в медицинский кабинет и угощала красивым поджаренным, но ужасным на вкус «Крокетом». Он крошился как опилки, был сухой — не разжевать и плохо проглатывался. А запивать давала красивый зелёный напиток, на вкус хвойный, кислый, горький. Но всё это я должна была съесть и выпить. Не знаю, кормила ли ещё кого-нибудь медсестра. Звали её Татьяной...

В январе 1943 года, 18 числа объявили, что блокаду прорвали. Да, весь январь на небе было зарево, и мы чего-то ждали. День и ночь грохотала канонада, земля тряслась. Было жутко. Мы, конечно, все были рады и очень переживали, ведь наши солдатики столько натерпелись. Ведь и они были, наверное, не очень сыты.

Нас уже не очень часто бомбил немец. Он знал, что очень много умерло от голода, больше, чем от бомбёжек. А на радостях мы с девочками пошли в Театр музыкальной комедии — несколько раз на «Сильву», «Баядеру», «Летучую мышь». Театр разместился в Александринском театре, так как в здание Музкомедии попала либо бомба, либо снаряд. В зале сидели зрители в пальто, в платках, валенках, а артисты в костюмах, раздетые (удивлялись люди!), везде холод был.

Этот театр был единственный театр во время блокады. Помню некоторых артистов: Колесникову Ли-

*Слева – сестра Валя, справа я – Нина,
фото сделано сразу после войны*

дию, Орлова, Михайлова, Кедрова, Кораньковича. Это герои!!! А по радио каждый день выступала и нас воодушевляла Ольга Берггольц. Ещё помню артистку балета – Пельцер Нину, других не помню.

В 1943–1944 годах (сентябрь, октябрь) после занятий всегда ходили в эвакуационный госпиталь на Обводном канале и ухаживали за ранеными, помогали персоналу. К тяжелораненым нас не допускали. Потом ещё всю зиму ходили в госпиталь после занятий.

В сентябре 1943 года пошла в гимназию № 169 женской школы Смольнинского района. Летом нашу школу отправили на сельхозработы в Невский район (Невский лесопарк). Там кормили нас обедом. Работали на прополке грядок, не знаю с чем, я очень плохо себя чувствовала, так как у меня была дистрофия и цинга. На голени правой ноги были три огромные язвы. Лечила в основном солнцем, а это очень трудно — и полоть, и ногу как-то пристроить к солнцу. Я никому не говорила об этом, да и соображала, что не попала бы земля в язву! В лесопарке мы помогали до сентября 1944 года.

В сентябре 1943 года приступила к занятиям в 7-м классе 169-й женской школы. Директором школы была Анна Петровна Шилова (очень серьёзная), русский язык — Ольга Николаевна, алгебра — Алексей Петрович, физика — Владимир..., не помню больше никого. А вот когда нужно было обратиться по делу в РОНО — был замечательный человек — Морозов! Он очень любил детей, готов был всех обнять и расцеловать! Душевный, добрый!

По состоянию здоровья в 1944 году я ушла из школы.

Полностью от блокады город освободили в январе, 27 числа 1944 года! Это была большая радость для всех жителей!

Всё о блокаде не опишешь! Какой был холод и голод, как мы смогли все вместе это пережить!!!

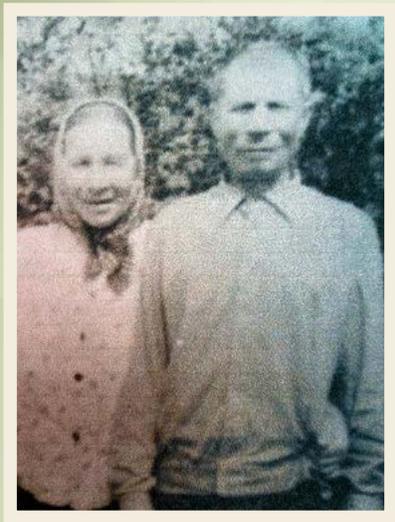
В сентябре 1944 года поступила в вечернюю школу, так как ходить в школу эту нужно через день, но из-за здоровья я её не окончила.

В 1945 году в июне демобилизовался папа! Это была самая большая радость!

В 1946 году в июне меня по здоровью родители отправили в деревню Мхи к тёте Поле и тёте Варе, они так и прожили всю войну в деревне и остались живы. Там я вылечила ногу. Потом поступила в медицинское училище, в 1948 году окончила его — по специальности медицинская сестра. Работала до пенсионного возраста.

*Подготовила Василиса Архипова,
ученица 2-го «Б» класса лицея № 126*

**Пётр
Ильич
ВИНОКУРОВ**

Один из моих прапрадедушек, Винокуров Пётр Ильич, в Великую Отечественную войну сражался в битве за Москву. В боях он получил тяжёлое ранение и впоследствии был комиссован по состоянию здоровья.

*Александр Ступак,
ученик 5-го «Д» класса лицея №126*

Василий Иванович ГОЛУБЧИКОВ

*Сквозь толщу лет, сквозь времени броню
Майор честь лейтенанту отдаёт!
Мы не забудем ни блокаду, ни войну.
И вечен ты, и вечен весь твой взвод!*

О чём молчат сосны

Как приятно в начале осени в выходной день выбраться за город! Насобирать корзину грибов и вволю надышаться чистым, ясным, слегка морозным воздухом! Всего полчаса на электричке — и мы с бабушкой и дедушкой приезжаем на станцию Ладожское озеро. Солнечные блики играют на воде, уходит к горизонту чистая гладь озера. А сосны на берегу! Величавые исполины прекрасны! Прекрасны и торжественно молчаливы. Им есть о чём рассказать, они многое помнят. И лишь береговой ветер, раскачивая тяжёлые стволы, заставляет их говорить. «Мы помним, а вы — помните?..» Они встречают моего деда как своего хорошего и верного друга. Им есть о чём помолчать. И есть о чём вспомнить...

...и дед вспоминает...

...Отец умер тихо, во сне. Просто вечером лёг спать, а утром не проснулся. Соседи помогли вынести его скованное ленинградским морозом тело на улицу. Шатаясь от голода и усталости, Васенька вёз его на санках на Пискарёвское кладбище, к которому медленно брели такие же измождённые, но не сломленные люди, провожая в последний путь своих родных и близких. Там, простившись с отцом, Василий оставил записку, в которой значились данные покойного и домашний адрес — «проспект Бенуа, дом 13, квартира 4».

К авианалётам и постоянным обстрелам ленинградские дети уже привыкли. Только звук сирены противовоздушной обороны города иногда заставлял дрожать маленькие тёплые сердца. До дома в тот вечер Василий так и не дошёл, обстрел застал его на Невском проспекте по дороге с завода. Пытаясь согреться в холодном бомбоубежище, расположенном в подвале Большого Гостиного Двора, он силился думать о чём-нибудь хорошем, но это хорошее было где-то далеко, в другой, прошлой, ещё довоенной жизни. Настоящее было выморожено сорокоградусными морозами, обожжено войной и сопровождалось постоянным чувством голода...

— Сорок лет — как один день... — дед снова о чём-то задумывается, а ветер колышет его седые волосы...

— Ты кто?! Что ты тут делаешь один?! — стараясь перекричать звук сирены, Вася тряс за плечо пацанёнка лет четырёх, одиноко стоящего посередине пустой улицы.

— Володька я, а мамка на заводе, — с баском ответил мальчуган. — На Воскова я живу. Только дома крысы, страшно там одному.

— А ну-ка, пойдём отсюда, — Василий взял мальчишку за руку и быстро направился с ним к ближайшему бомбоубежищу. Там, передав пацана дежурному, он сообщил всё, что рассказал о себе паренёк: «Пахтушкин Владимир, улица Воскова, дом 16, квартира 17».

Скрип сосен на секунду заставляет деда вернуться в реальность, а потом он снова вспоминает.

...Не прошло и минуты, как шедшая перед ними «полуторка», проломив лёд, быстро ушла под воду. Со всеми, кто был в ней. Подбежавшие к полынье люди пытались хоть

чем-то помочь тонущим, но коварная холодная ладожская вода расчётливо и смертельно делала своё дело. На поверхности осталось только несколько плавающих детских игрушек, поддерживаемых маленькими струйками воздушных пузырьков, идущих с глубины. Огромный и холодный как лёд ком предательски застрял в горле. И в такой же обжигающий лёд превратились слёзы, бегущие от непреодолимой беспомощности, чувства собственного бессилия и невозможности уже что-либо исправить.

— Вот так, внучок, — дед гладит меня по голове и всматривается в горизонт, как будто видит там то, чего не вижу я...

— Голубчиков Василий Иванович, 1925-го года рождения, — прочитал представленное ему заявление начальник призывной комиссии. — На фронт просишься, — он строго посмотрел на Василия, — тебе же нет полных восемнадцати, хотя... кто там потом разбираться будет? — и печать о направлении на курсы школы командиров была поставлена.

Два месяца ускоренной учёбы, звание младшего лейтенанта и — фронт.

— Принимайте взвод, товарищ младший лейтенант, — угрюмо козырнул Василию капитан.

— А-а-а... где?.. Где взвод-то? — Вася оторопело взглянул на двух, стоящих рядом с капитаном, таких же молоденьких, как и он сам, пацанов.

— Это и есть твой взвод, — капитан кивнул в сторону этих двоих. — Остальных по дороге сюда убило, оформи на них похоронки, — капитан протянул Василию пачку документов, — Это всё, что осталось от погибших.

«Господи, я и в глаза-то их не видел, до фронта не доехали...» — подумал взводный.

— Есть принять взвод! — юный командир отдал честь капитану и принял от него свой первый в жизни взвод, все тридцать человек. Принял всех, и мёртвых, и живых.

Сколько раз потом этот взвод пополнялся? Сколько человек прошло через него? Триста? Пятьсот? Тысяча? Тысяча человек — это уже полк. Целый полк во главе с младшим лейтенантом... Средняя продолжительность жизни

солдата на фронте — сутки. За сутки на Ленинградском и Волховском фронтах гибли батальоны, полки, дивизии. Во время боя продолжительность существования одного взвода — несколько минут.

А взвод Василия Ивановича держался сутками. И сам командир взвода держался. Как будто чувствуя, что самый главный бой — ещё впереди.

Приказ о наступлении пришёл накануне вечером. Начало крупномасштабной войсковой операции планировалось на ранний утренний час. Скоро всё должно решиться. Здесь и сейчас. Василий Иванович постоянно смотрел на стрелки наручных часов, неумолимо приближавших момент истины.

«Убьют, не убьют?..» — взводный старался отогнать от себя нехорошие мысли, снова и снова прокручивая в голове всё то, что им, взводным командирам, накануне говорил генерал, делая упор на важность и значимость действий именно их — командиров взводов, которым предстояло вести людей в атаку. Именно на их плечи, восемнадцати-двадцатилетних парней, выпала огромная задача — не подвести, поднять солдат и вести их в бой, лично становясь примером мужества и бесстрашия.

А ещё Василий вспомнил того мальчишку на улице Воскова, детей, утонувших в ладожской полынье, своих, уже умерших родителей. И всех, кто прошёл через его взвод, — живых и мёртвых. За всех за них он был теперь лично ответственен. Что-то огромное и великое не позволяло подвести, испугаться, предать, отступить. И обтрескавшиеся от мороза губы тихо произнесли: «Господи, спаси и сохрани...»

Сигналом об окончании артподготовки и начале пехотного наступления были две яркие зелёные ракеты, выпущенные в чёрное морозное небо. Всё! Позади пути нет! Только вперёд!

Поднявшись из окопа, набрав полные лёгкие воздуха, Василий, сам удивившийся нахлынувшим на него лёгкости и спокойствию, громко отдал приказ: «Взво-о-од! За мной! В ата-а-а-ку-у-у!» — и встав в полный рост, побежал вперёд, ведя за собой солдат, направляя их сам лично на этот путь — кого к Победе, а кого — в Бессмертие. Они бежали вперёд, не смотря на бьющие по ним в упор немецкие пулемёты, несломленные люди

несломленного города! И Василию на какой-то момент показалось, что сама ленинградская земля помогает ему. И эти родные русские сосны тоже помогают, принимая на себя вражеские пули, предназначенные для них — верных сыновей своей земли русской!

...Осенний день быстро заканчивается. Пора возвращаться в город. Дед на прощание проводит рукой по сосновому стволу и что-то шепчет. И сосны понимают его, качаясь в ответ. Им есть о чём вспомнить и о чём помолчать.

...Это потом будет сообщение Левитана по радио. Это потом будет вечерний праздничный Ленинградский салют. Это потом будут награды и похоронки...

Дед снова оглядывается на Ладогу.

...А здесь и сейчас они идут в атаку. Идут в вечность, в бессмертие! Идут все — мёртвые и живые!

Голубчикову Василию Ивановичу (04.05.1925—09.03.2006), моему дедушке, посвящается.

Иван Голубчиков

Владимир Иванович ГОЛУБЧИКОВ

*Хочу смотреть с разбитых Пулковских высот,
Как ты ЖИВЁШЬ, врагом не сломленный народ!*
А. Розенбаум

Город продолжает жить!

Санкт-Петербург! Ленинград! Как прекрасен ты своими гранитными набережными и грациозными дворцами! Как приятен ты своими тихими садами и скверами! Как честен ты своим мужеством и героизмом! История города неразрывно связана с историей моей семьи. В этом рассказе мы хотим описать подвиг, который совершил младший брат моего деда — Голубчиков Владимир Иванович.

До войны Голубчиковы жили на проспекте Бенуа, теперь это Тихорецкий проспект. Владимир был самым младшим братом в семье, на момент начала войны ему было тринадцать лет. Он был такой же, как и мой сын сейчас. Наверное, поэтому мне и моему сыну так близок его образ жизни и героизм, проявленный в годы войны и блокады.

Обыкновенный ленинградский мальчишка, который учился в школе, гонял с такими же ребятами футбольный мяч, катался на велосипеде, ходил в кино, мечтал выучиться на инженера. Все планы резко изменила война. Первый блокадный год принёс много страданий. Смерть от голода и болезней забрала родителей. Старшие братья ушли на фронт. Владимир остался один в вымороженном ссохшемся от страданий и голода городе.

...Сегодня утром он еле проснулся. Очень хочется есть! Вода в чайнике замёрзла, значит, нужно ещё успеть растопить уже остывшую печурку, попить кипятка и снова идти в училище. А после учёбы встать к станку на находящемся рядом Ленинградском металлургическом заводе и замёрзшими руками делать снаряды для нашей армии. Путь на завод не близкий, а градусник на окне показывает «минус тридцать восемь градусов». Припася пару запасных варёжек, Владимир идёт привычным ему маршрутом... До завода идти пешком часа два, укрываясь временами от снарядов и бомб, которыми враг так сильно пытается уничтожить город. Но Ленинград продолжает жить. И продолжает работать! Владимир идёт по Лаботорному проспекту в сторону площади Калинина. На открытой местности пурга становится более яростной, сильный колючий ветер забивает глаза режущим снегом. Ещё немножко и впереди будет кинотеатр «Гигант», где можно чуть-чуть отдохнуть, согреться и продолжить путь дальше. На случай непредвиденных остановок в пути Владимир держит в кармане пару ржаных сухарей. Ведь неизвестно, удастся ли сегодня вечером вернуться домой, отоварив по дороге продуктовые карточки.

Вот и Кондратьевский проспект, до завода осталось метров пятьсот. Пятьсот метров — это почти тысяча шагов. А каждый шаг — это упорство, сделанное через силу и глубокие сугробы.

Хорошо, что внутри помещений училища не так холодно. Старый учитель математики пытается объяснить ребятам условия решения сложной задачи. Но как объяснить подросткам условия, в которых надо выжить? Выжить для того, чтобы работать, сменив у станков завода тех, кто ушёл на фронт, кому так нужны боеприпасы, сделанные детскими руками. Но город живёт! Город работает! Работает назло врагу!

Уйти домой сегодня не получилось, враг методично обстреливает город, особенно заводы. Значит, пригодились сухари. Владимир ловит взгляд такого же голодного подростка своей группы и делится с приятелем ценным хлебом. Иначе совесть не позволит. А в ответ на вражеский обстрел Владимир и его товарищи продолжают с упорством работать, делая боеприпасы. Продолжают работать, теряя сознание и падая от бессилия и голода. Продолжают работать и продолжают жить! Не зная, что уже подписано представление о награждении их, маленьких тружеников не сломленного города, медалями «За оборону Ленинграда»!

Тот январский день Владимир не забудет никогда! Блокада города прорвана! Значит, не зря! Не зря они — ленинградские мальчишки — делали своё взрослое дело! Значит, нужно работать и жить дальше! Жить назло врагу, вместе с непобеждённым городом!

...Прошли годы. В то апрельское утро главный метролог Ленинградского металлического завода Владимир Иванович Голубчиков стоял около раскрытого настежь окна своего рабочего кабинета, упорно всматриваясь в чистую синеву неба! Где-то там, далеко за облаками, по чётко вычисленному звёздному пути летит космический корабль «Восток-6» с первым космонавтом на борту! И так торжественно и приятно от того, что некоторые важные детали для этого космического корабля производились тут, на Ленинградском металлическом заводе, под чутким и верным руководством его главного метролога. Значит, город работает! И город живёт!

Владимир Иванович неспешно отходит от окна и садится за свой рабочий стол. Впереди множество планов и задач! Владимир Иванович Голубчиков продолжает работать. И продолжает жить! Жить вместе со своим прекрасным и любимым родным городом!

Иван и Сергей Голубчиковы

Александр Алексеевич ГОРБУШИН

В каждой семье в России есть свои герои периода Великой Отечественной войны: известные и неизвестные. Каждый год 9 Мая в моей семье мы вспоминаем Горбушина Александра Алексеевича (Александровича) 1898 года рождения (прадеда по материнской линии). Путаница в документах не позволяет восстановить дату и отчество моего прадеда, погибшего в 1943 году под Смоленском. Воспитывался прадед в приёмной семье, так как в крестьянских семьях прокормить 11 детей было сложно, то отдавали родственникам или знакомым в приёмные семьи. Призвали Александра на фронт в 1941 году в городе Ижевске Удмуртской АССР, где он проживал с женой (моей прабабушкой) Аграфеной (Агрипиной) Ивановной и с сыном Юрием (моим дедом). Дед рос без отца, после гибели Александра долго о его судьбе ничего было не известно, пока не пришла похоронка. Известно о двух воинских званиях прадеда в рядах РККА: сержант и ефрейтор. По документам о захоронении от 13 августа 1943 года дед покоится в Смоленской области, Духовщинский р-н, Бересневский с/с, д. Рибшево, Братская могила № 9.

Много лет назад перед 9 Мая мне приснился сон о гибели солдата у безымянной берёзы от потери крови во время ранения в ногу. Через несколько дней впер-

вые были опубликованы засекреченные ранее списки погибших РККА. В нашей семье до сих пор, кроме скупых фраз из документов, ничего не известно о периоде службы прадеда в рядах Красной армии после мобилизации. На военных фотографиях 1942 года во время отпуска прадед в военной форме среди родственников. У нас долгие годы сохраняется традиция поминовения имени Александра в день его рождения и 9 Мая в честь общей Победы, которую он приблизил ценой своей жизни. Вечная память.

*Галина Владимировна
Медведева (Сургутская),
учитель истории лицея № 126*

Сергей Тимофеевич ГОРЯЧЕВ

Мой прапрадедушка принимал участие в четырёх войнах: Первой мировой, Гражданской, Советско-финской и Великой Отечественной.

В Первую мировую войну прапрадед сражался на Кавказе и Юго-Западном фронте. В 1941 году Сергей Тимофеевич был призван в армию уже в возрасте 45 лет в звании сержанта. Воевал на Волховском фронте, в районе Тихвина, был неоднократно ранен.

В 1945 году награждён медалью «За оборону Ленинграда».

*Александр Ступак,
ученик 5-го «Д» класса лицея № 126*

Александр Афанасьевич ЖУРИК

★ Награждён:

- орденом *Отечественной войны* II-й степени, медалями «За отвагу», «Партизану *Отечественной войны* II-й степени», «За Победу над Германией в *Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.*», «*Ветеран труда*», «30 лет *Советской Армии и Флоту*», «50 лет *Вооружённых сил СССР*», «60 лет *Вооружённых сил СССР*», «70 лет *Вооружённых сил СССР*», «20 лет *Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.*», «30 лет *Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.*», «40 лет *Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.*», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения *В.И. Ленина*».
- Значками «25 лет *Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.*», «Отличный дружинник *БССР*», а также почётными грамотами *Минского облоно*, *Министерства просвещения БССР*, *Министерства просвещения СССР*.

Родился 21 сентября 1924 года в деревне Синча Дубровского сельсовета Пуховичского района Минской области. В 1925 году переехали на жительство в деревню Липники Горелецеого сельсовета Пуховичского района Минской области.

Родители были колхозниками и работали в колхозе. Отец в 1944 году погиб на фронте, мать умерла в 1978 году.

В 1932 году поступил учиться в 1-й класс Липниковской начальной школы Пуховичского района, а в 1936 году окончил четыре класса этой школы. В пятом, шестом, седьмом классах учился во 2-й железнодорожной школе города Гомеля и в 1939 году окончил 7 классов.

В 1939 году поступил учиться на 1-й курс Минского педагогического училища им. Н.К. Крупской. В 1941 году окончил 2 курса этого училища, и началась война. С 1941 по 1943 год проживал в д. Липники и работал в сельском хозяйстве. С июля месяца 1943 года по июль 1944-го находился в партизанском отряде им. Молотова 2-й Минской партизан-

ской бригады, которая дислоцировалась на территории Минской области. В июле 1944 года участвовал в партизанском параде в городе Минске.

С сентября по ноябрь 1944 года работал рабочим на 7-м строительно-восстановительном участке Белорусской железной дороги от станции Минск до станции Осиповичи. В ноябре 1944 года был призван Осиповичским РВК в ряды Советской армии.

В рядах Советской армии находился с ноября 1944 по октябрь 1949 года.

Военную службу проходил:

- с ноября 1944 по январь 1945 года в 36-м запасном стрелковом полку 18-й запасной стрелковой дивизии, стрелок, Смоленская область, район города Ярцево;

- с января 1945 по октябрь 1945 года в 6-м запасном кавалерийском полку 3-й запасной кавалерийской бригады, курсант полковой школы, г. Борисов, в/г Печи;

- с октября 1945 по октябрь 1949 год в 193-м Окружном ветеринарном лазарете, командир отделения, д Красное Молодечненского района.

Военную присягу принял 3 января 1945 года в 6-м запасном кавалерийском полку и был принят в члены ВЛКСМ. 1 Мая 1945 года участвовал в первомайском параде в городе Минске в составе 6-го запасного кавалерийского полка.

С 1949 года, после демобилизации из рядов Советской армии, долгое время был секретарём Комсомольской организации Красненского сельского совета, избирался членом пленума Радошковичского РК ЛКСМБ. Несколько раз избирался депутатом Красненского сельского совета, народным заседателем нарсуда Молодечненского района, неоднократно избирался членом правления Красненского сельпо Молодечненского РПС. Был дружинником ДНД в совхозе «Красное», несколько лет был председателем товарищеского суда при Красненском сельсовете.

С января 1950 года стал работать учителем начальных классов в Красненской СШ Молодечненского района Минской области.

В 1951 году поступил учиться (вторично) в Минское педагогическое училище им. Н.К. Крупской (заочно), которое окончил в 1955 году.

*Егор Войнич,
ученик 5-го класса лицея № 126*

Николай Васильевич и Гина Николаевна ЗАКАРЖЕВСКИЕ

Хочу немного рассказать о своих родителях: Закаржевском Николае Васильевиче и Закаржевской (девичья фамилия Руданова) Гине Николаевне.

Оба они родились в 1926 году. На начало блокады Ленинграда маме было 15 лет, а папе ещё 14. Папа жил на улице Шкапина, рядом с Балтийским вокзалом, в доме № 29, кв. 31 в небольшой коммунальной квартире, а мама жила на наб. реки Фонтанки, в доме № 137 напротив Троицкого собора в коммунальной квартире № 137 с большим количеством комнат и жильцов.

Мои родители практически ничего не рассказывали о блокаде, так как это были очень тяжёлые для них воспоминания, о которых хотелось забыть, да и в советское время как-то не принято было ими делиться. Папы уже давно нет в живых, а мама после инсульта не говорит, но я у неё несколько лет назад аккуратно кое-что расспрашивала.

Папа с начала войны по объявленной трудовой повинности для всех граждан с 14 лет сразу пошёл работать на завод, который после войны назывался Завод подь-

ёмно-транспортного оборудования им. С.М. Кирова (как во время войны — не знаю). Сразу вспоминаются кадры кинохроники о мальчишках, которые на ящиках стоят за станками, так, наверное, и мой папа токаричал. Находился завод на наб. Обводного канала. Одно из папиных воспоминаний: он идёт на смену вдоль очень длинного заводского забора к проходной. И вдруг начинается бомбёжка. Справа — высокий заводской забор и узкий тротуар, слева — дорога и Обводный канал. Спрятаться некуда, забор очень-очень длинный, бежать некуда. Это было очень страшно.

Ещё одно — как они с другом во время небольшого перерыва на заводе разговаривали около окна. Папа стоял спиной, а его приятель лицом к окну. И вдруг разорвалась бомба, и его приятелю на глазах у моего папы осколком разорвало живот.

Папа, пожалуй, был главным кормильцем семьи, а дома были мама, больной отец-инвалид, младшая сестрёнка. Старшая сестра тоже вроде работала, но где — не знаю, и не рабочей. Старший брат был на фронте. Его отец умер от голода в январе 1942-го, а мама — в августе того же года, оба похоронены на Пискаревском кладбище.

Ещё одно воспоминание времён блокады: пришли в гости сослуживцы брата с весточкой с фронта, их с радостью встретили, чем могли накормили, уложили спать. А когда они ушли, обнаружили пропажу золотых часов Павла Буре, которые принадлежали маме и были единственной памятью о ней. Вот так.

Папа, как и многие ленинградцы, участвовал в общественных работах по укреплению обороны города. Он много раз просил, чтобы его отправили на фронт, но его как отличного работника направлять туда отказывались. После войны и службы в армии (с августа 1945 г. по октябрь 1950 г.) он уже работал на другом предприятии. Надо сказать, что несмотря на то что папа был беспартийный (принципиально), он всегда был отмечен наградами за хорошую работу, в том числе награждён орденом «Знак Почёта». И конечно, имел медаль «За оборону Ленинграда».

Мама к началу блокады осталась с бабушкой. Её мама с младшим братом летом сопровождали поезд с детьми в эвакуацию. Они попали под бомбёжку, мама получила ранение в голову и попала в госпиталь, брат —

в детдом. Её отец добровольцем пошёл на фронт и пропал без вести на Ленинградском фронте в марте 1942 года. Бабушка зимой 1941 года умерла, и моя мама пешком в мороз на санках отвезла её на Волковское кладбище для захоронения. Так моя мама осталась одна в блокадном Ленинграде. Она жила вместе со своей лучшей подругой Галей в той же квартире, в Галиной комнате, где была «буржуйка» и отверстие для трубы дымохода в стене. Они на одной перине спали, а другой накрывались. Бывало, когда нечем топить печку, подворовывали дрова. Мама вспоминает, что осенью они с Галей поехали на капустные поля (кажется, на трамвае № 14), которые находились где-то в районе Пискаревки, собрать хряпу, которая могла там остаться после сборки урожая. И вдруг в небе над ними появился вражеский самолёт. Они, понятно, перепугались, бежать некуда. Но самолёт стал разбрасывать агитационные листовки. Мама с Галей их подняли, прочитали и стали возмущённо кричать, что они ни за что не сдадутся.

С начала войны мама работала на различных общественных работах при домоуправлении: грузила песок на грузовые трамваи, из мешков с песком строила заграждения, в числе других переоборудовала под госпиталь здание школы, скалывала лёд, весной убирала улицы и дворы от скопившихся за зиму нечистот и выполняла другую тяжёлую работу. И скорее всего, подходила под категорию «иждивенец», т.е. с самой маленькой пайкой хлеба.

Одно из самых негативных воспоминаний: измождённые, голодные весной 1942 года кололи лёд, убирали улицы, а оправдомша орала на них: «Ну что, дохлятики, лом поднять не можете?» А они на самом деле еле на ногах стояли. И пожаловаться было некому, так как оправдомша была связана с милицией, выдавала карточки, могла их и лишить. Сама она, естественно, от голода не страдала. И ещё, самое главное — она уничтожила все документы о работе моей мамы (и не только её) в период блокады. Так мама получила только звание «Житель блокадного Ленинграда».

Я расспрашивала маму о повседневной жизни в период 1941—1942 годов. Она рассказывала, что на окнах висели чёрные шторы, через которые не проникал свет, была сплошная светомаскировка. На улицах, чтобы не стал-

киваться в темноте друг с другом, на одежду люди прикрепляли светящиеся значки. Если в кромешной темноте в окне горел свет, то считалось, что это предатели сигнализировали врагам.

Воду брали из Фонтанки, на её чистоту никто не обращал внимание, хотя выше по течению находилась больница и в реку сливались все отходы.

Жили на втором этаже. Воды не было, канализация замёрзла, и все нечистоты обессиленным горожанам приходилось сливать из вёдер на лестницу, где всё моментально замёрзло. Никто не мылся. Просто умывались, все были вшивые. Когда стало возможно, руководство города официально объявило банные дни.

Летом 1942 года мама была эвакуирована в Ростов (Великий), где тоже было очень голодно. А в 1943-м вернулась в Ленинград. С 1944 года стала работать на Октябрьской железной дороге. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». После войны бесплатно, помимо основной работы, восстанавливала разрушенный Ленинград, разбираала противотанковые заграждения в Петергофе.

Страшный голод, холод, бомбёжки мои родители пережили в совсем юном возрасте и старались забыть о пережитом в блокадном городе. А мы обязаны помнить об их подвиге! И мы помним и гордимся!

За нашу Советскую Родину

★ УДОСТОВЕРЕНИЕ ★

За участие в героической обороне

ЛЕНИНГРАДА

Закоржевский
Николай Васильевич
Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 22 декабря 1942 г. награжден
медалью

«ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
медаль «За оборону Ленинграда»
вручена *13 " Января* 1943 г.
№ Е 26071

Надежда Закаржевская

Павел Михайлович ИВАНОВ

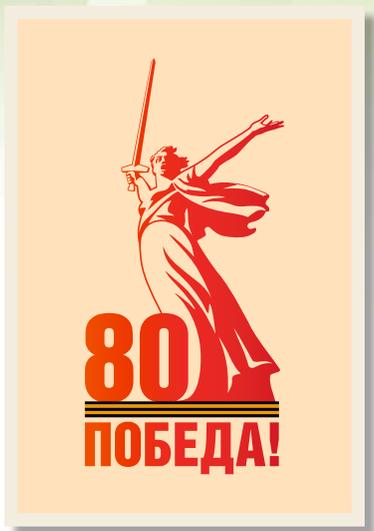
Родился в Ленинграде. Во время блокады похоронил на Пискаревском кладбище своего отца — Иванова Михаила Ивановича, который работал на оборонном заводе и умер от голода. Чтобы уйти на фронт, мой прадедушка прибавил себе два года в документах. Ему было только 16 лет! Служил в разведке. Рассказывал моей маме, как он гонял фашистов по нашим лесам.

После Победы служил в милиции и дослужился до полковника МВД. Был очень скромным и немеркантильным человеком. Очень дружелюбным и отзывчивым. Его поучение: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей!» — девиз нашей семьи до сегодняшнего дня.

Я горжусь своим прадедушкой!

*Ксения Павлова,
ученица 2-го «Б» класса лицея № 126*

Антонина Ивановна ИГНАТОВА

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда, один из самых трагических этапов Великой Отечественной войны. Мужественные жители города стойко выдержали все 872 дня, в течение которых сообщение с остальной страной поддерживалось только по Ладожскому озеру и по воздуху. Блокада была снята 27 января 1944 года. За это время от голода и обстрелов умерло более 641 тысячи человек (по другим данным, не менее 1 миллиона).

Рассказ будет о моей героической прабабушке — Игнатовой Антонине Ивановне. Пятилетней девочкой ей довелось оказаться в блокадном городе. Свою историю она передала нам в наследство. Рассказ будет от первого лица.

«К началу войны нас у мамы уже было трое, а ей-то самой 19 лет. Папу забрали на фронт. А нам пришлось пережить трудный период. Мама отказалась ехать в эвакуацию, ведь никто тогда не знал, что нас ожидает. Она сказала: “Погибнем, так дома”. Мама работала на трамвае, уходила, бывало, на несколько суток, а мы оставались с бабушкой. Мы

жили на самом опасном 4-м этаже. Обстрелы были частыми. Помню, как прямо во двор падали снаряды. Мы не боялись — наверное, не понимали толком ничего. Выбегали во двор, коллекционировали осколки, играли с ними. Во дворе стояли зенитки, ходили военные. Чтобы не умереть с голоду, мы с сестрой сажали картошку. В сентябре по холодной земле ходили босиком. Нам давали соловое молоко и хвойную настойку от цинги, но всё равно она нас не миновала. У меня от цинги болела нога, и в какой-то момент её хотели даже ампутировать. Помог случай. Как-то мы шли с бабушкой в поликлинику на перевязку, а навстречу нам строем — солдаты. Они увидели, что у меня ножка болит и что я хромаю, и позвали бабушку. Тогда на фронте только появилась стрептоцидовая мазь, ею-то они и поделились с нами. Благодаря ей я пошла на поправку. Много лет благодарна им всем, хотя мало кто выжил в той войне. А ещё в блокадном городе мы, дети, собирали лебеду, из которой бабушка жарила котлетки. Когда горели Бадаевские склады, вся ребятня бегала туда искать землю с жжёным сахаром.

Еды не было совсем, выживали как могли. Во время обстрелов мы отсиживались в туалете, потому что три его стены были капитальными.

Мне кажется, что у нас был хороший управдом. К зиме он пришёл к нам и забил все окна фанерой, потому что взрывной волной в них давно повыбивало все стёкла. А когда стало холодно, мы утеплили все окна подушками и одеялами. Жили в темноте. Помню, мыши бегали у нас прямо под ногами, тоже голодные. Мы играли с ними, бантики привязывали на хвостики.

Несмотря на то что я была маленькая, всё равно ходила с сестрой в школу, потому что там можно было поесть. Когда мы шли в школу, бывало, начинался обстрел и падали снаряды, но нас от беды Бог уберёг.

Мы глупыми были, разглядывали воронки, прыгали в них. Однажды во дворе школы после отбоя воздушной тревоги мы увидели убитую лошадь, принадлежавшую воинской части, стоявшей неподалёку. И мы, и взрослые тут же стали резать эту лошадь, достался и нам кусочек, вот так и выживали, ели всё,

что находили, и даже то, что не стоило. Много людей умирало вокруг от голода, холода, ранений и болезней.

Отец вернулся с фронта в 1945 году. У него было 5 братьев, все они погибли на фронте, защищая Ленинград. Я благодарна Богу, что мне удалось выжить, родить дочь и воспитать внучку и даже правнука».

*Подготовил Кирилл Хвиль,
ученик 6-го «Б» класса лицея № 126*

Фёдор Иванович ИЗМАЙЛОВ

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Есть такая работа — Родину защищать.

Мой отец, Измайлов Фёдор Иванович, ушёл защищать свой дом, семью, город, страну, когда мне было два года. А вернулся с войны, когда мне было восемнадцать.

Отец прошёл три войны: финскую, германскую и... литовскую. Да, литовскую. Так я называю войну наших чекистско-войсковых и милицейских подразделений с «лесными братьями», или, попросту говоря, с вооружённым бандитским националистическим подпольем в Литве в 1945—1953 годах.

Все эти войны, которые прошёл отец, были не похожи одна на другую. Но он и его товарищи по оружию выполнили то, что должны были сделать: защитить Родину и Ленинград от врагов, внешних и внутренних.

Шагая по улицам и набережным Ленинграда, по тропинкам Комарово, отец вспоминал эпизоды финской войны, литовского лесного противостояния. Проезжая на электричке мимо городских пригородов, он угадывал

*Мой отец – Измайлов Фёдор Иванович, снайпер,
1943 год, Волховский фронт*

за окном место, где жили в то время его бывшие боевые друзья: водитель Бойко, Мухин, Сонин, Харитоненко...

Помню, как отец при встречах с его старшим братом Андреем вспоминал боевые эпизоды финской войны, как ходили летом на Большеохтинское кладбище к могилам наших героев-красноармейцев, павших в боях на Советско-финляндской войне 1939—1940 гг.

Отец рассказывал о некоторых эпизодах войны с белофиннами. Он служил в лыжной роте. В одном из боёв в феврале 1940-го рота, выполняя приказ, прочёсывала лес вдоль дороги, по которой двигались наши танки. В лесу могли находиться огневые точки и снайперы противника. Лес был частый. Мороз под 50 градусов. Снег глубокий, рыхлый, по нему даже на лыжах двигаться нелегко, да ещё с солдатским снаряжением и оружием.

Голову, шею и лицо бойцов от бровей до губ укрывали от мороза шерстяные шапки с длинными отворотами.

В лесу был слышен треск финских автоматов, одиночные выстрелы наших красноармейцев.

На одной из просек бойцам удалось захватить в плен финского дозорного, который пытался убежать на лыжах по проложенной лыжне. Из его показаний стало известно о дотах, которые располагались близ местечка Кангаспелта, куда двигалась рота.

В километрах двух от Кангаспелты шедшие по дороге танки с пехотой на броне были обстреляны противником. Завязался короткий бой.

Тут-то и выручила танкистов рота лыжников-красноармейцев, которая, услышав выстрелы, изменила направление движения и вышла в тыл засевшим в засаде белофиннам.

В бою за взятие Кангаспелты участвовали танкисты с пехотинцами и две роты лыжников-красноармейцев, наступавших с флангов.

После продолжительного боя Кангаспелта была взята.

О многих боевых эпизодах рассказывал отец. Он показывал трофейный финский иллюстрированный цветной журнал, найденный им в одном из захваченных дотов. А для меня самым большим подарком были не эти цветные журнальные картинки, а сам отец, вернувшийся с войны живым и невредимым.

...22 июня 1941-го. Утро. Под синим летним небом просыпается наша улица. Не спешат прохожие. Прогромыхает редкий трамвай.

Мы собираемся в гости. Мама укладывает в сумочку гостинцы. Отец сажает меня на верхнюю полку этажерки и застёгивает багетки. Они новенькие, светло-коричневые и блестят на утреннем солнечном свете. Мне четыре года, и мы собираемся ехать к родственникам, что живут в Демидовом переулке у Сенной площади.

Открывается дверь и вбегает бабушка Агафья.

«Беда, слышите, беда, — скороговоркой выкрикивает она, — война, немец напал...»

Отец, не оборачиваясь, продолжает надевать мне на голову белую панамку и спокойно отвечает: «Не шуми, бабуля, какая война, мы — аэроостатчики, нам сообщат...»

Отец в те дни находился на военных сборах, его часть стояла под Ленинградом. В 1939—1940-х годах он воевал в составе лыжного батальона с белофиннами, был ранен. Разговоры о приближающейся новой войне ходили давно, однако

страшная вестъ всё же оказалась внезапной. И всё изменилось в нашей жизни. На третий день войны отец ушёл на фронт.

Помню, как в блокадном Ленинграде, когда в феврале 1942-го умерла от голода моя двухлетняя сестрёнка Нонна, отец написал маме в письме с фронта: береги Альку.

Отец воевал на Ленинградском, Волховском, Прибалтийском фронтах, был ранен под Невской Дубровкой. Снайпером он истребил двадцать восемь фашистов. Так засвидетельствовано в его «Личном счёте мести». Был награждён двумя медалями «За отвагу».

В 1945 году он прошёл тактическое, техническое, политическое обучение в соответствующей оперативной школе в Ленинграде. В эту школу, в действующих на фронте войсках, отбирали наиболее дисциплинированных, опытных в боевом деле сержантов и офицеров, умеющих в серьёзные моменты принимать самостоятельные правильные решения.

Первые послевоенные годы были трудными во всех отношениях. Люди восстанавливали разрушенное войной хозяйство. В обычной жизни не хватало многого: хлеба, посуды, одежды. И за домашними столами с тревогой говорили о том, что ещё требуется шесть—семь лет, а может быть, и больше, чтобы залечить раны военной разрухи.

С тревогой говорили о войне после войны, войне «холодной», экономической, когда бывшие наши союзники оставили нас не только без финансовой, но и материальной помощи. Нашим отцам и матерям приходилось всё делать самим, своими силами: обеспечивать нормальную жизнь своим семьям, детям.

В июле—августе 1944 года вслед за войсками 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов на территорию Литвы вступили части войск НКВД. В республике были развёрнуты 7 пограничных полков. В их задачу входила очистка прифронтовой полосы и освобождённой территории от отставших солдат и офицеров германских частей, мародёров, дезертиров, вражеской агентуры, антисоветских элементов, пособников противника. И это было необходимо, поскольку в этот период заметно активизировались антисоветские силы.

Летом 1945 года мы с мамой навестили отца, пришли в здание на Мойке, где он в ту пору сдавал экзамены. Поэтому его из подразделения не отпустили, мы лишь поговорили с ним на КПП. Свидание было коротким. Помню его крепкие руки, обнимающие меня, счастливую улыбку, тёплые слова: «Не грусти, курносый, скоро будем вместе, я вас выпишу к месту моего назначения».

Так вскоре и произошло. Осенью мы собрались в путь. Ехали с мамой, с несколькими чемоданами: одеждой, посудой, ведь впереди была неизвестность.

...1945 год. Мой отец, Фёдор Иванович Измайлов, назначен оперуполномоченным, затем заместителем начальника райотдела НКВД города Йонишкис Литовской ССР. Отец отправился на новое место службы в августе, после окончания спецшколы в Ленинграде. Через месяц телеграфировал нам с матерью: приезжайте.

Однажды вечером отец сидел на кровати и, разобрав автомат, смазывал детали, готовясь к предстоящей боевой операции. Мать пришивала пуговицы к платью. Я сидел рядом с отцом и смотрел на его работу.

Собрав автомат, отец взвёл затвор и нажал на спусковой крючок. Неожиданно раздался выстрел. С потолка посыпалась штукатурка. Мама взвизгнула. Я тоже вздрогнул от неожиданности. Оказывается отец, вынув из автомата магазин с патронами, забыл, что в автомате остался один патрон.

Рано утром, когда я ещё спал, отец без особого шума собрался, тихо на кухне позавтракал, и мама его проводила до порога. Я в полусне слышал, как мимо нашего дома проехал грузовик, затем второй, в котором находились «стрибасы» — бойцы литовского истребительного отряда. Отец не очень любил выходить с ними на боевые операции, он предпочитал работать вместе с нашим боевым подразделением, пусть не так многочисленным, но зато более опытным, надёжным, «обстрелянным», снабжённым обученными фронтовыми собаками — овчарками, умевшими брать след противника, находить его в любой обстановке: в лесу, поле, болоте, в бункерах.

Бункер «лесных братьев» обычно располагался в лесу под землёй, глубиной до двух метров, укрывался бревен-

чатым настилом толщиной до 60 сантиметров, наружу выводилась замаскированная под пень отдушина. Внутри бункера было несколько помещений, кухня, нары, радиоприёмник, радиопередатчик, пишущая машинка. Обычно бункер сооружался вблизи речки, озера, водоёма.

В ходе чекистско-войсковых операций в одном из бункеров на территории Шауляйского округа были обнаружены и изъяты секретные штабные документы руководства, так называемой, Литовской освободительной армии, радиокоды, шифры и ключи к ним.

В результате радиоперехватов нашим радистам удавалось не только обнаружить место расположения «лесных братьев», но и по стилю радиопреговоров распознать клички лидеров бандформирований: Лапас, Жильватис, Добилас, Уодас, Каролина..., расшифровать сообщения о деятельности, так называемого Верховного Комитета освобождения Литвы, базировавшегося на территории Германии, занятой союзными войсками, и сотрудничавшего с правительственными кругами Англии, США, Швеции.

Выходной день. Обеденное время. Мы сидим всей семьёй за столом. Неожиданно в дверях появляется сержант Соловьёв, сослуживец отца. Он нескладно извиняется за непредвиденное вторжение, что-то негромко говорит отцу. Видно, что товарищ немного навеселе, что как-то объясняет его бесцеремонность. После короткого разговора Соловьёв уходит с недовольным видом. По лицу отца видно, что разговор его расстроил. Помолчав, отец рассказал, что говорили они об одном недавнем эпизоде, который произошёл во время боевой операции. Наше подразделение, выполняя приказ, скрытно преследовало уходившую в глубь леса бандитскую группу. Наши передвигались предельно осторожно, бесшумно, стараясь не выдать себя ни малейшим звуком. Вдруг один из бойцов, неловко зацепившись за сук дерева, упал, лякнув оружием. На неосторожный звук из леса со стороны уходящих бандитов раздалась автоматные очереди. Один из бойцов, Константин Нестеров, был убит наповал. Отец приказал двум бойцам уложить тело погибшего товарища на плащ-палатку. Сняв головные уборы, товарищи Нестерова молча простились с бойцом. На просьбу сержанта Соловьёва произве-

сти прощальный салют в память о погибшем товарище отец ответил отказом. У него был приказ: не выдавая месторасположение отряда, скрытно преследовать бандформирование, чтобы в нужном квадрате, где находится в засаде ещё одно наше подразделение, уничтожить бандитов.

Следует пояснить, что состав бандформирований, как правило, не превышал 6–10 человек. Подобное мобильное подразделение противника действовало крайне хитро, изобретательно и, попав в зону преследования, могло при любом удобном случае ускользнуть от погони. Каждый член бандформирования имел строгое указание: ни при каких обстоятельствах не сдаваться в плен и не подвергать тем самым угрозе безопасность своего отряда и своей семьи. Поэтому боевики всегда оказывали ожесточённое сопротивление и в случае опасности пленения стрелялись либо подрывали себя гранатой, чтобы затруднить опознание и отвести опасность от своей семьи. Подобную безжалостность к себе они распространяли и на противника. Поэтому и наши командиры и бойцы, зная об этом, проявляли при столкновении с противником такую же тактику.

...Убитого товарища наши бойцы тихо перенесли в плащ-палатке к дороге, где находилась замаскированная наша автомашина и рация.

Отряд продолжал скрытное движение вслед за бандформированием и вскоре в нужном квадрате, укрывшись, приготовился к бою, огнём встретил отступавших бандитов, нарвавшихся на нашу засаду.

В ходе операции был не только уничтожен отряд бандитов, но и обнаружен потайной бункер, где были найдены секретные штабные документы, приказ, так называемого, Верховного штаба армии освобождения Литвы, в котором сообщалось, что для успешной борьбы против НКВД, местной администрации и шпионов необходимо вести её жёстко, без жалости и щепетильности; собирать сведения о расположении и количестве частей НКВД, их вооружении, боевых постах; операции проводить только ночью; в этих целях рекомендовалось надевать одежду советских милиционеров и сотрудников НКВД, разговари-

вать по-русски; в случае необходимости, чтобы не быть узванными местными жителями, носить маски, пользоваться вымышленными именами; отдельных энкаведистов и их небольшие группы, направляющиеся на охоту, ликвидировать без всяких следов, чтобы создавалось впечатление, что пропали без вести; оружие и патроны забирать у ликвидированных энкаведистов, а также покупать за самогон у красноармейцев.

Наши военнослужащие жили и работали в условиях постоянной напряжённости. В одиночку никто не ходил, офицеры передвигались, как правило, под прикрытием. А ведь им, в первую очередь, вменялось в обязанность решать не только боевые задачи, но и хозяйственные вопросы: мобилизовать людей из числа местного населения и подводы в качестве найма для заготовки дров, подвоза продуктов.

Регулярно офицеры выполняли большой объём административной работы, включая сбор, обработку и передачу сведений об обстановке, служебно-оперативной работе, обеспечении правовых отношений военнослужащих с местным населением, выявлении так называемых бандпособников.

Бандпособники оповещали бандитов о наличии войск в районе или населённом пункте, выставляя на огородах или во дворах вежи, шесты с намотанным наверху пучком сена или соломы, а так же применяли другие условные знаки, предупреждавшие бандитов об опасности.

Бандиты, появляясь в данной местности, видели через бинокли эти знаки и обходили эти места.

Для сбора сведений о деятельности наших войск, их вооружений и прочих данных шпионского характера бандитами использовалась литовская молодёжь, в основном девушки.

Для нанесения потерь личному составу наших войск бандиты использовали разные методы: минировали дефиле, крутые повороты дорог, чаще всего проходивших по лесистой местности. В этих местах они закладывали фугасы, мины натяжного или управляемого действия. В местах, где чаще всего останавлива-

лись на короткий отдых или ночлег наши войсковые наряды, закладывались мины, которые тщательно маскировались...

Помню, что в застольных беседах отца и его товарищей не раз шёл разговор о необходимости поиска контактов противоборствующих сторон, НКВД-КГБ Литовской республики и руководителей штабов отрядов литовских «партизан» для устранения кровопролитной вооружённой борьбы, ибо много крови с обеих сторон было пролито в только что закончившейся войне с фашизмом. Были конкретные примеры поиска путей к прекращению огня, ведению переговоров.

Со стороны советских государственных органов объявлялись амнистии, предоставлялась возможность «партизанам» добровольно выйти из леса, из подполья, сдать оружие, пройти так называемые собеседования, получить советское гражданство.

Большая часть литовского населения в 40–50-е годы вполне лояльно относилась к новому советскому строю, участвовала в борьбе с нацизмом на стороне антигитлеровской коалиции, в составе подпольных, партизанских соединений, в стрелковой дивизии Красной армии, а затем в организации колхозов, строительстве новой социалистической жизни.

Поколение моего отца и его боевых товарищей постигли истину, глядя в глаза погибших в боях товарищей. Они постигли истину о том, что насильственного присоединения Прибалтийских стран к СССР не было. Было решение парламентов и правительств этих стран о вхождении в состав Советского Союза. Не было оккупации, так как не было военных действий. Был ввод частей Красной армии на территорию Прибалтийских государств в соответствии с заключёнными двусторонними договорами. Не было геноцида. Не было и истребления по расовым, национальным, религиозным мотивам. Была высылка отдельных лиц за вооружённое сопротивление существующему государственному строю, за нарушение советских законов. Точка зрения моего отца и многих его боевых товарищей

была такова: в Литве в 40–50-е годы, с одной стороны, шла гражданская война между литовцами и нелитовцами, между собственниками и несобственниками, с другой стороны, шла война с государственными преступниками, кото-

рые с оружием в руках выступали против существующего государственного строя.

Память относительно прошлого — то же, что и догадка относительно будущего. Забудем о героическом, трагическом прошлом — значит, получим беспмятное, равнодушное, безнравственное будущее.

В настоящее время в ряде стран фашизм в той или иной форме пытается не только поднять голову, но и используется для прихода к власти тех или иных политических группировок. За последние три года вышло более двадцати новых солидных сборников и монографий на английском и немецком языках по проблеме сравнительного изучения межвоенного и послевоенного правого экстремизма. В пятитомной лондонской антологии Роджера Д. Гриффина даётся широкий анализ этого антигуманного явления, рассматривается его тактика, увязываемая с традициями, вкусами и психологией тех народов, где она насаждается. При этом используются методы социальной инженерии, популистского ультра национализма и другие для забвения прежних гуманистических традиций, в целях как бы нового рождения нации, более полезной для управления «авторами» антигуманных технологий.

Правый экстремизм, неофашизм, иные антигуманные технологии не должны проникать в нашу жизнь. И в этом деле велика роль ветеранов. Память ветеранов — это государственный ресурс. Это инструмент укрепления связи поколений. Он должен быть умело встроен в просветительскую, образовательную, воспитательную, управленческую систему страны.

Альберт Измайлов

Георгий Дмитриевич ИСАЕВ

Мой прадедушка родился в 1913 году в деревенской семье и до 1941 года жил обычную спокойную жизнь, пока не началась Великая Отечественная война.

С самых первых дней войны Георгий Дмитриевич принял решение идти защищать Родину и в звании старшего сержанта служил в рядах Красной армии. За время службы он совершил множество подвигов, за которые был отмечен государственными наградами. Так, в 1944 году он получил медаль «За отвагу» за то, что в боях в районе Витебска под непрерывным огнём противника подносил боеприпасы своему расчёту, а затем вместе с расчётом из пулемёта отразил все контратаки врага.

В том же 1944 году мой прадед Георгий был награждён орденом Славы III степени и орденом Красной Звезды: эти награды он получил за проявленные мужество, стойкость и находчивость. В момент, когда немцы пытались прорвать нашу оборону, мой прадедушка взял пулемёт и открыл по ним огонь, косил вражеские цели и не дал пройти им вперёд. Несмотря на налёты, он от-

бил все контратаки немцев и обеспечил боевую работу другим орудиям, которые отражали танковую атаку противника.

В 1945 году моего прадеда наградили орденом Славы II степени за смелое и быстрое принятие решения по уничтожению врага. Тогда он был контужен, но не покинул поле боя и продолжил воевать. Этот поступок показывает, насколько важно для моего героя было оставаться рядом со своими сослуживцами и вместе добиваться главной цели — победы над врагом.

Моя бабушка часто рассказывала о подвигах прадеда, его медалях и отношении к данным событиям, в нашей семье помнят и чтут Георгия Дмитриевича. Лично я восхищаюсь его решимостью, храбростью и силой, ведь несмотря на все ужасы и тяготы войны, он достойно прошёл её с 1941 года и вернулся живым к своей семье с Победой.

*Денис Десятников,
ученик 2-го «Б» класса лицея № 126*

Павел Степанович КОВАЛЕНКО

Коваленко Павел Степанович родился в 14.08.1925 году. В возрасте 17 лет он ушёл на фронт, не дожидаясь совершеннолетия. Он был рядовым в артиллерийских войсках. Участвовал в освобождении Польши, Чехословакии, дошёл до Берлина.

В 1945 году был ранен.

Был награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», имел орден, благодарности за взятие Кракова, Оппельна, Оломоуца. Он был на войне 4 года. Умер 04.06.1980 года.

*Леонид Милоков,
ученик 5-го «Б» класса лицея № 126*

**Тамара
Алексеевна
КОЛМАКОВА
(Ильина)**

Когда началась Великая Отечественная война, мне было чуть больше двух лет. Я вместе с семьёй жила на территории больницы им. Мечникова на ул. Куракина, так как мои родители работали там.

Мама, Васильева Анисья Васильевна, 1909 г.р., работала поваром на Главной кухне, а мой папа — Ильин Алексей Ильич, 1893 г.р., работал санитаром в приёмном покое, а затем патолого-анатомом в прозекторской.

В годы войны на базе больницы им. Мечникова и медицинского института был открыт эвакуогоспиталь № 2222. Проход на территорию госпиталя был только по специальным номерным пропускам.

На территории больницы им. Мечникова было много павильонов, в которых располагались лечебные и жилые помещения, в них жили врачи, студенты и обслуживающий персонал. Мы жили в павильоне № 24. В этом павильоне на третьем этаже находился детский сад для детей сотрудников и студентов, которые учились на врачей.

*Я с родителями в 1941 году,
уже после бомбёжки яслей*

по счастливому стечению обстоятельств детей в это время там почти не было, т.к. всех повели перед тихим часом в туалет. Но двое детей остались, и из них одну девочку убило. Я помню, как сразу после взрыва наши родители в белых халатах бежали к нам с работы, чтобы спасти нас. Меня из яслей вынес

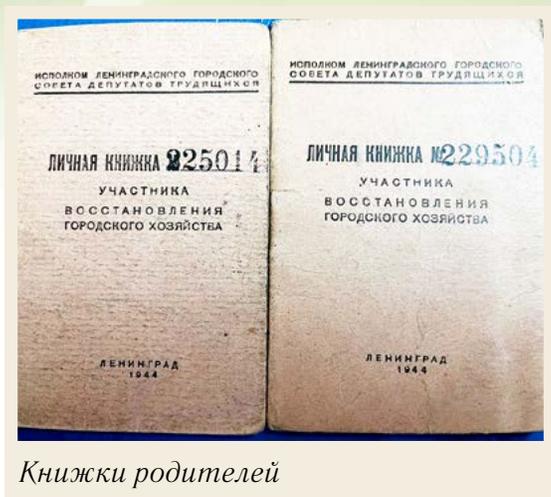
Так как мои родители работали, меня рано отдали в ясельки. Для сотрудников больницы ясли находились за проходной, на улице Сазоновской, а сейчас это Брюсовская улица. А в здании бывших яслей теперь находится детская стоматологическая поликлиника.

В 1941 году в ясли попала бомба. Она упала в помещение спальни, и только

*В центре внизу Раиса Ароновна,
воспитатель*

Книжки родителей

мой старший брат Николай. Я тогда, видимо, очень сильно испугалась, закрыла глаза и потом несколько месяцев просто не могла их открыть. Родители боялись, что я ослепла навсегда. Вскоре мой брат Николай был призван на войну и погиб в феврале 1943 года, защищая Ленинград.

После того как ясли разбомбили, меня перевели в детский садик, в 24-й павильон. Со мной в группе некоторое время была Екатерина (Тата) Райкина, дочь Аркадия Райкина. Заведующая у нас была Раиса Ароновна. У неё были очень большие ноги, но она все равно садилась на колени перед нами и кормила кашей с ложки каждого ребёнка. До сих пор очень хорошо помню неповторимый вкус этой каши.

Во время воздушной тревоги мы спускались с воспитателями в подвал. В подвалах были оборудованы бомбоубежища, там были скамейки и столики. Мы во время бомбёжек в подвалах играли в «тишину», говорить и шуметь было нельзя. Мы общались только жестами и взглядами.

Окна у всех были оклеены полосками-крестиками из газет, чтобы при обстреле стекла не разлетались на мелкие осколки. В тёмное время суток окна обязательно занавешивались чёрными бумажными шторами. Вечером и на всю ночь включали ночной «синий» свет — во всех помещениях горели лампы синего цвета.

У 23-го павильона была деревянная платформа, прямо к которой подходила железная дорога. Туда приходили эшелоны с ранеными и убитыми. Я помню, как мой отец из пришедших эшелонов раскладывал отдельно раненых и убитых. Раненых потом разносили на носилках, развозили на подводах, а иногда на машинах в павильоны для лечения. От-

Форма 4

МОСКОВСКИЙ РАЙОННЫЙ
ВОЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
г. ЛЕНИНГРАД

23 Марта 1943.

№ 1/и/91 Ваш Семён гвардии красноармеец
(муж, смлг, брел, военное звание)

Семён Николаевич Алексеевич
(фамилия, имя и отчество)

уроженец Калининской об. Новосельского в.д. Алексиха
(область, район, деревня и село)

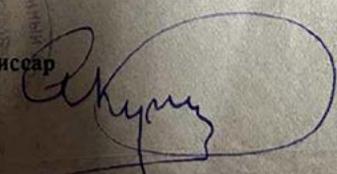
в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 17 февраля 1943

(убит, ранен и умер от ран)

похоронен Возле станицы пос. № 5 Бар Ленинград об.
(место похорон)

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР № 138-1941г.)

Московский районный
военный комиссар

М. П.

Похоронка на брата Николая

Наша большая семья, я на руках у папы

*Работники Главной кухни во время войны.
Моя мама вторая справа*

дельно складывали трупы, которые потом везли на Пискарёвское и Богословское кладбища в братские могилы. Там были вырыты рвы, в которые складывали трупы.

Фашисты бомбили и сам госпиталь. В 1942-м году в павильон 2/4 попала бомба, и он был наполовину разрушен. Восстанавливали его своими силами работники госпиталя. Во время войны, кроме основной работы, все сотрудники после работы ещё ходили на хозяйственные и восстановительные работы.

В лечебных павильонах для раненых выступали артисты, и мы, маленькие дети, бегали посмотреть на их концерты. Помню, как выступали певцы, музыканты, чтецы, и особенно нам нравились выступления фокусников.

А какое веселье было, когда война закончилась! После объявления Победы все выбежали на улицу, обнимались, целовались, плясали, радовались и плакали одновременно, играли на гармонии, гуляли всю ночь!

Валентина Сергеевна КОНСТАНТИНОВА

Я, Константинова Валентина Сергеевна, коренная ленинградка, блокадница, родилась 13 декабря 1932 года.

Когда началась война, мне было 8 лет. Я собиралась пойти в школу, в 1-й класс, но этого не случилось.

Мы жили на Большеохтинском проспекте, д. 39. Это недалеко от фабрики «Возрождение», где работала бабушка. Мама работала на заводе «Прогресс», а папа на ледоколе кочегаром, был ранен. Ледокол всю блокаду стоял под Ленинградом, защищая город.

О суровой блокаде много писать не буду, об этом и так много сказано, написано, но то, что пришлось пережить в то страшное голодное время, осталось в памяти на всю жизнь.

Голод, холод до минус сорока, электричества нет. Хорошо, что были свечи и тревожный сигнал тревоги по радио, по которому мы все бежали в бомбоубежища (в подвалы).

Приходилось дежурить на крыше, подносить в ведрах песок, гасить зажигательные бомбы.

Гул самолётов, свет прожекторов, трупы в доме и на улице, разрушенные дома — все это наводило ужас. В январе скончалась бабушка, в феврале — 4-летний братишка. Остались я и трехмесячный маленький братик. Так как у нас

был маленький ребёнок, нам пришлось эвакуироваться в Вологодскую область, в г. Устюжна.

В 1944 году после ранения к нам приехал отец. Он был ранен в бедро, и одна нога стала короче на 8 см. Но так как он завербовался на Кировский завод в Ленинграде, в июле я уехала с ним в Ленинград.

Дом наш был разрушен, и мы переехали к тётке (жене его брата). Она жила на ул. Воронежской, у Обводного канала.

В августе 1945 года из эвакуации вернулась мама с маленькой шестимесячной сестрёнкой.

В 1946 году нам дали комнату на площади Калинина, д. 40, корпус 9.

Школа, потом техникум военно-механический, но со второго курса я ушла и устроилась на оптико-механический завод (ЛОМО). Там я отработала 51 год. В 2002 году ушла на пенсию. Но в 2010 устроилась на работу в кардиологический диспансер, где отработала 17 лет. Так, мой трудовой страж — 62 года. Вот такая моя долгая жизнь рабочая. Я отмечена благодарностями, грамотами за хорошую работу, имею медаль «Ветеран ЛОМО».

В 2001 году вышло так, что я познакомилась с одной семьёй, где была девочка (которой было 1,5 мес.), и меня попросили с ней погулять и позаниматься 1,5—2 часа. Я согласилась. А потом у этой семьи родился мальчик, которого я встречала из родильного дома. Вот так я вошла в эту семью до настоящего времени. Вот так у меня появилась семья, в которой я стала своей. Сейчас девочке 23 года, а мальчику 15 лет, но зовут они меня не бабушкой, а Вале́й. Вот такая моя жизнь.

**Николай
Дмитриевич
КОРОВИН**

Мой дедушка, Коровин Николай Дмитриевич (1912—2002), родился в Ярославской обл., Арефинский р-н, д. Дор. Старший лейтенант, служил в 1-й бригаде Ленинградского уголовного розыска, награждён орденом Отечественной войны II-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Михаил Коровин

Георгий Андреевич КУЗНЕЦОВ

Герой Советского Союза

Георгий Андреевич родился 3 июня 1923 года в городе Шахты Ростовской области в семье служащего. Жил в городе Нальчик, ныне Кабардино-Балкарская Республика. В 1941 году поступил в 19-ю военную авиационную школу пилотов. В 1943 году окончил Военно-морское авиационное училище.

С октября 1943 года участвовал в боевых действиях, сражался за освобождение Крыма, на самолёте-штурмовике «Ил-2» защищая наше морское сообщение на Керченском плацдарме.

31 июля 1944 года старший лейтенант Кузнецов (как его ласково называли – Кузнечик) в составе боевой группы участвовал в штурме гитлеровской флотилии в Нарвском заливе. Ему удалось поразить сторожевой корабль, но на выходе из атаки вражеский снаряд перебил маслопровод двигателя «ИЛ-2». Заклинило мотор, возможности прыгнуть с парашютом уже не было, и пришлось совершить вынужденную посадку на воду.

Лётчик и стрелок-радист провели несколько часов в холодной Балтийской воде, пока их не подобрал гидросамолёт.

К октябрю 1944 года лейтенант Кузнецов совершил 101 боевой вылет, уничтожил 15 боевых кораблей. На его счету также уничтоженные орудия, танки, железнодорожные вагоны, склады, автомашины и много живой силы противника. Всего за годы войны лётчик-штурмовик совершил 122 успешных вылета и закончил войну в должности командира авиационной эскадрильи.

Указом президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий на фронте и борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, а также проявленное мужество и героизм гвардии майору Кузнецову Георгию Андреевичу присвоено звание Героя Советского Союза. С вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 5344).

Также награждён и другими медалями и орденами. Заслуженный военный лётчик СССР (19.08.1965), удостоен одним из первых в стране, лауреат Ленинской премии в 1982 году за совершенствование структуры и вооружения ВВС флотов и содействия в разработке и проведении войсковых испытаний новой авиационной техники и оружия. Генерал-полковник авиации умер 8 января 2008 года и похоронен на Троекуровском кладбище в Москве. О подвиге Г.А. Кузнецова написана книга «Крылья над морем», которая хранится в нашей семье и передаётся из поколения в поколение.

*Артём Телепов,
ученик 5-го «Д» класса лицея № 126*

Дмитрий Павлович ЛЕОНТЬЕВ

В гости к жителю нашего округа, участнику Великой Отечественной войны Дмитрию Павловичу Леонтьеву, меня привело письмо из Германии. Некий Эльмар Воргул в Совет ветеранов Санкт-Петербурга написал письмо о том, как Дмитрий Павлович спас от смерти его отца, немецкого военнопленного. По словам автора письма, в лагере для немецких военнопленных выдавали яблоки и лук: лук — немцам, яблоки — советским солдатам, охраняющим пленных. У Отто Воргула, отца Эльмара, на лук была сильная аллергия. Узнав об этом, Дмитрий Леонтьев менял свои яблоки на его лук.

«Эльмар сказочник, ничего такого не было, — в ответ на просьбу подробнее рассказать, как это было, смеясь, говорит Дмитрий Павлович. — Познакомились мы, потому что я немного разговаривал по-немецки. Мы везли пленных на работу в сад рижского Дома офицеров, где они чистили дорожки, наводили порядок. Я тогда думал, как забавно складывается жизнь: то меня конвоировали, теперь я конвоирую...»

Сам Дмитрий Павлович в годы войны прошёл через лагеря для военнопленных в Гатчине и в Тайцах.

В октябре 1941 года его вместе с отцом из родного Пушкина немцы отправили в большой пересылочный лагерь «Красные казармы» в Гатчину. Лагерь располагался в старинных зданиях казарм, построенных из красного кирпича. Отсюда часть военнопленных отправляли в фашистское рабство в Германию. Вот как Дмитрий Павлович вспоминает то время: «Там был большой лагерь на полторы тысячи человек. В основном это были военнопленные, но были и гражданские. Разницы в отношении к нам не было никакой. Работа, еда, прочее — все было одинаково. Спали мы на полу, вставали в семь утра. Умываться было нечем. Вся вода была в котелке: утром — это был чай, а вечером — суп. Чай и суп выглядели почти одинаково, только чай был немного сладковатым и там мог плавать листочек мяты. Что касается супа, то там иногда попадался кусочек картошки. Остальное — вода. Иногда на поверхности плавало несколько жиринок».

Гатчинский лагерь был известен свирепствующими полицаями. «За нами следил эстонский батальон, который любил развлекаться таким образом: утром нас будили и гнали с двух этажей барака — а это полторы тысячи человек — в одну дверь на первом этаже. У выхода слева и справа стояли эстонцы и лупили каждого из нас обрывками телефонного шланга, вроде мягкой полицейской дубинки. Если попадало по голове, было очень больно. От немцев также можно было получить прикладом в живот. Каково это, я тоже хорошо знаю», — вспоминает Дмитрий Павлович.

Из «Красных казарм» Дмитрий Павлович с отцом были отправлены в Тайцы, в маленький филиал гатчинского лагеря, который занимался чисткой шоссе от снега. По его подсчётам, здесь находилось 350 пленных. Во время рассказа ветеран достаёт маленькую фанерную дощечку с номером 6020 и поясняет: «Мы нарисовали 350 таких номеров. Поэтому я знаю точное количество лагерников. 30 из них — больных — отправили в Гатчину, а когда меня из этого лагеря отправляли, там оставалось 120 человек. Остальных похоронили в противотанковом рве».

Барак, в котором жили Леонтьевы с остальными пленными, представлял собой длинную землянку, покрытую крышей. В каждой помещалось 120 человек. Всего их было три. «Спали мы на нарах, посередине каждой землянки была печка, но грела она плохо, зато хорошо подходила, чтобы выпаривать из белья вшей. Подержишь рубашку над раскалённой докрасна металлической крышккой — и они сыпятся... Вообще таицкая лагерная жизнь — особая история», — вспоминает Дмитрий Павлович.

В то время ему было 15 лет. Однажды зимним утром его отправили пилить дрова. На улице был 41 градус мороза, сапоги на парне — дырявые, и вечером в барак он вернулся, как говорится, без ног. Свои ощущения Дмитрий Павлович помнит до сих пор: «Сначала пощипывало, а потом я перестал что-либо чувствовать, хорошо так стало. А вечером, когда пришёл в лагерь, привалился к папе под бок и начал снимать сапоги, понял, что обморозился. На следующее утро на ногах у меня были огромные пузыри».

В лазарет Дмитрий попал только через день. «Когда я сел на нары показать ноги, то снял носки вместе с кожей. Увидев столь живописную картину, молодой рыжий фельдшер воскликнул и намазал мне ноги борной мазью и забинтовал. В лазарете я пробыл дня четыре», — рассказывает Дмитрий Павлович.

Вскоре произошло страшное. У отца Дмитрия Павловича случился инсульт, и очень быстро он умер. Здоровье самого Дмитрия восстанавливалось долго, до весны ему приходилось пользоваться костылями. Надо сказать, ему чудом повезло. Чтобы выжить на оккупированной территории, его мама работала прачкой в немецком госпитале в Гатчине и всё это время могла следить на расстоянии за жизнью сына и мужа.

Она добилась, чтобы сына освободили из таицкого лагеря, и вскоре после освобождения Дмитрий вновь оказался в Гатчине. «Из лазарета мама приносила почти по полведра кухонных объедков, в основном суп. И эти супы здорово выручили не только меня, но и другие семьи. Мама снабжала знакомых, несколько семейств с детьми», — вспоминает Дмитрий Павлович.

В мае 1942 года юноша встретился со своим школьным учителем рисования Фёдором Ивановичем. В ма-

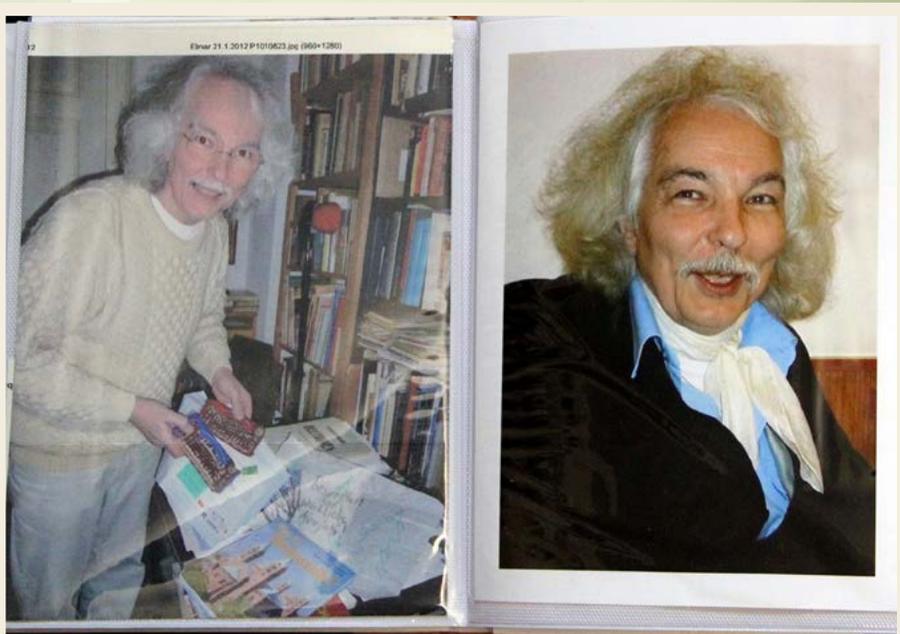
Отто Воргул

стерской на Советской улице Фёдор Иванович рисовал в основном копии русских художников и обменивал у немцев на еду. И, как рассказывает Дмитрий Павлович, руководил подпольным гатчинским отрядом. «Потом выяснилось, что в Гатчине было 4 такие группы, до 100 человек подпольщиков. Я стал одним из них.

Особенно хвастаться нечем, правда. В основном собирал сведения, стал “глазами”, читал немецкие газеты и передавал все самое интересное. Например, о том, что немцы были разгромлены под Сталинградом, мы узнали из немецких газет», — вспоминает Дмитрий Павлович.

Весной 1945 года Дмитрия призвали в армию, он служил в отдельной роте связи. Через месяц после призыва роту отправили под Ригу налаживать связь. Здесь-то и произошла встреча молодого солдата и немецкого военнопленного. «9 Мая днём из штаба позвонили и приказали: “Леонтьева с вещами в хозяйство в Ригу”. Так я попал в хозяйство, где мне лейтенант Рыбников сказал: “Вы с Лисицыным пойдёте завтра утром

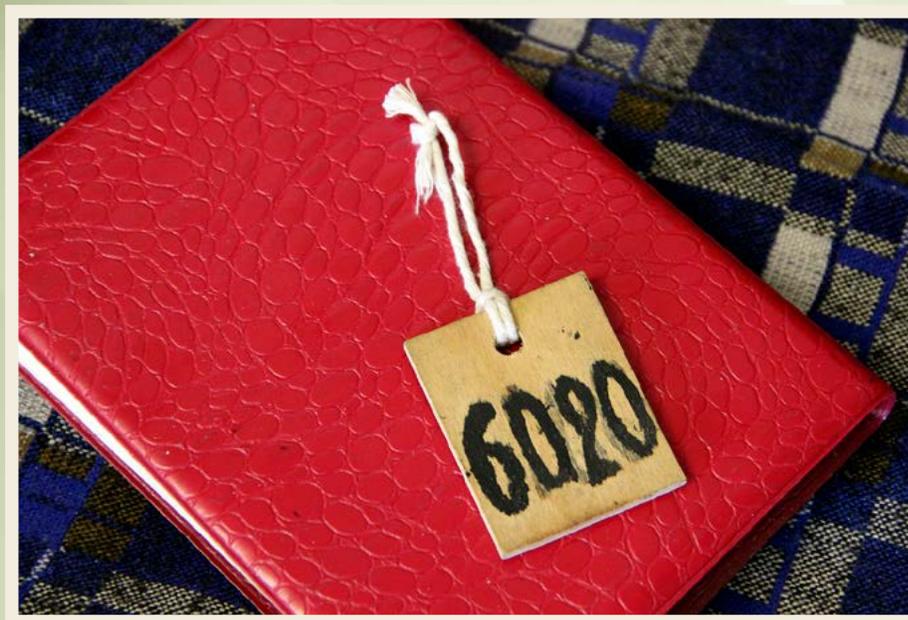
Эльмар Воргул

в немецкий лагерь, будете конвоировать немцев на работу в Дом офицеров. Извольте быть в форме, с винтовками»», — рассказывает Дмитрий Павлович.

Наблюдая за пленными, молодой связист заметил, что в отличие от многих других, Отто Воргул всегда работал, не отлынивал, и это вызвало уважение к нему. «У нас завязался разговор. Сначала мы поинтересовались, кто откуда. Затем Отто спросил: “Кем быть собираешься?” Я ответил: “Кораблестроителем”. А он был слесарем». В конце своего пребывания в хозяйстве Дмитрий сказал Отто, что они больше никогда не увидятся, и Отто предложил записать его адрес. «Запиши мой адрес. Нас скоро освободят. У вас ведь разруха. Как ты устроишься — неизвестно. У меня мастерская слесарная, работа всегда найдётся», — сказал он.

Свой адрес немецкий пленный записал в маленькую записную книжечку Дмитрия Павловича. Тот её положил в карман и про неё забыл. «Написал я ему где-то в 1957 году, когда наткнулся нечаянно на записную

книжку с адресом. Долго думал, писать или нет, потому что Отто жил в ФРГ», — поясняет Дмитрий Павлович.

Письмо до адресата шло долго, около двух лет. Получив его, Отто и обрадовался, и удивился. Рассказал жене и сыну, кто такой Дмитрий Леонтьев из Советского Союза, какую роль сыграл в его жизни. Интересно, что сам Дмитрий Павлович историю с яблоками и луком отрицает. Может, из скромности, может, этот эпизод просто забыл. Но не это главное. Важно, что спустя 75 лет после окончания самой страшной войны в истории человечества там, в Германии, в глазах потомков немецких захватчиков простой русский солдат, несмотря на все зверства фашизма, сохранил человеческое лицо и оставил после себя добрую, светлую память.

*(Из газеты «Финляндский округ»
№4 (267) апрель 2020 г.)*

Николай Григорьевич **ЛОБАНОВ**

Мой прадед, Лобанов Николай Григорьевич, — участник Великой Отечественной войны. В Интернете я нашёл описание его подвига.

Враг обложил снарядами и минами важный объект связи. Мой прадед исполнял свой долг, выполняя поручение, когда снаряд, взорвавшийся неподалёку, нарушил связь. Чтобы не попасть в окружение, требовалось срочно восстановить связь. Враг был отброшен. Мой прадед Николай Григорьевич был награждён орденом Красной Звезды.

*Максим Лобанов,
ученик 5-го «Д» класса лицея № 126*

Татьяна Геннадьевна ЛУШКИНА

Меня зовут Татьяна Геннадьевна. Я родилась 29 января 1939 года, а моя сестра 24 апреля 1941 года, т.е. в начале войны. У мамы было два брата. Старший — дядя Володя — был лейтенантом, артиллеристом. Он говорил маме: «Маруся! Будет война. Забирай детей и уезжай на Волгу». Это родина моего отца. Но мама не могла оставить больных родителей, и мы остались в городе.

Вскоре началась война, затем блокада, голод. Мы жили на Петроградской стороне. Наш дом прилегал к заводу «Знамя труда», а напротив был госпиталь — бывшее военное училище.

Бомбили постоянно. Пока мама нас собирала, чтобы спуститься в бомбоубежище, начинался отбой. И тогда она решила — остаёмся дома. Я во время тревоги хватала куклу и пряталась в шкафу. Был голод, холод. Чтобы согреться, в ход пошла мебель. Вскоре умер дедушка. Его похоронили в братской могиле на Серафимовском кладбище.

У мамы и бабушки — цинга. У мамы пропало молоко. Ей было очень тяжело. За водой надо было ходить к Неве.

Дядя Володя

Когда прорвали блокаду, я и моя сестра находились в больнице. Я — в больнице им. Филатова, сестра — в больнице им. К. А. Раухфуса. Там нам что-то давали. В первую очередь стали вывозить детей на Большую землю. Меня из больницы отдали, а сестру не хотели отдавать. Говорили: «Не довезёте».

Сначала нас грузили на баржи. Подгоняли баржу, и на ней располагалось определённое количество людей.

Родители Татьяны Геннадьевны — Мария Ивановна и Геннадий Константинович. Мария Ивановна держит маленькую Таню. 1939 год

Таня и Галя в детском саду. 1945 год

Мы уже должны были ступить на баржу, как одна женщина сзади попросила пропустить её, что мы и сделали. Вскоре баржа попала под прямое попадание снаряда и затонула. А ведь там должны были быть мы. Как после этого не верить в судьбу?!

Затем мы пересаживались в товарные вагоны, и нас везли в Среднюю Азию. Маме надо было водить меня на остановках на перевязку, т. к. кости гноились, и успеть налить кипятку. А Галя была в таком состоянии, что её могли принять за мёртвую. В то время ходили и забирали мёртвых, чтобы избежать эпидемии.

И мама поняла, что довести нас до пункта назначения не получится, и мы высадились недалеко от тех мест, где родился папа. Так мы попали в деревню под Рыбинском. Там нас обогрели, покормили. Мама пошла работать в колхоз. Так что Победу мы встретили там. Там же умерла и бабушка.

Папа пришёл с фронта, и мы вернулись домой. Тогда попасть в Ленинград можно было только по вызову.

Я окончила школу, 10 классов. В институт не поступила, пошла работать водителем трамвая. Отработав три года, устроилась на завод «Арсенал» и проработала там 35 лет. Окончила вечерний техникум.

Вот так сложилась моя жизнь. У меня прекрасная семья: дочь, внуки, правнуки. Жаль, что мужа уже нет 17 лет. В годы войны он был и партизаном, и танкистом.

Наши дети выросли в поклонении людям, пережившим блокаду и войну. Для них, как и для меня, День снятия блокады и День Победы – святые праздники – всегда были и всегда будут.

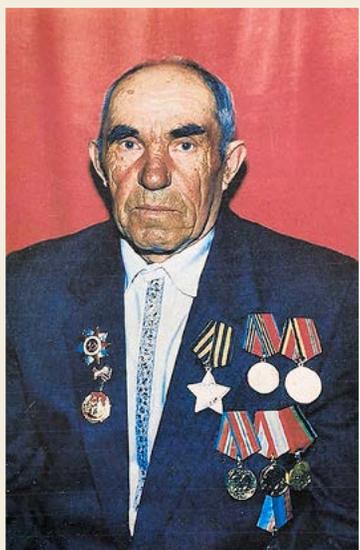

Михаил Иванович ЛЫСЕНКО

Лысенко Михаил Иванович (1925–1998), родился в Актюбинской области Казахской ССР. В 1943 году по достижении 18 лет был призван в армию. С 1943 по 1945 год служил в 317-м отдельном полку ВДВ в составе 3-го Украинского фронта. Участвовал в форсировании Днепра. В 1944 году был тяжело ранен, после лечения участвовал в освобождении Австрии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Румынии. Был награждён орденами Славы, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью «За взятие Вены» и многими другими. На войне погибло три родных брата. По окончании войны был направлен в Киргизскую ССР, назначен председателем колхоза. Награждён орденом Трудового Красного Знамени, золотой и серебряной медалями участника ВДНХ.

*Роман Лысенко,
ученик 3-го «В» класса лицея №126*

Павел Кириллович МАРКЕЛОВ

Почему военная тема так интересна каждому новому поколению? Наверное, потому что хочется лучше понять тех, кому мы обязаны своей жизнью. Какими они были? Что это были за люди?

Ответы на эти вопросы можно найти и в книгах. К уроку внеклассного чтения я прочитала рассказ Толстого «Русский характер», читаю Богомолова «Иван». Мне очень нравятся герои этих произведений: скромный, мужественный Егор Дрёмов и наблюдательный и самоотверженный разведчик Иван.

Но гораздо интереснее узнавать что-то необычное, важное о родных людях, которые живут (или жили) рядом с нами.

Я родилась в счастливое, мирное время. Горе и беда обошли стороной нашу семью. Мой родной прадедушка, Маркелов Павел Кириллович, был участником Великой Отечественной войны и вернулся домой. Он много рассказывал нам, своим детям, внукам и правнукам, о войне, о подвигах и страданиях солдат на фронте.

Маркелов Павел Кириллович был призван в Красную армию 7 февраля 1942 года, сначала в кавалерию. Но в этом же году Павел был переведён в стрелковый полк связистом и был послан на передовую, на Волховский фронт. Прадедушка был хорошим связистом, т.к. понимал: связь на фронте — успех всех боевых операций.

Во время прорыва блокады Ленинграда Павел совершил героический поступок. Павлу Маркелову было поручено обеспечить связь с ротами и батальонами, повреждённую во время артобстрела. Приказ был выполнен, и Павел прибыл на командный пункт полка. Через несколько часов связь вновь была прервана, и ему опять пришлось ползти под огнём, чтобы восстановить её. Когда была дана красная ракета, его часть пошла в наступление. Немцы открыли артиллерийский обстрел из всех видов тяжёлых орудий, и связь опять была нарушена. Павлу в который раз надо было обеспечить передовые части связью...

Только ему приказали ползти в другую роту, как немцы открыли огонь из миномётов. Снаряды рвались в шахматном порядке, но Павел успел выполнить приказ. А вот выбраться из-под огня он уже не смог, его ранило осколком мины, и у него отнялись руки. Он потерял много крови и долго лежал без сознания. Подобрали его санитары, перевязали и отправили в полевой госпиталь, а потом перевезли в Новгород.

За обеспечение военных подразделений связью Маркелова Павла Кирилловича наградили орденом Славы III степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Мой прадедушка, Маркелов Павел Кириллович, умер в 2003 году. После войны он работал в совхозе, растил детей, внуков и правнуков. Всем запомнится как неунывающий, общительный человек.

*Анастасия Нигаматуллина,
ученица 5-го «Д» класса лицея № 126,
Ксения Шумкова*

Алексей Ильич МАТВЕЕВ

Дата рождения: 1921 год.

Место рождения: Калининская обл., Луковниковский р-н, д. Лужково (в настоящее время: Тверкая обл., Торжокский р-н, Страшевичское с/с, д. Лужково).

Место призыва: Бауманский РВК, Московская обл., г. Москва, Бауманский р-н.

Дата призыва: 20.09.1940.

Воинское звание: краснофлотец.

Воинская часть: оиптадн 55-я оморсбр; 55-я стрелковая бригада (подчиняется 67-й армии Ленинградского фронта); 136-я стрелковая дивизия; 14-я артиллерийская дивизия.

Место захоронения: Кировский р-н, г. Кировск, северная окраина, в зоне д. Марьино, гражданское кладбище; Ленинградская обл., Мгинский р-н, коорд. X-89, Y-46, карта 1:50000; Ленинградская обл.

Место нахождения документов: Архив Военно-Морского Флота, г. Гатчина (Шкаф: 22, Ящик: 34. Шкаф: 24, Ящик: 46, Шкаф: 108, Ящик: 9).

Во время наступательной операции советских войск «Искра» (12 по 30 января 1943 года) 55-я отдельная стрелковая бригада, усиленная частями 16-го укрепрайона, защищала Дорогу жизни, располагаясь на льду Ладожского озера, развёрнутая фронтом на юг.

17 января 1943 года Алексей Ильич погиб.

18 января блокада Ленинграда была прорвана.

Операция «Искра». Ход боевых действий

Ночью 12 января советские бомбардировщики нанесли массированный удар по позициям противника в полосе прорыва, а также по аэродромам и железнодорожным узлам в тылу.

В 9:30 утра одновременно артиллерия обоих фронтов начала артподготовку, которая продолжалась в полосе наступления 67-й армии 2 часа 20 минут и 1 час 45 минут на участке наступления 2-й ударной армии.

В 11:50 под прикрытием «огненного вала» и пулемётного огня 16-го укрепрайона 4 дивизии первого эшелона 67-й армии начали форсирование Невы. Каждая дивизия была усилена четырьмя-пятью артиллерийскими и миномётными полками, истребительно-противотанковым артиллерийским полком и одним-двумя инженерными батальонами. Атаку также поддерживали 147 лёгких танков и бронеемобилей, вес которых мог выдержать лёд на Неве.

В первый день успех был достигнут на центральном участке благодаря артподготовке 38-го гвардейского миномётного полка и последующего наступления — 268-й дивизией и 86-м отдельным танковым батальоном в районе севернее 2-го Городка и 136-й дивизией и батальоном 61-й танковой бригады в районе Марьино. К концу дня, сломив сопротивление 170-й пехотной дивизии противника, советские войска сумели захватить на левом берегу Невы плацдарм шириной около 6 километров и глубиной до 3 километров. Сразу же после этого инженерные части приступили к постройке переправы в районе Марьино для средних и тяжёлых танков, которая была закончена только к 14 января.

На флангах 67-й армии наступление развивалось менее удачно. На правом фланге в районе «Невского пяточка» действовали 45-я гвардейская стрелковая дивизия и 118-й отдельный танковый батальон. Один полк дивизии, наносивший удар непосредственно с плацдарма, сумел продвинуться вперёд всего на 500–600 метров и овладеть лишь первой траншеей противника. Два других полка дивизии при форсировании Невы в районе 8-й ГРЭС понесли большие потери и успеха не добились, а 118-й отдельный танковый батальон уже к концу дня 13 января потерял все машины. На левом фланге общего наступления в районе Шлиссельбурга 86-я стрелковая дивизия была остановлена шквальным огнём противника и не сумела форсировать Неву. Командование приняло решение не продолжать атаки на этом участке. Дивизия была отведена на исходный рубеж, а в конце дня была переправлена на плацдарм, захваченный 136-й стрелковой дивизией в районе Марьино, с задачей на следующий день наступать на Шлиссельбург с юга.

В 11:15 перешла в наступление 2-я ударная армия, а в 11:30 — части 8-й армии. Поскольку артиллерия не сумела подавить все огневые точки, а торфяные болота даже зимой оказались труднопроходимыми, наступление развивалось с большим трудом. На правом фланге и на центральном участке наступления 128-я, 372-я, 256-я стрелковые дивизии сумели прорвать оборону немецкой 227-й пехотной дивизии и продвинуться до 2 километров вперёд, но опорные пункты Липка и Рабочий посёлок № 8 взять не удалось. На левом фланге наступления успеха добилась лишь 327-я стрелковая дивизия, которая сумела овладеть большей частью опорного пункта в роще «Круглая». 376-я стрелковая дивизия в районе южнее рощи «Круглая», а также 80-я, 256-я стрелковые дивизии и 73-я бригада морской пехоты 8-й армии успеха не добились. Оборона частей 1-й немецкой дивизии сломлена не была, и дальнейшего развития наступление на этом участке не получило до конца операции.

Уже в первый день советского наступления немецкое командование было вынуждено усилить свою оборону, введя в бой части 96-й пехотной и 5-й горнострелковой дивизий, а затем два полка 61-й пехотной дивизии («группа генерал-майора В. Хюнера»).

Бои 13–17 января

13–17 января бои приняли затяжной и ожесточённый характер. Противник оказывал упорное сопротивление, опираясь на многочисленные узлы обороны. Для окончательного перелома в ходе сражения советское командование уже со второго дня операции начало вводить в бой вторые эшелоны армий.

В полосе наступления 67-й армии решающее значение имело продвижение в направлении Рабочего посёлка № 5 136-й стрелковой дивизии, которой были приданы основные силы 61-й танковой бригады. Для обеспечения флангов группировки, наступавшей на Рабочий посёлок № 5, 13 января была введена в бой 123-я стрелковая бригада в направлении Рабочего посёлка № 3, а в последующие дни — 123-я стрелковая дивизия и 152-я танковая бригада в направлении Синявино и Рабочего посёлка № 6. После нескольких дней ожесточённых боёв 123-я бригада сумела взять Рабочий посёлок № 3 и выйти к окраинам Рабочих посёлков № 1 и № 2, а 136-я дивизия вышла к Рабочему посёлку № 5, но с ходу взять его не смогла.

Несколько дней на подступах к Шлиссельбургу вели ожесточённые бои 86-я стрелковая дивизия и батальон броневых автомобилей 61-й танковой бригады. Наступление на город также поддерживали 34-я лыжная бригада на правом фланге и 55-я стрелковая бригада, наступавшая по льду Ладожского озера. К вечеру 15 января советские части вышли к окраинам города. Немецкий гарнизон Шлиссельбурга оказался в критическом положении, но продолжал удерживать город.

14 января 1943 года в районе Рабочего посёлка № 5 был подбит немецкий танк неизвестного советским солдатам типа, который 17 января был отбуксирован в расположение советских войск. Это оказался новейший немецкий тяжёлый танк «Тигр».

На правом фланге 67-й армии наступление 45-й гвардейской дивизии в последующие дни снова успеха не имело, даже несмотря на ввод в бой резервов самой 45-й гвардейской дивизии и части сил 13-й стрелковой дивизии. Тяжёлое положение сложилось и на участке наступления 268-й стрелковой

дивизий, которая обошла 8-ю ГРЭС с севера и с северо-востока. Однако советская артиллерия не сумела уничтожить огневые точки противника в этом опорном пункте, а также в 1-м, 2-м Городках, что сковывало наступление как 268-й стрелковой дивизии, так и 45-й гвардейской дивизии. Кроме того, немецкие войска, получив в подкрепление части 5-й горнострелковой и 96-й пехотной дивизий, постоянно предпринимали яростные контратаки, в том числе при поддержке 502-го тяжёлого танкового батальона с целью выйти во фланг, успешно наступавшим в направлении рабочего Посёлка № 5 советским частям. Несколько дней 268-й стрелковой дивизии пришлось вести тяжёлые оборонительные бои и даже оставить ряд завоёванных позиций. Однако противнику так и не удалось выйти к Неве. Отразив немецкие контратаки, советские войска продолжили наступление, но к 20 января 268-й, 123-й стрелковым дивизиям, а также 102-й и 142-й стрелковым бригадам, введённым в бой из резерва на этом участке, удалось только блокировать с востока мощный опорный пункт противника в районе 1-го и 2-й Городков и 8-ю ГРЭС, но не захватить его. Также за неделю ожесточённых боёв не добилась сколько-нибудь значительных результатов и 45-я гвардейская стрелковая дивизия.

В полосе наступления 2-й ударной армии противник, опираясь на опорные пункты в Липке и Рабочих посёлках № 7 и № 8, продолжал яростно сопротивляться. 13 января, несмотря на ввод в бой 18-й стрелковой дивизии, 98-й танковой бригады в направлении Рабочего посёлка № 5 и 71-й стрелковой дивизии южнее рощи «Круглая», соединения 2-й ударной армии не смогли добиться значительного продвижения ни на одном направлении. В последующие дни командование 2-й ударной армии продолжило наращивать ударную группировку — главным образом на участке от рощи «Круглая» до Гайтолова, введя в бой 11-ю, 191-ю, 239-ю стрелковые дивизии, 13-ю лыжную и 122-ю танковую бригады. Однако попытки расширить фронт прорыва к югу закончились практически безрезультатно. Единственного успеха на этом направлении добилась 256-я стрелковая дивизия, которая 14 января сумела взять станцию Подгорную, Рабочий посёлок № 7 и выйти на подступы к Синявино.

В район Липки, которую по-прежнему удерживал противник, в поддержку 128-й стрелковой дивизии была направлена 12-я лыжная бригада с задачей обойти Липку по льду Ладожского озера и атаковала противника с тыла.

В центре наступления 2-й ударной армии 15 января 372-я дивизия взяла Рабочие посёлки № 8 и № 4, а 17 января вышла к Рабочему посёлку № 1. К этому моменту 18-я стрелковая дивизия и 98-я танковая бригада уже несколько дней вели ожесточённый бой на подступах к Рабочему посёлку № 5, который с запада также атаковали 136-я дивизия и 61-я танковая бригада 67-й армии.

Прорыв блокады Ленинграда. Бои 18–20 января

К 18 января войска Ленинградского и Волховского фронтов разделяли всего несколько километров. Немецкое командование, понимая серьёзность ситуации, разрешило оставшимся в окружении частям в районах Шлиссельбурга и Липки пробиваться на юг к Синявину, для чего «группа Хюнера» должна была удерживать Рабочие посёлки № 1 и № 5 до последней возможности.

18 января 1943, в 9:30 I отдельный стрелковый батальон 123-й отдельной стрелковой бригады 67-й армии Ленинградского фронта во главе с заместителем командира по политической части майором Мелконяном, старшим лейтенантом Калуговым, сержантом Анисимовым встретились с частями 372-й дивизии 2-й ударной армии Волховского фронта во главе с майором Мельниковым и командиром 440-й разведроты старшим лейтенантом Ишимовым на восточной окраине Рабочего посёлка № 1. В 10:30 к ним присоединился командир 372-й стрелковой дивизии полковник Радыгин, взявший на себя дальнейшее командование.

18 января немецкие войска нанесли контрудар из района Рабочего посёлка № 5 по 136-й стрелковой дивизии для обеспечения прорыва своих окружённых частей. Атака была отбита и 136-я стрелковая дивизия, преследуя противника, ворвалась в Рабочий посёлок № 5, где до 12:00 часов дня группа в составе старшего лейтенанта Брытешко, сержанта Трегуба и красноармейца Трунова встретилась с первым стрелковым батальоном

Воинское захоронение (д. Марьино, Ленинградская обл.)

*Памятная доска
(воинское захоронение)*

под командованием лейтенанта (впоследствии майора) Носкова А.В. 424-го стрелкового полка 18-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии. Чуть позже в этот же день соединения 86-й стрелковой дивизии и батальон бронетанковых войск 61-й танковой бригады полностью очистили от противника Шлиссельбург, а в конце дня передовые части 34-й лыжной бригады установили связь с 128-й стрелковой дивизией и 12-й лыжной бригадой 2-й ударной армии, которые наконец взяли Липки.

Таким образом, 18 января 1943 года блокада Ленинграда была прорвана.

*Элина Яковлева,
ученица 5-го «Б» класса лицея № 126*

Василий Васильевич МЕДВЕДЕВ

Мой прадед, Медведев Василий Васильевич, во время Великой Отечественной войны служил в авиации. Он отвечал за техническое состояние и вооружение самолётов, обслуживал бомбардировщики дальнего действия. Закреплял на самолёты бомбы и прочее вооружение. От его действий, знаний и умений зависела не только возможность наших самолётов выполнить своё боевое задание, долететь до пункта назначения и поразить цель противника, но и жизнь наших лётчиков.

Мой прадед за годы войны побывал на аэродромах разных городов нашей страны, не раз рисковал своей жизнью. Однажды на территории их аэродрома упала неразорвавшаяся бомба, и он, рискуя жизнью, сумел собственноручно её обезвредить, чтобы не случилось большой трагедии. Прадедуска Василий Васильевич дошёл до Берлина, освобождая города.

Мой прадед имеет много боевых наград, в том числе два ордена Красной Звезды, орден Красного Знамени, медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Берлина» и другие. Великую Отечественную войну мой прадед закончил подполковником.

*Ирина Шашкова,
ученица 6-го «А» класса лицея № 126*

МЕДВЕДЕВЫ Александр Петрович, Екатерина Андреевна (Шкиперова), Тамара Ивановна (Васильева)

В нашей семье чтят и помнят героев Великой Отечественной войны. Фамилия Медведевы ко многому обязывает. Долгие годы я для дочери Ксении собирала материалы по отцовской линии о легендарных родственниках, приближавших Победу.

До блокады Медведевы, Александр Петрович и (Шкиперова) Екатерина Андреевна (прадедушка и прабабушка по отцовской линии), жили в городе Лигово (г. Урицк) — это довоенный пригород Ленинграда. Летом 1941 года, когда началась война, дедушку Льва Александровича отправили к родственникам в город Ярославль. Он учился во время войны. Жили тяжело, но дружно. Прадедушка — Александр Петрович Медведев — ушёл на фронт и вернулся живой в конце войны. Вначале он работал на аэродроме и чинил самолёты, а потом его перевели рядовым в танковые войска 2-го отдельного гвардейского танкового полка в составе действующей армии: 30.10.1942—19.02.1945. Был награждён медалью «За боевые заслуги». Он был тяжело ранен и во время взрыва в танке лишился двух пальцев на левой руке.

Прабабушка — Екатерина Андреевна — осталась в блокадном Ленинграде. Однажды она поехала на работу,

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг.“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

За участие в Великой
Отечественной войне

Медведев
Александр Александрович
УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВОГО
СОВЕТА СССР от 9 мая 1945 года
награжден медалью

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВОГО
СОВЕТА СССР медаль вручена

М. Гречко
Министр обороны СССР
М. Г. Гречко
руководитель делегации

УДОСТОВЕРЕНИЕ

За доблесть и отвагу
в Великой Отечественной
войне.

Рядовой

звание

Медведев

фамилия

Александр

имя

Тетрович

отчество

Министр обороны СССР
Маршал Советского Союза

Гречко
А. ГРЕЧКО

а вернуться домой уже не смогла. Лигово заняли немцы. По некоторым данным из воспоминаний родственников, в огород возле дома упал подбитый немецкий самолёт в августе 1941 года. Среди уцелевших домов в Лигово во время войны сохранился дом наших родственников. Там располагался немецкий штаб. Домов осталось только два из сотни. В конце войны при наступлении дом подвергся бомбардировке.

Прабабушка Екатерина Андреевна осталась без дома, её приютили родственники Коженовы. Жила она рядом со зданием Цирка на реке Фонтанке. Вначале рыли окопы. Когда начались бомбёжки, она на крышах тушила зажигательные бомбы. Жили все родственники в одной комнате. Света и тепла не было, морозы 40 градусов. Прабабушка работала секретарём. Однажды во время бомбёжки они спрятались в Инженерном замке. Туда упала бомба. Прабабушка с девочкой прижались к стене, они остались живы. Все остальные, спрятавшиеся с ними, погибли от падения бомбы, хотя она не разорвалась.

Немцы разбомбили Бадаевские склады, где хранились сахар, мука и масло, и жители города ходили туда за снегом. Прабабушка тоже приносила домой куски обожжённого снега, пропитанные маслом и сахаром. Снег топили на огне буржуйки (печки) и пили. В доме съели все продукты, сварили все ремни, варили клей и ели.

Прабабушку спасла Дорога жизни. Её вывезли в марте 1942 года. Она приехала в Ярославль. По дороге её подкармливали все пассажиры. Настолько она была худая. От первоначальных 60 килограммов к моменту эвакуации Екатерина Андреевна весила не больше 28 и заболела дистрофией 2-й степени. В Ярославле её носили на руках. Она долго не могла ходить. В семье было правило: хлеба не давать, так как он мог погубить истощённый организм дистрофика. Чтобы вернуть к жизни, в стакан кипятка капали по 2–3 капли молока. Если организм не отторгал и не было рвоты, постепенно увеличивали количество молока. Родственникам и знакомым удалось вылечить и спасти прабабушку.

По профессии Екатерина Андреевна была учительницей. Вначале работала в городе Урицке (Лигово), после эвакуации продолжила работать в сельской школе и учила своего сына.

После войны семья воссоединилась, когда Александра Петровича комиссовали в 1946 году, и вернулась в Ленинград. Все последующие годы до пенсии Екатерина Андреевна работала учителем.

В нашей семье хранится учебник математики 3-го класса 1929 года издания. Удивительно, что сохранился табель успеваемости Медведева Льва Александровича за 2-й и 3-й классы, написанный на листах книги. Тетрадей не было, и разлиновывали страницы книг, где дети писали карандашом, чернил было мало (их использовали для табелей успеваемости).

В нашей семье очень редко говорят о войне и блокаде, так как без слёз об этом рассказывать не могут.

Ещё одна история принадлежит моей свекрови, которая много лет проработала учителем русского языка и литературы, руководила школьным музеем: Медведева (Васильева) Тамара Ивановна. Она родилась 22 апреля в 1941 году в селе Кокорино Старорусского района Новгородской области. Отца забрали на фронт в 1941 году, а когда в село пришли немцы, мать с 5 детьми пряталась и жила на болоте почти год.

Тамара Ивановна рассказывала своим внукам (Марии Беловой, Дарье Беловой и Ксении Медведевой) о том, что у неё вместо соски был мякиш из хлеба и травы. Жили они в землянках и боялись, что немцы угонят их в Германию, как многих из деревни. Отец вернулся живым после окончания войны.

Родился самый младший брат, Василий. В послевоенные годы было тяжело поднимать семью.

Тамара Ивановна уехала в 12 лет в Ленинград, училась в вечерней школе, подрабатывала няней в семье адмирала. После смерти матери помогала воспитывать брата Василия. Работала крановщицей на заводе, воспитателем и заведующей детским садом, осуществила свою мечту и долгие годы работала учителем русского языка и литературы. Выносливость и целеустремлённость были главными её принципами в жизни.

Я считаю, что мы должны интересоваться нашим прошлым и помнить о подвиге наших предков.

*Галина Владимировна Медведева (Сургутская),
учитель истории лицея № 126*

Беральд Александрович МИНИН

«... будучи мальчишкой, сбегал, чтобы попасть на фронт».

Мой дедушка по линии отца, Беральд Александрович Минин, отец двух детей, дедушка двух внучек, майор в отставке, окончил артиллерийское училище в Ленинграде. Несмотря на то что его не стало, когда я была совсем маленькой, я много слышала тёплых слов от моей бабушки, отца и тёти, а также от сослуживцев, которые очень уважали и любили его.

Во время войны моему дедушке было 17 лет. По возрасту он не мог уйти на фронт. Тогда он попытался сбежать на фронт, но его вернули. Для того чтобы быть полезным фронту, он пошёл на завод, работал по 2 смены за токарным станком. Когда ему исполнилось 18 лет, он снова изъявил желание уйти на фронт, помогать Родину защищать, Победу приближать, но с завода его уже непустили, сказав, что «у него золотые руки», что помогать фронту он должен на заводе. Так он там и остался.

Мой дед — это наша гордость. Он и в жизни был таким, всё делал своими руками, и посуду деревянную вы-

резал, и собрал большую коллекцию марок и значков, на гармони играл и даже вальс написал. В семье хоть и был строгим, но всегда справедливым и добрым, детей своих любил, гордился ими: сыном Аркашей и дочей Галей, внучек обожал. Любимая жена — его боевая подруга, моя бабушка, Нина Николаевна, всегда была рядом, всегда поддерживала и помогала. Сослуживцы его очень любили и уважали. Когда дедушки не стало, солдаты роты почётного караула воздали воинские почести и произвели ружейные залпы, играл военный оркестр, все скорбели...

Такие две истории (*о Чеботаре Василии Дмитриевиче — на с. 192. — Ред.*) — типичные для рассказов военных лет, я решила поведать о своей семье. Много людей, без вести пропавших, которых до сих пор не нашли, много тех, кто детьми трудился, выполняя непосильную мужскую работу. Все они приближали тем самым Победу каждый день, каждую ночь, работая не покладая рук, не теряя надежды.

Низкий поклон всем и каждому за голубое небо, за солнце над головой, за неугасаемую надежду в лучшее, за Победу!

Наталья Мина

Екатерина Васильевна МИШУТКИНА

Санкт-Петербург в официальных документах перестал называться Ленинградом в 1991-м, но каждый год в конце января для тех, кто здесь родился и вырос, чьи родственники пережили 900 страшных дней блокады в годы Великой Отечественной, город вновь становится Ленинградом.

Почти 900 дней, а точнее, 872 блокадных дня, — это пример стойкости, мужества и твёрдости воли жителей несломленного города. 872 дня голода, холода, потери близких и родных.

Ленинград — это миллионы людей, в чьих семьях свято чтут память о погибших в то трагическое время. И о нём важно помнить всё. Ведь это история страны, история города, история семьи.

В семье моего папы свято берегут письма военных лет, и благодаря этому до нас дошла история любви, жизни и смерти в блокадном Ленинграде молодой девушки Кати — Екатерины Васильевны Мишуткиной, 1919 года рождения, старшей сестры моей прабабушки, Александры Васильевны Мишуткиной (светлая им память).

В годы войны семья прабабушки жила в Калининской области, Молоковском районе, в деревне Большое Дымцево. Брат Федор учился в военном училище, потом был на фронте и дошёл до Берлина.

Сестра Катя жила в Ленинграде в общежитии в Рочемсальском переулке (теперь это ул. Смолячкова, д.6, ст. метро «Выборгская»), работала на прядильной фабрике. А в деревне с матерью осталась младшая дочь Александра. Жить было очень тяжело, потому что приходилось работать за мужчин, ушедших на фронт.

Катя писала письма из Ленинграда матери и сестре Шуре. Первое письмо от 17 ноября 1941 года написано чернилами. Сохранилось не полностью. Орфография сохранена:

«...мама, интересно, какой чорт требует справку. мама справку пришлём как Федя будет в училище. Мама я интересуюсь тётя Мария в деревне или нет. Вообще писать больше нечего. Шура пиши письма и описывай всё, а то ты очень мало пишешь. Мама, от Кости письма получаю часто, он недалеко от Ленинграда, он мне прислал 100 рублей денег. Ну пока. Досвиданья. Шура, я вам положу в письмо одно Костино письмо. Досвидания. Целую Катя. 17.11.1941 год».

Здравствуй, мама интересно какой чорт требует справку. мама справку пришлём как Федя будет в училище. Мама я интересуюсь тётя Мария в деревне или нет. Вообще писать больше нечего. Шура пиши письма и описывай всё, а то ты очень мало пишешь. Мама, от Кости письма получаю часто он не далеко от Ленинграда он мне прислал 100 руб. Ну пока.

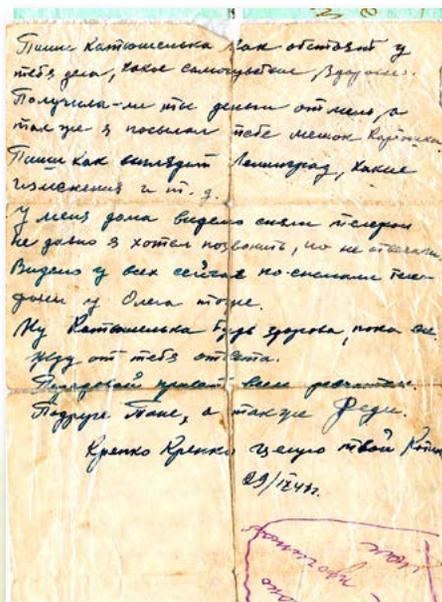
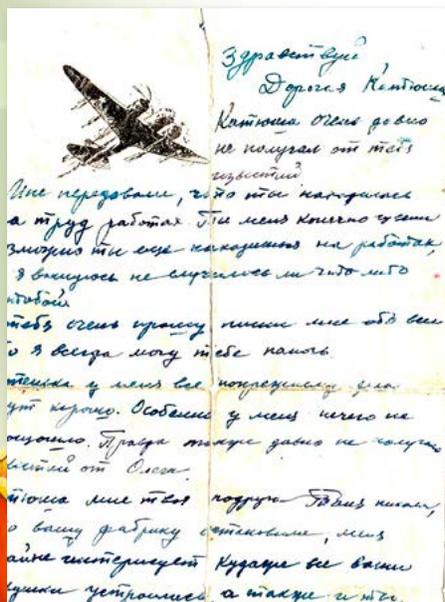
досвидания шура я
ам потому в письмо
одно Костино письмо
досвидания
целую Катя
17/11/41

А вот и письмо того самого Кости:
«Здравствуй, Дорогая Катюша.

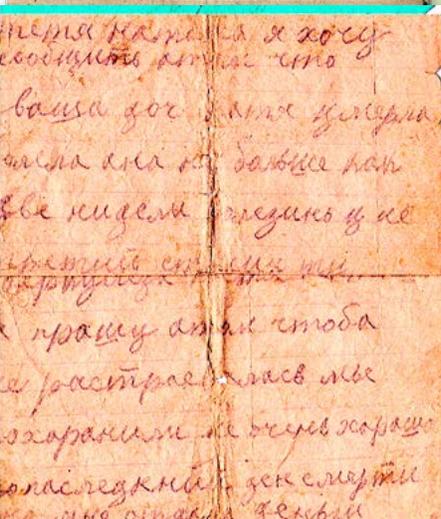
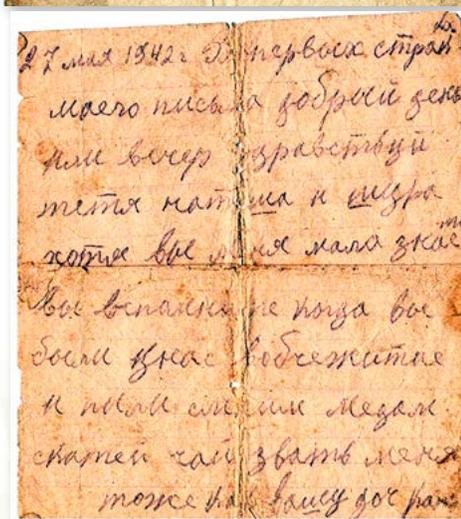
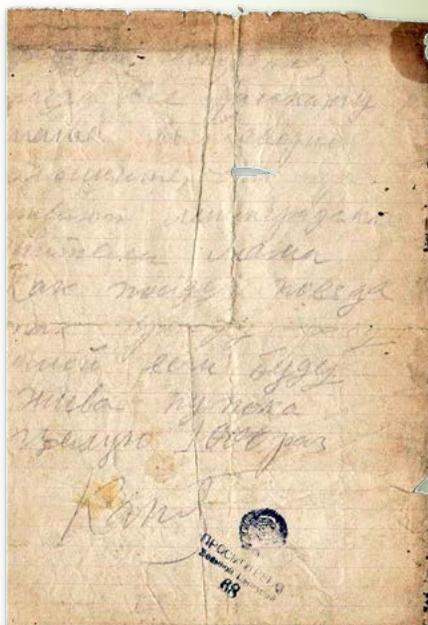
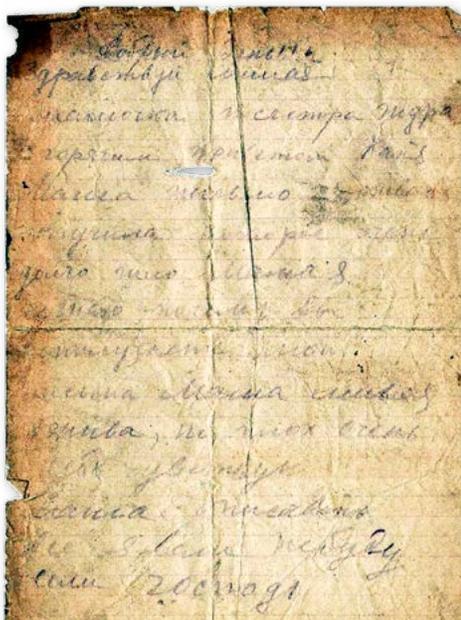
Катюша, очень давно не получал от тебя известий. Мне передавали, что ты находилась на труд. работах. Ты меня, конечно, извини, возможно, ты ещё находишься на работах, я волнуюсь, не случилось ли что с тобой. Я тебя очень прошу, пиши мне обо всём, и я смогу тебе помочь. Катенька, у меня всё по-прежнему, дела идут хорошо. Особенно у меня ничего не произошло. Также, правда, давно не получал ... от Олега. Катюша, мне твоя подруга Таня писала, что вашу фабрику остановили, меня крайне интересует, куда все ваши девушки устроились, а также и ты. <...> Пиши, Катюшенька, как обстоят у тебя дела, как самочувствие, здоровье. Получила ли ты деньги от меня, а также я посылал тебе мешок картошки. Пиши, как выглядит Ленинград, какие изменения и т.д. У меня дома, видно, сняли телефон, недавно хотел позвонить, но не ответили. Видимо, у всех сейчас поснимали телефоны, у Олега тоже.

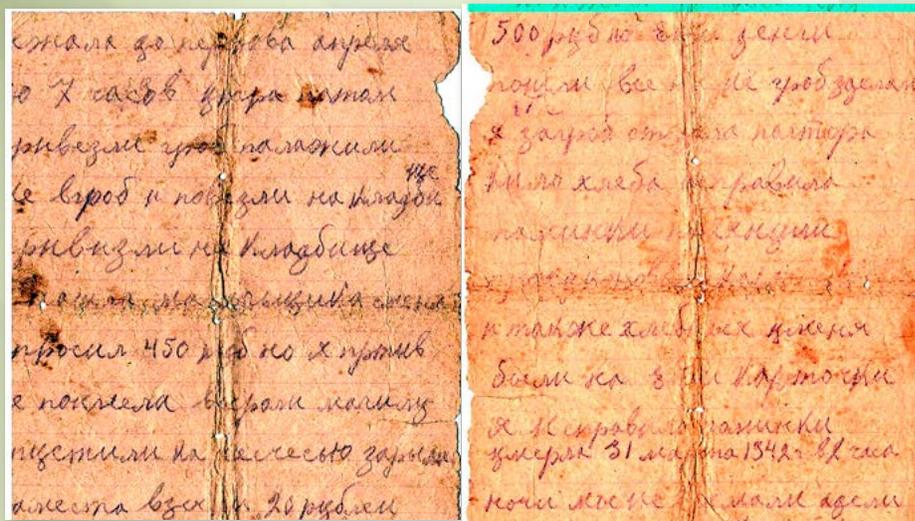
Ну, Катюшенька, будь здорова, пока всё. Жду от тебя ответа. Передавай привет всем девчатам. Подруге Тане, а также Феде. 29.09.41».

Нужно добавить, что Костя и Катя собирались пожениться, уже было куплено свадебное платье. Но война помешала. Костя очень заботился о Кате, писал ей, чтоб она продавала его вещи и хорошо питалась, но Катя не посмела это сделать. В одном из писем она писала: «...платье моё цветёт, а я угасаю...»

Следующее письмо от Кати написано карандашом.

Катя (в центре) с подругами

Катя с братом Фёдором

В этом письме она пишет, что плохо себя чувствует, даст бог — может, и увидятся, тогда всё расскажет. Спрашивает, знают ли они, как выживают ленинградцы. Ждала, как пойдут поезда, приедет домой, если будет жива.

Последнее письмо из блокадного города написала подруга Кати из общежития. Она сообщила, что Катя умерла 31 марта 1942 года. Перед смертью Катя отдала подруге 500 рублей. На эти деньги девушки заказали гроб и похоронили Катю. В письмо вложено было свидетельство о смерти, на обороте которого указано место захоронения на Богословском кладбище от 1 апреля 1942 года.

Эти письма прабабушка часто перечитывала детям и внукам. Они внимательно слушали и с трепетом держали эти листочки в руках. А теперь мой дедушка рассказывает и читает эти письма нам. Портреты Кати и брата Фёдора висят у него в доме.

...Да не прервётся связь времён. Это нужно не мёртвым, это нужно живым...Это память моей семьи...

*Дарья Зражевская,
ученица 4-1 класса школы № 139*

Иван Егорович МОРОЗОВ

Во время войны дети выросли рано. 10-летний мальчишка мог взвалить на свои плечи все заботы о близких и заменить главу семейства. Так случилось и с жителем нашего округа Иваном Егоровичем Морозовым. Сейчас ветерану 90 лет, он отчётливо помнит каждый день того времени, ведёт активный образ жизни, пишет мемуары и на уроках Мужества часто рассказывает школьникам о своём военном детстве.

С 1925 года семья Морозовых жила в Ленинграде, на Малоохтинском проспекте, в отдельном бревенчатом доме, который стоял недалеко от Финляндского железнодорожного моста. Когда началась Великая Отечественная война, Ване было неполных 11 лет.

Вечером 21 июня 1941 года он так долго играл с мальчишками в футбол, что утром еле проснулся. От матери узнал, что началась война. «Мы с ребятами собрались на улице и возбуждённо кричали, обсуждали случившееся. Мы воспитывались на песнях о войне и ничуть не сомневались в по-

бед нашей армии, и даже не задумывались, какое горе принесёт война каждому из нас», — вспоминает Иван Егорович.

«Неужели вы будете есть эту хряпу?»

С первых дней отец Ивана, Егор Прохорович Морозов, ушёл на фронт. Ульяна Даниловна очень переживала. Как и другие женщины, плакала в голос, прощаясь с мужем. «Наша мать за эти дни осунулась, постарела», — говорит Иван Егорович. Воспитанная в крестьянской семье, она была неграмотная, всю жизнь занималась домашним хозяйством и никогда не работала. С уходом мужа на фронт все думала: «Как жить дальше? Как прокормить растущих детей?» Ближе к осени с Иваном она собирала остатки капусты на соседнем совхозном поле: зеленые листья и кочерыжки. «Когда мы возвращались с мешками домой, ребята надо мной посмеивались, а соседи говорили: «Неужели вы будете есть эту хряпу?» Мы молча шли домой, мелко рубили листья и кочерыжки и засаливали в большой бочке. Потом в голодные дни соседи приходили к нам и просили хотя бы ложечку. Мы им, конечно, давали», — рассказывает Иван Егорович.

С младшим сыном, четырехлетним Петей, мать собирала разные лечебные травы, в которых она хорошо разбиралась. Потом из растений готовили суп и заваривали чай. Близость к Неве тоже сыграла большую роль. Когда фашисты бомбили Финляндский железнодорожный мост, бомбы падали в реку и глушили рыбу. Она всплывала на поверхность. После бомбёжки мальчишки бежали к воде, на ходу скидывали с себя рубашки и ими, как сетью, собирали её. По словам Ивана Егоровича, тогда в Неве водилась и щука, и лосось, и приличная корюшка. Ему удавалось приносить домой по пять килограммов рыбы. Мать её чистила, отрезала голову и хвост, разрезала вдоль и засаливала в большой кастрюле. Продуктов запасено было немало, но всё равно приходилось сильно экономить. В декабре 1941 года большой радостью было собрать 100—150 граммов зёрен пшеницы, овса или ржи, которые высыпались из кузова машины у ворот коммунального комбината на проспекте Обуховской

обороны. «Один раз мне сильно повезло, — с улыбкой вспоминает Иван Егорович, — грузчик, сидевший в кузове, увидев меня, высыпал прямо из мешка две пригоршни зерна, и я насобирал целую банку ржи. Нам хватило этого, чтобы три раза сварить суп с сушёной крапивой».

Первое ранение

В конце июня 1941 года вышло распоряжение вывозить всех детей из Ленинграда в сельскую местность. Ивана с младшим братом Петей организовано, со школой отправили в Новгородскую область. Сначала ехали поездом, а потом на подводах. Деревня находилась среди соснового леса, в такой глуши, что Иван Егорович до сих пор не понимает, как нашла их мать, решившая вернуть детей в город. Какое-то внутреннее чувство подсказало Ульяне Даниловне, что сыновьям там не место, и она приехала за ними вовремя. В это время часть соседней Псковской области была уже оккупирована немецкими войсками. Но, несмотря на близкое присутствие врага, жизнь в детском лагере протекала спокойно и даже скучно. Единственным развлечением для ребят был сбор «северной малины» — золотистой морошки на болоте.

Встреча с врагом произошла неожиданно, по дороге домой. Переполненный людьми состав, состоящий в основном из открытых грузовых платформ, спешил в Ленинград, как вдруг в небе из-за леса появился немецкий самолёт. «Он так низко летел над нами, что я увидел не лицо, а злую морду пилота, его большие очки и глаза. Он безжалостно стрелял по нашему эшелону, по женщинам и детям», — вытирая слёзы, вспоминает Иван Егорович. В эшелоне были сотни убитых и раненых. Иван с мамой, прикрывая Петю от пуль, подставили свои спины и были ранены. В сопровождении криков и стонов, терпя боль, они вернулись в город, на платформу Обухово.

В Ленинграде уже знали об обстреле, и к прибытию поезда у остановочного пункта стояли машины скорой помощи.

Иван с матерью пострадали несильно, после перевязки их отпустили домой лечиться амбулаторно. И мать,

и мальчики долго приходили в себя от случившегося. Ночью во сне старший сын часто кричал и размахивал руками, словно пытался закрыться от пикирующего самолёта.

Как положено

Неожиданное возвращение отца стало большой радостью для всей семьи. Через пару месяцев после разлуки он вернулся как специалист сталелитейного цеха. Таких, как он, возвращали с фронта на заводы для производства оружия. Дома Егору Прохоровичу засиживаться не пришлось, на следующий день — отправился на работу и остался там жить на казарменном положении. С семьёй виделся редко, когда отпускали на пару дней. Выстаивать многочасовые очереди в магазине и ходить за водой к Неве приходилось Ване. Мать не выходила из дому, следила за четырёхлетним Петей — беспокоилась о безопасности сына. Да и из-за неграмотности разобраться с карточками для неё было очень сложно.

В августе, когда участились налёты фашистских бомбардировщиков, Иван вместе со взрослыми выходил на дежурство, чтобы гасить «зажигалки», сбрасывая их с крыш домов на землю. Отец навещал семью редко, однажды попал под обстрел и серьёзно пострадал. От полученных ран скончался в госпитале на Суворовском проспекте. Когда врач вручал его жене документы, предложил отвезти тело в братскую могилу на Пискарьёвском кладбище. Ульяна Даниловна отказалась: «Похоронить надо, как положено». И это в тяжелейшее время для всех! «Нам помогли товарищи отца с работы. Они принесли немного сухарей, крупы и отцовскую рабочую карточку, которую мы отоварили хлебом. Было ещё немного олифы. Благодаря всему этому нам удалось нанять рабочих и похоронить отца в отдельной могиле на Малоохтинском кладбище, как и хотела мать, по-человечески», — вздыхает Иван Егорович.

Девушки-зенитчицы

Простая крестьянка Ульяна Даниловна Морозова в годы войны не только боролась за жизнь своих сы-

новой, но и старалась помогать другим людям. Недалеко от их дома располагалась зенитная батарея Ленинградской армии ПВО, защищавшая Финляндский железнодорожный мост через Неву. Фашистские налёты отражали в основном молодые девушки-зенитчицы, вчерашние выпускницы школ. Ульяна Даниловна приглашала их в гости. Для юных защитниц Ленинграда на кухне всегда был готов горячий чайник с чаем из лекарственных трав. Они приходили, усаживались на скамейке у тёплой печки, доставали по кусочку сухарика, пили чай и тут же засыпали. «Зенитчицы просили разбудить через полчаса, но мать, жалея их, никогда этого не делала. Давала им отдохнуть хотя бы час», — говорит Иван Егорович. Полуголодные, худые и опухшие от недоедания, они всегда находили в кармане угощение для маленького Пети — кто-нибудь из девушек половинку своего сухарика всегда отдавал ему. Иван смотрел на них и думал: откуда только у них берутся силы справляться с тяжёлыми снарядами? Один снаряд ведь приходилось носить вдвоём.

В гостях у Морозовых, за чашкой чая девушки чувствовали себя умиротворённо. Отправляясь на пост, они обязательно целовали в щёку Ульяну Даниловну и говорили: «Как дома побывали». Иван Егорович сильно привязался к зенитчицам и даже сейчас, говоря о них, вытирает слёзы: «Девочки, которые приходили к нам в гости, погибли в мае 1943 года при бомбардировке, защищая Финляндский мост. Я благодарен судьбе, что в самом начале моего жизненного пути, в тяжёлые дни войны и блокады встретился с ними. Их пример сыграл большую роль в моём воспитании и становлении моих жизненных позиций и мировоззрения».

Из огня да в полымя

В конце марта 1942 года семья решила на эвакуацию. Взяв с собой часть фотографий, с большим трудом мать с сыновьями добралась до Финляндского вокзала. Там в переполненном зале ожидания они провели два дня. Затем поездом добрались к Ладогге. Там Ульяна Даниловна, Ваня и Петя вместе с другими ленинградцами пересели в грузовик-полторку и отправились по Дороге жизни. Проехав 5–6 км, автоколонна попала

под немецкий артобстрел. На глазах у всех под лёд ушли две машины.

Мороз стоял сильный, и пока грузовики доехали до ближайшей железнодорожной станции Кобона, и дети, и взрослые так замёрзли, что не могли двигаться. В вагоны их на руках вносили солдаты.

В поезде ехали почти месяц, а куда — не знали. На место, в населённый пункт Воронцово-Александровское Ставропольского края, прибыли в конце апреля 1942 года. «Весь городок был, как цветущий сад. Радушие людей поражало наше городское воображение. Соседи и люди, совершенно незнакомые, приносили нам продукты питания», — рассказывает Иван Егорович. Ваня быстро подружился со сверстниками и в школе на общем собрании рассказывал о жизни в блокадном Ленинграде. Вот, какие воспоминания остались у ветерана от выступления перед ребятами: «В зале появились слёзы, всхлипывания, мне от этого стало тяжело. Я сдерживал себя, чтобы не заплакать самому. Расходились все молча, в глубоком раздумье. Жестокость войны им стала намного понятнее». А в конце лета 1942 года война добралась и до этих мест. 2 августа немцы оккупировали территорию Ставропольского края. «Фашисты на третий день своего пребывания в нашем населённом пункте развесили на столбах объявления всему еврейскому населению собраться на площади Ленина, захватив с собой ценные вещи. А перед нами туда прибыл эшелон с евреями из Гомеля, человек 700. Их погрузили в грузовики, вывезли за село и расстреляли. Следующие в очереди были мы, ленинградцы», — говорит Иван Егорович. Об этом он узнал, когда в январе 1943 года войска Красной армии освободили Ставропольский край от захватчиков и в штабе немцев в Воронцово-Александровском были найдены списки на расстрел.

Начало мирной жизни

В марте 1943 года эвакуация для Морозовых и других ленинградцев в Воронцово-Александровском закончилась. Семью отправили в Северодвинск. Здесь мать и сын устроились работать на завод № 402.

В 1946 году, когда разрешили въезд в Ленинград, вернулись в любимый город. Оформились разнорабочими в ремонтно-строительном тресте Смольнинского района. Началась другая, полная мирных и созидательных забот жизнь. Надо было учиться и восстанавливать разрушенный врагом город.

*(Из газеты «Финляндский округ»
№ 4 (279) май 2021 г.)*

Часть 9. Мы этой памяти верны!

Николай Николаевич МЯСНИКОВ

Мой папа, Мясников Николай Николаевич, 1917 года рождения, был удивительно добрым и умным человеком.

Его отец был репрессирован за то, что имел награду от императора Николая II в 1914 году за победу во фрегате в Санкт-Петербурге. Он был награждён часами с именной подписью.

Как сын репрессированного Николай Мясников был лишён права учиться в учебных заведениях и служить в армии.

В начале мая 1941 года он был призван на службу на Карельский фронт. В начале войны оказался в окружении под Кандалакшей и вместе с раненым командиром прорвался к своим. В 1943 году после ранения папа приезжал в отпуск, и я помню, как его провожали обратно на фронт. Потом много месяцев от него не было никаких известий. Как позже стало известно, его с тяжёлым ранением в голову и амнезией отвезли в госпиталь в Караганде. Сохранилось единственное фото из госпиталя, где он в шапочке, которой прикрыл рану на голове.

Какое было счастье для семьи, когда пришло сообщение, что наш папа жив. Отец отказался оформлять инвалидность, хотя имел право её получить. Он счи-

*Слева (в шапочке) — Мясников Николай Николаевич.
Фото сделано в госпитале в 1944 году в Караганде*

тал, что льготы нужно давать вдовам и детям погибших. Для тех, кто выжил, лучшая награда — это жизнь.

Николай Николаевич был награждён медалью «За Отвагу» (13.05.1943) и орденом Красной Звезды (02.08.1943).

После войны он участвовал в строительстве памятника всем погибшим односельчанам. 260 человек не вернулись домой с войны. Каждый год 9 Мая родственники и потомки погибших собираются около этого памятника, чтобы почтить память своих родных.

Отец прожил недолгую жизнь, даже не дожил до пенсии, но я помню его слова: прожить нужно так, чтобы о тебе помнили как о добром и хорошем человеке.

Забуть нельзя, вернуть невозможно!

Валентина Сильченко

Иван Александрович ПРОХОРОВ

Мой прадедушка, Прохоров Иван Александрович, во время Великой Отечественной войны был начальником штаба дивизии и воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, защищал Ленинград.

Во время боёв недалеко от Красного Села он был ранен. Случилось это так: в сентябре 1941 года немцы прорывались к Ленинграду. Дивизия, заместителем командира которой был мой прадед, занимала позиции в районе Русско-Высоцкого. Когда немцы пошли в наступление, мой прадед вместе с радистом вышел вперёд для того, чтобы наводить нашу артиллерию. В этот момент рядом с прадедом разорвалась мина и его ранило. Сослуживцы решили, что он погиб, так как на это место вышли немцы. Но оказалось, что санитар соседней дивизии нашёл прадеда и вывез его в госпиталь в Ленинград.

На моего прадеда была выписана похоронка, так как его в дивизии считали погибшим. Когда политрук из дивизии, где служил прадед, приехал к прабабушке в Ленинград, чтобы сообщить о гибели мужа, то был крайне удивлён тому,

что Иван оказался в госпитале. Он пришёл как раз, когда бабушка только вернулась из госпиталя.

Даже сейчас в архивных документах Министерства обороны про моего прадеда есть две записи, одна из которых о том, что он умер от ран в сентябре сорок первого года.

В 1944 году мой прадед получил орден Красного Знамени. Войну он закончил в Берлине.

*Александр Гончаров,
ученик 5-го «Г» класса лицея № 126*

Зуфар Загафуранович РОЖЕТДИНОВ

В моей семье три представителя династии принимали участие в Великой Отечественной войне.

Мой прапрадед (отец прабабушки), который ушёл на войну в возрасте 43 лет (был ездovým в артиллерийской бригаде РК), закончил войну под Кёнигсбергом (Калининградом) и вернулся с войны живым после ранения.

Брат прабабушки закончил военное училище и был убит на марше под Сталинградом сразу после выгрузки эшелона.

И мой прадед, о котором я расскажу, — Зуфар Загафуранович Рожетдинов, родился в 1927 году в Салаватском районе Республики Башкортостан в деревне Таймеево.

Война ворвалась в его жизнь, когда ему было 14 лет. Он рано повзрослел и встал в ряды армии ради Великой победы в 17 лет, в ноябре 1944 года. Прадед воевал с бандеровцами — помощниками фашистов в Западной Украине, был рядовым в группе разведчиков (он отлично стрелял и легко ориентировался в лесу, стойко переносил тяготы боевой жизни).

Однажды Зуфар со своей группой попал в окружение, он укрывался во время боя за большим камнем,

а бандеровцы вели прицельный огонь по разведчикам. Зуфар вызвал огонь на себя, дав отойти остальной группе. В этом бою он получил значительные ранения осколками гранаты.

Всю свою жизнь он связал с военной службой и прослужил 39 лет в армии. После войны, в 1950 году, окончил Саратовское военное училище. В звании полковника он ушёл на заслуженный отдых в 1983 году.

Среди многочисленных наград моего прадеда — орден Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За боевые заслуги», «По охране общественного порядка», медаль Жукова и многие другие.

Дед Зуфар не любил вспоминать о войне, говорил, что особенных подвигов не совершал, просто каждый день всем бойцам приходилось преодолевать себя (страх, лень, глупость, уныние), верить в себя и в своих товарищей, и в ПОБЕДУ, защищая свою страну и свой народ от врагов.

75-летие Великой ПОБЕДЫ Зуфар Загафуранович уже не увидел, он ушёл из жизни за месяц до своего 96-летия, 15 апреля 2020 года.

Мы склоняем головы перед ветеранами войны и благодарим их за бессмертный подвиг.

*Алексей Рожетдинов,
ученик 6-го «В» класса лицея № 126*

Бронислав Августович РЫМКО

Бывают дни, когда я со своими родственниками вспоминаю про Великую Отечественную войну. В один из таких дней дедушка рассказал мне про моих прапрадедушку, Рымко Бронислава Августовича, и прапрабабушку, Рымко Людмилу Васильевну. Они жили в Ленинграде.

У них было две маленьких дочери.

Рымко Бронислав Августович, Рымко Людмила Васильевна, Тамара Брониславовна, Станислава Брониславовна

Рымко Бронислав Августович

Во время блокады прапрадедушка Бронислав работал на Дороге жизни, которая была проложена по льду Ладожского озера. Благодаря этой дороге было спасено очень много людей. Прапрадедушка переправлял продукты, которые помогали людям выжить. Ещё прапрадедушка Бронислав был в пожарной дружине, он помогал тушить пожары при бомбёжках фугасными бомбами. В одном из таких пожаров, спасая людей, прапрадедушка погиб.

Я считаю, что мой прапрадедушка герой. Благодаря таким людям, как он, наш город Ленинград выстоял блокаду.

*Виктория Завьялова,
ученица 4-го «В» класса лицея № 126*

Инна Петровна САВЕЛЬЕВА

Инна Петровна Савельева родилась в Шлиссельбурге. Когда началась Великая Отечественная война, ей было 9 лет. Детали многих событий того страшного времени стёрлись из детской памяти, но остались воспоминания, связанные с самыми сильными впечатлениями, которые пришлось пережить ей ребёнком, а вместе с ними огромная благодарность морякам Балтийского флота и медикам. «В памяти моей, во-первых, навсегда остались моряки Балтийского флота, которые помогали нам эвакуироваться из Шлиссельбурга. Им большое человеческое спасибо за то, как аккуратно сажали в катера и перевозили нас, детей и женщин. Спасибо за их терпение, самообладание, ведь они постоянно находились под пулями, на передовой, сами были мишенью», — рассказывает Инна Петровна.

В блокадном Ленинграде маленькая Инна попала в больницу с бытовой травмой. Как-то вечером она шила кукле платье, иголка выпала из рук, и она, пока искала, напоролась на неё ногой. Да так повредила колено, что пришлось госпитализироваться. Инна Петровна и сейчас отчётливо помнит, как рядом с ней в палате больницы им. Н.К. Крупской на Василь-

евском острове лежали раненные дети в более тяжёлом состоянии. Но восхищает нашу жительницу до сих пор то, с какой заботой медперсонал относился абсолютно ко всем. «Я хочу сказать большое спасибо медработникам этой больницы. Они, не щадя сил, работали. Я никогда не слышала от них крика. Однажды вдруг началось светопреставление, немец начал палить по больнице. Что тут началось?! Крики, шум, полетели стекла. Врачи, медсёстры, санитары нас сажали на спину и спускали в бомбоубежище, клали на нары. Никого не заставляли бежать самостоятельно, всех бережно переносили», — удивляется до сих пор Инна Петровна.

Мы были вместе

Шлиссельбург был оккупирован 8 сентября 1941 года. А накануне, 7 числа, спасаясь от фашистов, Инна Петровна с мамой и младшим братом Володей успели уехать в Ленинград к маминой тётке — были уверены: туда врага не пустят. В комнате в коммуналке на ул. Красноармейской, д. 12 вместе с ними поселились родственники, бежавшие из Пушкина, — три сестры мамы Инны Петровны и месячный младенец Юрочка, сын одной из них — тёти Маруси.

Захватив Шлиссельбург, немцы перерезали все сухопутные коммуникации по левому берегу Невы и водный путь по реке. Началась блокада Ленинграда.

«Меня часто спрашивают, как мы выжили. Я думаю, за счёт того, что мы были вместе. Дети, взрослые, бабушка, тётки, мама. Тётя Аня работала на окопах, тётя Клава при штабе в Ленобласти. Когда им удавалось к нам вырваться, они привозили шелуху, из которой мы делали лепёшки. Помню, кто-то нам привозил листья капусты», — рассказывает Инна Петровна.

Замечательным завтраком без иронии она называет завтрак из кипятка вместо чая и крохотных кубиков хлеба: «Я вспоминаю, как четырехлетний Володя просыпался утром, брал нож и ждал, когда достанут хлеб. Он резал его на маленькие квадратики, мы густо солили их и ели, запивая кипятком вместо чая. Замечательный был завтрак! Столько

соли, как в блокаду, я не ела больше никогда». Большой радостью для сестры и брата были остатки на стенках небольшой кастрюльки детского питания, которое выдавали в поликлинике для маленького Юры. «У нас с Володей велась очередь, кто будет облизывать кастрюльку. Сегодня один, завтра другой», — рассказывает Инна Петровна.

«Тогда верили в Бога все!»

В Ленинграде Инна Петровна с мамой и братом прожила семь месяцев. Потом благодаря отцу, который служил рабочим на Дороге жизни, переехали в Кобону, на родину матери. Вот-вот она должна была родить, поэтому воссоединение семьи с отцом стало двойной радостью. В марте, несмотря на ранение матери, полученное ещё в Ленинграде, на свет благополучно появилась маленькая Галя. Спустя годы, уже в мирное время мать все время говорила ей: «Благодаря тебе я осталась жива. Бог не дал убить сразу двоих». «Тогда верили в бога все! И тётка моя, член партии, с красным платком на голове и револьвером в кармане тоже. Я помню, как она стояла в узком проёме между домами, чтобы её никто не видел, и крестилась. Мама сказала, если останемся живы, всех окрещу», — рассказывает Инна Петровна.

Боевое настроение

Вскоре после Галиного рождения Кобону объявили прифронтовой полосой, и в связи с подготовкой к прорыву блокады всех женщин с детьми приказано было эвакуировать. Матери с тремя детьми опять пришлось уехать. На этот раз они оказались в деревне Нижница под Бокситогорском. Здесь Инна продолжила учиться. Школа находилась в старом здании барского дома. В доме прислуги, по её воспоминаниям, жили учителя. От дома до школы было километра три, но в компании с местными ребятами идти было легко. Боевое настроение поддерживать помогала, как всегда, песня. Инна Петровна в школе была главная запевала.

К каждому празднику школьники готовили песни, с ними

они выступали в госпитале в Бокситогорске, поддерживали дух раненых.

В Нижнице семья прожила почти два года. «В 43 году, ещё не успели смолкнуть залпы от прорыва блокады, мама нас уже собрала, и мы поехали к отцу, который тогда работал в Лаврово», — вспоминает Инна Петровна. После снятия блокады Ленинграда семья получила письмо от тёти Маруси, в котором она звала к себе, тем более что освободилась соседняя комната в коммуналке. Мать Инны Петровны с детьми снова уехала к тётке. Так Ленинград стал главным, судьбоносным городом для Инны Петровны: здесь её застала горькая новость о блокаде, здесь же она узнала о долгожданной Победе. «Я хорошо помню день, когда узнала о Победе, — рассказывает Инна Петровна. — Вбегает тётя Клава и кричит: “Война кончилась!” Все тут же побежали на улицу. Что там творилось, как все радовались, ликовали, не передать словами! И если меня спросят, какой день в моей жизни самый главный, я отвечу: конечно, День Победы!»

*(Из газеты «Финляндский округ»
№ 4 (291) май 2022 г.)*

Фото 1943 года

Евгений Романович САЖИН

Горжусь своим прадедом!

Мой прадед — Сажин Евгений Романович — родился в 1920 году в Астрахани в семье военного моряка. После окончания школы поступил в Ленинградский кораблестроительный институт. 1 сентября 1939 года — в его первый студенческий день — началась Вторая мировая война. И уже через два месяца Евгения Романовича призвали в армию, где его как достаточно образованного по тем временам новобранца направили в Гатчинскую школу младших авиационных специалистов.

После окончания «учебки» ему присвоили звание младший сержант, а местом службы новоиспечённого техника по электрооборудованию самолётов стал 130-й скоростной бомбардировочный авиаполк (*далее сбп. — Ред.*) 13-й бомбардировочной авиационной дивизии Белорусского особого военного округа. Формирование полка начато в апреле 1940 года на аэродроме Зябровка (близ Гомеля). К концу мая 1940 года часть в пятиэскадрильном составе была почти полностью укомплектована. В июле

1940 года полк вошёл в состав 13-й бомбардировочной авиационной дивизии (бад). К 22.06.41 г. базировался в Бобровичах. На вооружении имел 38 самолётов СБ (из них 8 неисправных). Полк назывался скоростным, поскольку был укомплектован двухмоторными самолётами Туполева СБ, что означало — «скоростной бомбардировщик». Машины эти, разработанные в середине 1930-х, к тому времени скоростными уже не являлись. Скорее, наоборот. Если бы мирное время продлилось дольше, их непременно бы вскоре сняли с вооружения. Но всё повернулось по-иному.

Утром 22 июня 1941 года полк был поднят по тревоге. В этот день аэродром Бобровичи Могилёвской области (Белоруссия), где он базировался, враг не бомбил — ему было важнее в первую очередь вывести из строя нашу истребительную авиацию. Первый боевой вылет самолёты полка совершили уже днём. Три девятки СБ, как в знаменитом фильме «Живые и мёртвые», вылетели на бомбёжку без сопровождения истребителей... И с ними произошло то же, что мы видели на экране. Из 27 СБ на аэродром вернулось только 5 машин. А на третий день войны — 24 июня были потеряны последние самолёты. Погиб и командир полка.

Полк был отведён в тыл на переформирование. Здесь началось освоение новых современных самолётов — бомбардировщиков Петлякова ПЕ-2. С осени 1941 года полк воевал под Москвой. Поддерживал с воздуха оборону столицы на юго-западных подступах к ней. А с начала декабря бомбил врага, отступающего из-под Тулы и Серпухова. Весной и в начале лета 1942 года полк действовал на Ржевском направлении, где шли кровопролитные бои.

В семье прадедушка неоднократно говорил, что его служба по тем временам была достаточно комфортной: аэродромы располагались далеко от линии фронта, лётчики и технический персонал жили по-человечески, а не в сырых землянках, продовольственное снабжение было хорошим, а самое главное — регулярным, вместо махорки — папиросы, баня — каждую неделю... О такой жизни пехота могла только мечтать!

Однако Евгений Романович тяготился таким своим комфортным положением, в то время, когда на фронте дела обстояли очень скверно. Он хотел лично бить

ИТ-40 (СБ)

врага, а не опосредованно — через подготовку самолётов к вылету. Что, конечно, тоже очень важно. Прадед подавал рапорты с просьбой отправить на фронт, но получал отказы. Летом 1942 года, когда враг уже вышел на дальние подступы к его родному городу — Астрахани, Евгений Романович подал очередной рапорт, который был удовлетворён. Он прекрасно понимал, что его ждёт, — за год войны видел и узнал многое. В том числе, что пехотинец в наступлении воюет максимум три дня. Альтернатива проста: либо госпиталь, либо братская могила.

С осени 1942 года младший сержант Сажин — пулемётчик 106-й отдельной стрелковой бригады. Бригада считалась десантной, чем он очень гордился. После окружения немцев и их союзников под Сталинградом в конце ноября 1942 года бригада действовала на внешнем фронте «котла». В первых числах января 1943 года она наступала в районе города Меловое Луганской области Украины. 2 января ей предстояло занять одно из сёл. Предполагалось, что там находилось небольшое подразделение румын или итальянцев, боевые качества которых были невысоки.

По его рассказам, командир бригады не ожидал серьёзного сопротивления и поэтому решил взять селение сходу, без

дополнительной разведки. Увы, на войне неожиданности не редки. В селе оказалась сильная немецкая моторизованная часть с танками. В скоротечном бою осколок снаряда, выпущенного из вражеского танка, разворотил Евгению Романовичу ногу. Своё ранение он считал везеньем, поскольку всё-таки остался жив. А бригада понесла в этом бою очень большие потери и была отправлена на переформирование.

Недавно мой дед — Александр Евгеньевич Сажин — случайно узнал то, о чём его отец никогда не рассказывал. А именно — за что же фронтовика наградили медалью «За боевые заслуги». Оказывается, эта награда именно за тот бой, в котором он показал, на что способен его «максим» и он сам. В размещённом на сайте Министерства обороны наградном листе, подписанном командиром отдельного пулемётного батальона бригады, ст. лейтенантом Ананичем 15 января 1943 года говорится:

«2 января 1943 года навис. 170.0 во время наступательного боя т. Сажин заметил движение по грейдерной дороге вражеских автомашин с пехотой. Не раздумывая ни минуты, т. Сажин со своим ст. пулемётом выдвинулся впереди своего подразделения и открыл огонь по одной из идущих автомашин. Машина была подбита и встала. Из неё стали выпрыгивать немецкие солдаты, но трудно им было уйти от огня т. Сажина. 14 убитых насмерть немецких солдат осталось лежать на грейдерной дороге».

Также в документе отмечено, что мл. сержант, зам. командира пулемётного отделения Сажин участвовал в боях с 1 по 2 января. То есть не провоевал и трёх дней. А подбил он только одну автомашину с гитлеровцами лишь потому, что танки, как и положено, в первую очередь уничтожают пулемётные расчёты неприятеля. Что и произошло.

После излечения в госпитале прадед снова в авиации. Что очень правильно — неразумно разбрасываться обученными, имеющими боевой опыт авиационными специалистами. Теперь его местом службы стал 3-й санитарный авиаполк 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта. Пробыл он в этом полку недолго — пришла разрядка направить двух

*Сажин Евгений Романович,
1965 год*

человек, окончивших десятилетнюю школу, на учёбу в Военно-воздушную академию им. Можайского. Таких в полку было как раз двое.

На фронт мой прадедушка больше не попал. В 1949 году в Ленинграде окончил академию, после чего был направлен в Ригу, в военный НИИ, который занимался вопросами радионавигации. Потом была длительная командировка на знаменитый полигон Капустин Яр, где проходили испытания авиационных ракет. С 1958 года прадед снова в Ленинграде, работает в академии им. Можайского. В 1968 году подполковник Сажин был уволен в запас. В последующие годы преподавал в техникуме, был председателем ЖСК. Умер фронтовик за год до моего рождения — в 2005 году.

Я горжусь прадедом, горжусь его подвигом. Вспоминая его, невольно возникает чувство ответственности, желания быть таким же сильным и в случае большой беды принять бой достойно, как прадедушка. С каждым годом растёт гордость за него, за его поколение. Гордость за то, что это — мои, наши прадеды выстояли и победили.

Я горжусь прадедом, горжусь его подвигом. Вспоминая его, невольно возникает чувство ответственности, желания быть таким же сильным и в случае большой беды принять бой достойно, как прадедушка. С каждым годом растёт гордость за него, за его поколение. Гордость за то, что это — мои, наши прадеды выстояли и победили.

Боевой путь

Места службы:

1. «130-й бомбардировочный Гомельский авиационный полк», который с 03.09.43 назывался «122-й гвардейский бомбардировочный Гомельский Краснознамённый ордена Суворова авиационный полк» (период службы: с апреля 1940 по осень 1942 года).

2. «146-я авиационная дивизия» (период службы: с 12.11.1941 по 29.01.1942 года).

3. «ВВС 49-й армии» (период службы: с 29.01.1942 по 10.05.1942 года).

4. «204-я бомбардировочная авиационная дивизия», которая просуществовала с 10.05.1942 по 24.05.1942, после чего была переименована в 232-ю штурмовую авиационную дивизию» (период службы: с 10.05.1942 по лето 1942 года).

5. «106-я отдельная стрелковая бригада Юго-Западного фронта» (период службы: с осени 1942 по 2 января 1943 года).

6. «3-й санитарный авиаполк 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта» (период службы: с весны/лета по сентябрь/октябрь 1943).

22 июня 1941 – со слов фронтовиков 130-го сбap

130-й скоростной бомбардировочный авиационный полк 13-й бад Военно-воздушных сил Западного особого военного округа, базировавшегося на аэродроме под Бобровичами в Беларуси, 22 июня 1941 года в 05:00 был поднят по сигналу боевой тревоги.

В 07:40 майор Кривошапка, командир полка, вернувшись из Бобруйска, куда был срочно вызван по тревоге в штаб 13-й бомбардировочной авиационной дивизии, поставил задачу экипажам 130-го сбap на первый боевой вылет в начавшейся Великой Отечественной войне. В воздух поднялись 3 девятки наших бомберов: 1-я – майора И.И. Кривошапка (штурман головного самолёта И.Н. Драчевский), 2-я – капитана И.П. Коломийченко (штурман головного самолёта П.В. Голубев) и 3-я – капитана А.Н. Андреандирева, без сопрово-

ждения истребителей (!), чтобы нанести удар по складам горючего, железнодорожной станции, аэродрому и авиазаводу в районе Бяла-Подляска.

По докладам вернувшихся с того боевого задания экипажей, задача была успешно выполнена. Но огнём зенитной артиллерии немцев боевой строй первой девятки был нарушен, и отдельные наши самолёты подверглись атаке 4 истребителей Me-109. А после ухода всех трёх девяток от цели, находясь на обратном курсе в районе Кобрин—Берёзы Картузской, наши бомбардировщики были настигнуты и атакованы большой группой фашистских истребителей Me-109 (до 30 самолётов), которые начали сразу же жёсткую атаку.

И это была настоящая трагедия: немецкими истребителями, пользуясь отсутствием прикрытия у наших бомбардировщиков, было сбито, повреждено 20 самолётов 130-го сбап... На свой аэродром вернулось всего 7 экипажей. Всё же необходимо отметить, что и немцы понесли потери, наши экипажи погибали, но дрались отчаянно, и воздушными стрелками-радистами, и стрелками-бомбардирами было сбито или повреждено до 9 истребителей противника Me-109 (источник: <https://dzen.ru/a/ZFjdmYS2sh51FS9>).

А.Е. Сажин,

Доброслав Николаев Петров,

ученик 11-го «Б» класса лицея № 126

Тихон Павлович СЕДЫХ

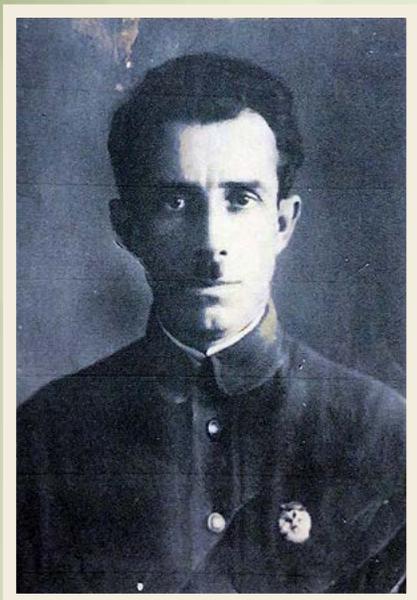
Когда началась Великая Отечественная война, моему прадедушке было 28 лет. Он проходил службу в звании сержанта в 14-й армии и был военным корреспондентом в газетах «Часовой Севера», «Патриот Родины». Непосредственно участвовал в обороне и освобождении Мурманска и Заполярья от фашистских захватчиков.

Награждён медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освобождение Советского Заполярья», «За боевые заслуги». Имеет орден Отечественной войны II степени.

Награды моего прадедушки были переданы в Мурманский областной краеведческий музей.

*Александр Ступак,
ученик 5-го «Д» класса лицея № 126*

Андрей Захарович СИЗОНЕНКО

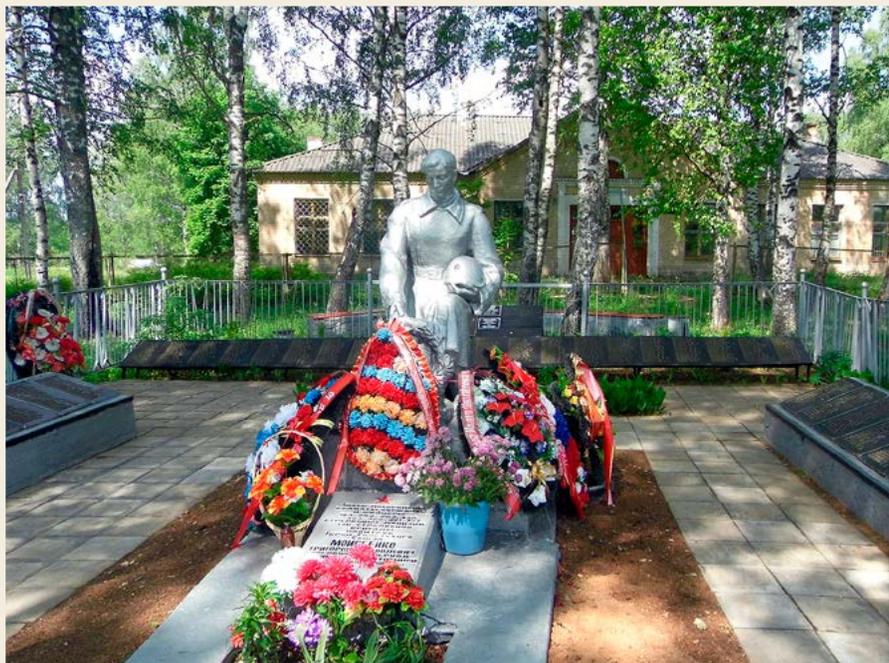
Мой прапрадед по маминой линии, Сизоненко Андрей Захарович, родился 17 июня 1904 года в Ейске. В 1920 году пошёл служить в ряды Рабоче-крестьянской армии. Когда началась Великая Отечественная война, дед уже был в звании капитана. Находясь в действующей армии, он с первых дней войны принимал участие в боевых действиях. При первом нашем контрнаступлении на Ржев был трижды ранен, но не покинул поле боя. После третьего ранения, потеряв сознание от большой потери крови, он скончался.

Андрей Захарович погиб 15 февраля 1942 года в бою за село Афанасово, и там же был захоронен. Через 20 лет после окончания войны был перезахоронен в братской могиле подо Ржевом в деревне Пятницкое.

В местной школе организован музей, где целый стенд посвящён моему прапрадеду. Я горжусь своим героем Великой Отечественной войны.

*Даниил Христофоров,
ученик 6-го «Г» класса лицея № 126*

На братском захоронении установлена скульптура «Коленопреклонённый воин в шинели с венком и каской» (автор Паммер). Сюда были перенесены останки воинов Красной армии из населённых пунктов: Афанасово, Еленка, Зуй, Карасилино, Крутики, Мироново, Осиповка, Посвистелки, Светителево, Сортино, Федоровка, Верховны. На мемориальной плите имеется надпись: «Здесь похоронены солдаты, сержанты и офицеры 183, 252, 262, 335, 353, 355, 357, 381 стрелковых дивизий; 136 стрелковой бригады, политрук, Герой Советского Союза Моисеенко Григорий Яковлевич, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». По сведениям Ржевского военкомата, в списках воинов Красной армии, похороненных в братской могиле д. Пятницкое, значились 1275 человек, известны имена 1148 солдат и офицеров.

Моисеенко Григорий Яковлевич – Герой Советского Союза комиссар 2-го стрелкового батальона 940-го стрелкового полка 262-й дивизии 39-й армии. В ноябре 1941 года он заменил командира роты и успешно справился с этой задачей. В декабре был ранен и контужен. В феврале 1942 года, когда с группой бойцов попал в окружение, был ранен вновь. Несмотря на ранение, продолжал руководить вначале обороной, а затем атакой, направленной на прорыв к своим.

Группа смогла соединиться с основными силами, но именно в этот момент отважного политрука настигла немецкая пуля. Моисеенко Г.Я. был похоронен в районе д. Макарово, после войны перезахоронен на воинском кладбище в д. Пятницкое.

Константин Алексеевич СИЛЬЧЕНКО

«Добрый день, мой милый, дорогой сынок Котик. Шлю тебе с фронта свой пламенный сердечный привет и сообщаю о своём хорошем здоровье и прекрасном настроении.

Милый Котик, как я рад, что ты маму слушаешь, не балуешься, я очень рад тому, что ты также ненавидишь мирового людоеда-фашиста Гитлера, как и твой папа, ты мне всё время желаешь, чтобы скорее я разбил-убил Гитлера и приехал здоровым и невредимым домой, что, сынок, я постараюсь выполнить вместе со своими товарищами. Вот зима придёт холодная, ему плохо будет, я буду ходить в валенках, тёплой шапке, а у него этого нет, и он замёрзнет. Вот тогда мы с тобой посмеёмся. Я приеду с фронта и всё тебе и милой мамочке расскажу. А пока, мой дорогой сынок, слушай маму, далеко от неё не бегай, расти умненьким, я тебе за это привезу из Москвы правдашную шашку, у Будённого попрошу, а у Ворошилова пулемёт. Ну до свидания, сынок, мне некогда, пойду бить Гитлера. Мамочке передай привет и своим товарищам. Твой папа».

Обещание вернуться домой так и осталось невыполненным. Константин Алексеевич Сильченко погиб через два месяца в Тульской области.

В одной из изб деревни Гремячее он делал сложную операцию. Когда рана уже была почти полностью зашита, началась бомбёжка. Хирургу оторвало ноги, но, сам находясь в критическом состоянии, он своим телом накрыл того, кого оперировал. В этот момент разорвалась ещё одна бомба, которая убила врача и трёх медсестёр. Пациент остался жив.

Константин Алексеевич Сильченко вырос в очень бедной семье. Из десяти детей он был самым младшим. Его родную сестру Екатерину Алексеевну из Сталинграда немцы забрали в плен, стерилизовали и отдали как рабыню в немецкую семью. На родину она вернулась только в 1947 году. Но это уже была забитая несчастная женщина, которая даже говорить толком не могла.

Мама Кости работала в детдоме. Семья голодала, и поэтому младшенького решили оформить воспитанником этого детского дома. А позже он и сам стал в нём воспитателем. Затем окончил рабфак и по комсомольской путёвке поступил в Военную медицинскую академию в Ленинграде. Но в 1932 году в академию пришло письмо от воспитанников детдома с просьбой срочно вернуть воспитателя. Дети жаловались, что без него их стали плохо кормить, обижать, и даже угрожали поджечь детдом, если Константин не приедет.

Начальник академии командировал Константина Сильченко в родной детдом. Через две недели порядок там восстановился.

Константина Алексеевича командировали на службу в Сибирь.

К тому времени он уже был женат на ленинградке Кате и у них родился мальчик Костя, которого отец называл Котиком.

До 1941 года семья поменяла шесть служебных мест, перед самой войной оказавшись в городе Чирчике Ташкентской области. К тому времени Константин Алексеевич уже был начальником госпиталя.

А потом началась война. В 1941 году под Смоленском старший врач полка Константин Сильченко вывел из окружения несколько подразделений. Отступить пришлось до Тулы.

«Милая Катя, сейчас только приходится вспоминать нашу прекрасную спокойную жизнь, особенно в доме отдыха, когда много было винограда, всякой зелени и даже вина, теперь, конечно, этого нет, и не знаю, придётся ли ещё так жить, потому что война жестокая и снаряды, бомбы и пули никого не щадят. Катя, смотри за Котиком, береги его, может, это будет моя для тебя единственная память». Это последнее письмо, которое полевая почта доставила в семью Константина Алексеевича Сильченко.

После него пришла похоронка...

Однажды в дверь дома Екатерины Александровны, жены хирурга, постучал подполковник-артиллерист. У женщины затряслись руки, когда она узнала, что именно этот человек лежал на операционном столе, когда погиб её муж.

Подполковник во всех подробностях рассказал ей о той последней в жизни Константина Сильченко операции и передал чудом сохранившийся планшет хирурга. А в 70-х годах могилу военного врача отыскивали волгоградские пионеры — воспитанники того самого детского дома, в котором когда-то жил и мирил ребят Константин Алексеевич. Оказалось, что хозяин той избы, где располагался медсанбат, трижды перезахоранивал врача. Он был ему благодарен ещё и потому, что Константин Сильченко спас жизнь его сына, который подорвался на mine. Первый раз хозяин дома похоронил хирурга и трёх медсестёр у себя на огороде, затем — на сельском кладбище. Ну а в третий раз благодаря пионерам всех четверых похоронили в братской могиле под Тулой.

Текст Михаила Козлова «Врач прикрыл пациента своим телом» из газеты «Смена» (22 июня 2005 года) предоставлен Валентиной Николаевной Сильченко, женой сына Константина Алексеевича Сильченко

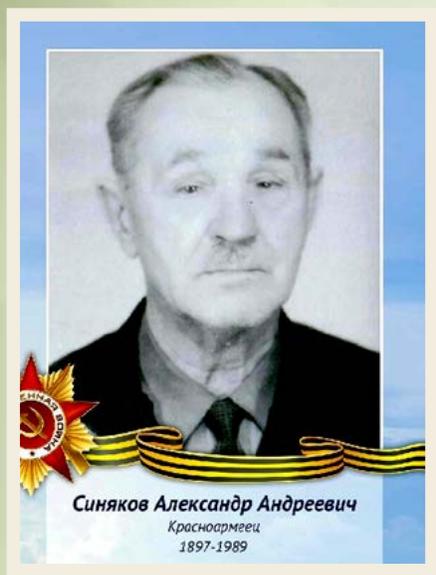

Николай Фёдорович СИМОНОВ

Мой дедушка, Симонов Николай Федорович (1921—1993), родился в Смоленской обл., Рославльский р-н, г. Рославль. Гвардии старший лейтенант, был командиром взвода управления 6-го отдельного Гвардейского тяжёлого танкового Демблинского полка, воевал на 2-м Украинском, 1-м Белорусском фронтах, награждён орденами Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, грамотами и благодарностями, участвовал в боях до победного, дошёл до Берлина.

Михаил Коровин

Александр Андреевич **СИНЯКОВ**

Мой прадедушка, Синяков Александр Андреевич (1897–1989), родился в Калининской обл., Лихославльский р-н, д. Пятниха. Красноармеец, был сапёром 34-го отдельного штурмового инженерно-саперного Краснознамённого батальона 17-й штурмовой инженерно-саперной Гатчинской, дважды Краснознамённой бригады, воевал на Ленинградском и 1-м Белорусском фронтах, награждён медалью «За боевые заслуги».

Михаил Коровин

Михаил Александрович **СИНЯКОВ**

Мой дядя, Синяков Михаил Александрович (1922—1944), родился в Ленинграде. Лейтенант, был командиром взвода противотанковых ружей 200-го стрелкового полка 2-й стрелковой дивизии. Убит в бою 2 августа 1944 года.

Михаил Коровин

Афанасий Осипович СМИРНОВ

Я и мои родители жили в Финляндском округе, на Бестужевской улице, в доме 15, много лет, почти с постройки этого дома.

История моего деда обычная для нашего города.

Поэтому, пользуясь своим талантом, я описал все события в стихах и прозе.

Деда звали Смирнов Афанасий Осипович, прилагаю его фото, а также фото его жены и детей.

Простая до боли история.

Смирнов Афанасий Осипович с женой Екатериной Васильевной и двумя детьми – Александрой и Евгением – жили в Ленинграде, на Выборгской стороне, как все, в коммунальной квартире.

Летом выезжали на дачу, в Суйду, где их и застало начало войны.

Глава семьи защищал Ленинград и умер от болезни в феврале 1942 года, а его вдову с детьми эвакуировали по Ладоге.

После войны вдова с детьми вернулись в Ленинград, в свою комнату.

Екатерина Васильевна вырастила детей одна, сохранив верность любимому мужу, и умерла в 1999 году, обретя покой на Волковском кладбище, а её муж остался в общей могиле на Пискарьевском. Сотрудники кладбища помогли мне найти участок с захоронениями того периода.

Как видите, всё как у всех людей нашего города, но также и очень индивидуально!

Рассказы Екатерины Васильевны о блокаде совсем не пафосные, но героические из-за ежедневного преодоления бытовых трудностей!

Всё это я и описал в стихотворном и прозаическом вариантах «Наследие».

Наследие

Урок рисования в 3-м «А» начался не сразу.

Уже пять минут, как звонок прозвенел, а Джульетта ещё не пришла.

Джульеттой ученики прозвали свою первую, и безоговорочно любимую, учительницу Юлию Николаевну.

Ванька Смирнов один из первых подошёл к маленькому крану в углу и налил в пластмассовый стаканчик воду для акварели. Потом разложил на парте краски, два карандаша, резинку и новенький, вчера подаренный бабушкой, альбом для рисования.

Джульетта вошла в класс, и шум быстро стих. Дети смотрели на неё с нетерпением, мол, мы рисовать хотим!

Юлия Николаевна проверила, все ли правильно подготовились к уроку, и позволила Свете Гаврилиной налить воды в стаканчик.

— Сегодня у нас будет необычный урок! — слегка волнуясь, произнесла учительница.

— Все вы будете участвовать в конкурсе, посвящённом Дню Победы! Пусть каждый из вас нарисует своего прадедушку, который участвовал в Великой Отечественной войне. Сегодня вы только начнёте рисовать, а к понедельнику, дома, закончите!

Дети задумчиво смотрели на любимую Джульетту. Каждый вспоминал про своего прадеда. Не все помнили имена. Но тема войны уже была им знакома.

Ещё вчера Юлия Николаевна посвятила войне целых два урока подряд, показала учебный фильм.

Мальчишкам понравились танки, а девчонки сразу стали играть в медсестёр, пытаясь перевязать одноклассникам несуществующие раны.

Танки понравились и Ваньке Смирнову, поэтому он по памяти нарисовал что-то, отдалённо напоминающее танк. Потом намочил кисточку и стал выбирать цвет.

Танк должен быть зелёный, решил Ваня, ведь так он может спрятаться в лесу, под деревьями, размышлял про себя, мальчик.

— Ой, а если зима? Тогда белый?

— Ну какой же это танк, белый!

— Нет, пусть будет синий!

Иван увлечённо водил кисточкой по бумаге.

— А твой прадедушка, наверно, внутри танка? — спросила Джульетта.

— Ну да, он стреляет оттуда по немцам! — Ванька аж заулыбался от радости, храбрый у него прадедушка!

Прозвенел звонок, урок рисования был последним. До понедельника можно отдохнуть и гулять!

Внизу, возле раздевалки, его ждала бабушка Шура, она помогла ему надеть курточку, ботинки и шапку, которую он не хотел надевать. Весна все-таки, но бабушка настояла!

Бабе Шуре в январе исполнился 91 год, но она по-прежнему отводила внука в школу и встречала после уроков.

Всегда аккуратная, в немодном пальто, баба Шура ждала Ваньку, сидя на скамейке у раздевалки для начальных классов. До дома идти недалеко, он виден из окон его класса на четвёртом этаже.

— А как звали моего прадедушку? — спросил Иван.

Баба Шура удивилась вопросу, но обрадовалась, впервые он проявил интерес к истории своей семьи.

— Звали его Афанасий Осипович, а фамилию он носил нашу, Смирнов!

— Круто! Мы все Смирновы! — Ваня с гордостью пнул ногой комок тающего снега, начало апреля — прекрасное время!

— Как там Оскар? — спросил непоседа, опять что-то рассматривая под ногами.

— Отлично! Ждёт прогулку!

Оскар — это их пёс, большая чёрная немецкая овчарка. Гулять с ним трудно, потому что пёс сильный, очень сильный, только папа в одиночку способен его удержать! Поэтому днём, когда родители на работе, Ваня и бабушка выгуливают Оскара вместе, мальчик крепко держит поводок, а баба Шура ему помогает!

Выгуляв пса, они пообедали и пошли в детскую, Ванькину, комнату.

Мальчик залез на свою кровать, а бабушка присела рядом.

Они любили поговорить про жизнь!

Папу и маму Ваня обожал, ждал с работы вечерами, но с бабушкой у него установились особые, тёплые, отношения! Мальчик понимал, что бабушка старенькая, и старался помочь ей по дому! Даже научился мыть посуду, а за то, что иногда разбивал что-то, она внучка не ругала, радовалась, что умный растёт! Вот и сейчас Ванюшка рассказывал бабушке про домашнее задание. Баба Шура внимательно слушала его.

— А ведь я отца своего рано потеряла, в 1942 году, мне было всего 10 лет, — голос бабули звучал необычно. — Я помню своё детство очень хорошо, папа был очень добрым и ласковым.

— Таким же, как мой? — спросил Ваня.

— Ну да, конечно. Он очень любил меня и братика Женьку. Перед войной мы жили на даче, под Ленинградом, так раньше назывался наш город. Однажды утром я и брат проснулись, а папа куда-то уехал. Это было 22 июня 1941 года.

— Да, каникулы были! — мечтательно заметил внук.

— В то утро в небе было много самолётов.

— А танки ты видела? — Ванюшка вспомнил про свой рисунок в альбоме.

— Нет, только самолёты, — ответила баба Шура. — Так началась война! — вздохнула бабуля. — Может, ты поспишь немного? — спросила она.

Но Ивану Петровичу Смирнову не терпелось узнать всё про своего прадедушку, пёс Оскар лежал на полу возле них и тоже внимательно слушал рассказ бабы Шуры. Она собралась с мыслями и продолжила, пёс и мальчик слушали её, уже не перебивая.

— Так вот, я и брат тогда не понимали, что случилось. Мама собрала наши вещи, и мы уехали в Ленинград. В школу осенью не пошли. К зиме стало очень тяжело, город бомбили, нечего было есть, холод жуткий. Мама работала на заводе, а брат и я сидели дома с нашими бабушкой и дедушкой. Радио всегда было включено, а когда новостей не было, стучал метроном, противный такой звук, но он означал, что радио работает и новости бу-

дут! Очень мы от голода страдали! Каждый день я не запомнила, их было очень много, и все одинаковые.

Гудели самолёты, мы спешили в бомбоубежище, потом ели совсем маленькие кусочки хлеба, обмакивая их в соль и запивая кипятком. Это было счастье! А мама боялась, что нас съедят, ведь мы всегда были пухленькие, поэтому одних нас никуда не отпускала!

Хорошо помню, как мы эвакуировались по льду Ладоги, грузовик ехал медленно, уже привычный гул самолётов был совсем близко, над нами. Все молчали, а я и брат прижались к маме.

Нам удалось вырваться из осаждённого города, но в многие машины попали бомбы.

— А танки там были? — опять спросил Ванюшка.

— Нет, я их видела позже, когда мы уже уехали в эвакуацию. — ответила баба Шура.

— А отчего умер мой прадедущка? Его убили немцы? — Ваня хотел это знать.

— Да, убили, но не в бою. Он защищал Ленинград, не пуская немцев. А умер он в госпитале, потому что был сильный холод, и он простудился, ведь солдаты не могли пойти погреться надолго. В феврале его похоронили в братской могиле на Пискаревском кладбище. Помнишь, мы там гуляли осенью?

— Да, там вечный огонь! — вспомнил Ваня. — И пруд, где мы с тобой уток кормили!

Больше Иван не задавал вопросов, а сразу сел рисовать, танки его больше не интересовали.

В понедельник на уроке рисования дети показывали свои рисунки.

Все картины оказались яркими и красивыми, там были и танки, и самолёты, и вечный огонь.

— А ты, Ванечка, что нарисовал, покажи! — Юлия Николаевна подошла к его парте.

Мальчик молча протянул учительнице свой рисунок. Там не было никакой техники и салютов. Иван Смирнов удивительно точно изобразил своего прадеда. Слева были нарисованы дома, река и мост, а справа — человек с ружьём, нацеленным за пределы рисунка.

– Это мой прадедушка, Смирнов Афанасий Осипович, он защищает наш город!

Баба Шура, как обычно, ждала внука возле раздевалки.

– Ну как? Рисунок всем понравился? – спросила она.

Ванька кивнул.

– Баб, а давай сегодня сходим погулять на то кладбище, уток покормим, ведь снег почти растаял. И Оскара возьмём!

– Давай! – обрадовалась бабуля. – Только сначала пообедаем!

Наследие

«Расскажи мне всё про блокаду!» –

Снова просит бабушку внук.

«Назывался тогда Ленинградом
Город славный Санкт-Петербург.

Гитлер подло напал той ночью,

Самолёты в рассвет подняв.

Объявили по радиоточке

Эту новость в начале дня.

Мы в то лето на даче жили,

Никаких не ведая бед.

Сын и дочь малышами были,

Ну а мне – ровно тридцать лет.

Муж с утра в Ленинград уехал

И был призван там в тот же день,

Навсегда ставший скорбной вехой,

Мир отнявшей у всех людей.

Немцев армия наступала,

Опалила страну огнём,

А к зиме совсем плохо стало –

То бомбёжки, то метроном.

Но надежда не умирала,

Побеждая голод и страх.

В феврале я вдовою стала,

И детей двое на руках.

Лишь по льду дорога открыта,
 Самолётов вражеских гул,
 От снаряда прорубь пробита,
 Но есть жизнь на том берегу!
 В рейс бесщётный ушла машина,
 Показался вечностью путь.
 Обнимая дочку и сына,
 Я боялась громко вздохнуть.
 Девятьсот долгих дней блокады
 Пережили не все, увы.
 Но никто не сдал Ленинграда,
 И чисты берега Невы!
 Нелегко всем далась Победа,
 Перед теми людьми есть долг.
 Ты возьми фотографию деда
 И вступи с ней в Бессмертный полк!»
 Внук заплакал и бабушку обнял,
 Сквозь очки в глаза заглянув:
 «Я так много сегодня понял
 Про блокаду и про войну».

Пётр Ефимов

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж-гражданин
Иванов Иван Иванович
 (муж, сын, брат, воспр. залиц.)
 уроженец _____

в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизма и мужество, был _____

похоронен числом 24/II 1942 г.
на Блинковском кладбище в Ленинграде
 (место похорон) _____

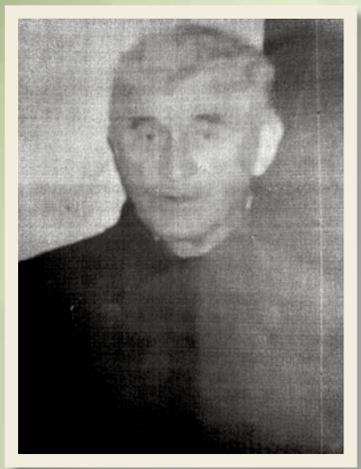
Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства со стороны (приказ НКО СССР № 138 _____).

Ген. Госпиталь _____ Военком _____

М. П. _____

Тит. № 1 им. Вязовского Зака № 091.

Егор Никифорович СМИРНОВ

В каждой семье в России есть страничка исторической памяти, связанная с Великой Отечественной войной. В истории моей семьи это прапрадедушка (дедушка моего дедушки) Смирнов Егор Никифорович, о котором я знаю только со слов папы и дедушки.

Он родился 16 апреля 1914 года в деревне в Калязинском районе Тверской области, получил образование — 4 класса сельской школы, потом трудился в колхозе, женился, к 1940 году у него было три сына. Перед войной он стал бригадиром в колхозе и жил в городе Старица Тверской области и в деревне Васьково Торжокского района Тверской области. В 1939 году он не попал на Советско-финскую войну, так как в день мобилизации оказался далеко от колхоза на работах.

На фронт прапрадедушка попал в 1942 году, воевал в противотанковой разведке дивизиона ракетной артиллерии (БМ 13) «Катюша», которые я видел в артиллерийском музее, в составе 2-го Белорусского фронта. Как разведчик он много раз по заданию командования переходил линию фронта, обнаруживал вражеские цели — скопление живой силы противника, техники, железнодорожных составов — и по радиостанции сообщал координаты своему непосредственному командиру, потом он корректировал огонь «Катюш» по разведанным целям и после их поражения возвращался обратно через линию фронта в расположение войск.

Неоднократно возникали опасные ситуации во время обстрелов артиллерии и бомбёжек вражеской авиацией, охоты фашистских снайперов. Очень много боевых товарищей прапрадеда погибло, не дожив до Победы.

В 1943 году под Витебском он был тяжело ранен в правую руку. Она повисла, не работала, была угроза ампутации. Прапрадедушка более полугода лечился в различных госпиталях и в результате по инвалидности в 1944 году был комиссован и признан полностью негодным к военной службе. Вернулся в свой колхоз, в деревню Васьково, и восстанавливал после фашистской оккупации хозяйство. А рука благодаря различным упражнениям и тренировкам через много лет практически восстановилась.

Прапрадед Егор был награждён орденом Отечественной войны II степени и многими боевыми медалями. После войны у него родилась дочь Нина, она сейчас живёт во Ржеве. Сам он долго трудился в колхозе и валенки валял пожарным и дежурным на мазутно-насосной станции на заводе. В конце 60-х годов переехал с семьёй в город воинской славы Ржев, содержал свой дом с огородом и домашних кур и свиней.

По рассказам бабушки и папы, прапрадед Егор никогда не касался темы Великой Отечественной войны. Для него это было тяжело и больно. Даже в День Победы 9 Мая он старался отстраниться от любых воспоминаний.

Он был внимательным и заботливым мужем, отцом, бабушкой и прабабушкой. Несмотря на низкий уровень образования всегда был интеллигентен, выдержан и немногословен.

В 1992 году в честь прадеда Егором называли моего дядю, брата моего отца.

Умер мой прапрадедушка Смирнов Егор Никифорович 23 февраля 1998 года и похоронен в городе Ржев. Я горжусь, что в моей семье был участник Великой Отечественной войны, стараюсь быть достойным его памяти, расти настоящим патриотом, хорошо учиться, заниматься спортом, помогать родителям, заботиться о братьях и сестре. Спасибо прапрадеду за ПОБЕДУ!

*Иван Смирнов,
ученик 5-го «А» класса лицея № 126*

**Николай
Ефимович
СМИРНЫХ**
и его сыновья
Георгий, Василий, Иван

На этой фотографии дяди – родные братья моей мамы. Слева старший – Георгий Николаевич Смирных, 1915 года рождения. Средний – Василий Николаевич Смирнов (так записали в справке сельсовета), год рождения 1918. Справа – Иван Николаевич Смирных, 1923 года рождения. Родились они в селе Рогатик Должанского района Орловской области в крестьянской семье.

Георгий Николаевич после окончания 7 классов Михайлово-Анненской школы крестьянской молодёжи в 1934 году поступил в Воронежский техникум путей сообщения. Окончил его в 1938 году. С июля 1938 года стал работать дежурным по станции Старый Оскол Московской железной дороги. В январе 1939 года призван в РККА, направлен служить в 65-й строительный путевой батальон 1-й Дальневосточной армии. До мая 1939 года прошёл курс молодого бойца, потом был назначен дежурным по станции Даубихэ (Арсеньев) Приморской железной дороги, далее — зам. начальника станции там же, с мая 1940 года переведён начальником станции Вассиановка Приморской железной дороги. После службы в армии Георгий Николаевич стал работать с марта 1941 года поездным диспетчером в Выборгском отделении Октябрьской железной дороги.

С началом войны Выборг стал первой целью финской армии, и всё новое население города подлежало эвакуации. Одними из последних погрузились в вагоны работники железной дороги и поехали в сторону Ленинграда. По дороге на станциях стояли то пару часов, то сутки. Вначале приехали в Рошино, потом в Белоостров, а в конце августа — в Ленинград. Жили в тех же вагонах, что и ехали, — их поставили недалеко от Финляндского вокзала. Прибыв в город, Георгий Николаевич и его товарищ по работе в Выборге Борис Петрович Самылин решили пойти в военкомат, записаться добровольцами в армию. К этому моменту суматоха первых дней войны несколько улеглась и стали принимать документы уже не у всех желающих. Разговор в военкомате оказался очень коротким: на первый вопрос «Где работаете?» оба ответили «На железной дороге». В ответ «Кру-гом! К месту службы шагом марш!». Первый месяц войны показал, что люди на железной дороге нужны не меньше, чем на фронте. А может быть и больше — шла эвакуация промышленности на восток, а войска двигались на запад. Таким образом, Георгий Николаевич и Борис Петрович на фронт не попали и работали в Финляндском отделении Октябрьской железной дороги — самом работающем в блокадном городе. В июле 1944 года Георгий Николаевич женился

на Самылиной Ольге Петровне, сестре своего Выборгского товарища.

В мае 1944 года Георгий Николаевич переведён на должность старшего инженера-графиста. На этой должности два раза в год уезжал в Москву на 1–2 недели для согласования графиков движения поездов своего отделения между Октябрьской железной дорогой и соседними отделениями других дорог.

Всю войну Георгий Николаевич работал в службе движения Финляндского отделения. У него работа была не только в отделении, приходилось сопровождать эшелоны к Ладожскому озеру и обратно, а после прорыва блокады — были командировки в Тихвин.

После войны людей с высшим образованием не хватало, и для имеющих за плечами техникум в ВУЗах были организованы потоки с трёхлетним сроком обучения.

С 1 сентября 1950 года Георгий Николаевич стал учиться на эксплуатационном факультете ЛИИЖТа.

После окончания института в 1953 году вернулся в отдел эксплуатации Ленинград-Финляндского отделения Октябрьской ж.д. на должность заместителя старшего диспетчера. В 1955 году стал старшим диспетчером этого отделения. С 16 июля 1961 года стал работать старшим дежурным помощником начальника Оперативно-распорядительного отдела службы Движения Октябрьской железной дороги. Вышел на пенсию в 1975 году.

Награждён медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны». Умер в 1994 году.

Василий Николаевич до войны работал в сельхозартели в родном селе, с 1937 года — на Кировском заводе в г. Ленинград. Работал чернорабочим в отделе капитального строительства, затем электромонтёром. С началом войны ушёл на фронт. В справке, выданной отделом кадров Кировского завода на основании записи в личной карточке, прописано: «В июне 1941 уход добровольцем». В записной книжке старшего брата Георгия есть запись: «3й особый батальон, 3я рота, взвод управления, Смирнов Василий».

В госпитальных документах Василий Николаевич числится красноармейцем, ракетчиком 62-го стрелкового полка. Сведений о том, когда он попал в полк, не имеется. Из справки о боевом пути 62-го стрелкового полка 10-й стрелковой Краснознамённой дивизии известно, что перед войной полк стоял на защите границы Литовской ССР в районе г. Кретинга. Отступая с боями от границы, полк участвовал в обороне Риги, Таллина от наступающих фашистов, а к началу сентября 1941 года оказался в районе Стрельны – Петергофа. 21 октября 1941 года полк был снят с обороны и из Ораниенбаума переправлен водным путём в Ленинград на переформирование.

Из записной книжки старшего брата: «10 ноября Вася выехал Всеволожск». В декабре в районе Невской Дубровки 62-й полк форсировал р. Нева, перебравшись на левый берег. После тяжёлых боёв, длившихся 6 дней, полк перешёл к обороне. В боях на «Невском пятачке» 9 декабря 1941 года Василий Николаевич получил тяжёлые осколочные ранения живота и был эвакуирован в ЭГ-2222 (Мечниковская больница). Затем проходил лечение в ЭГ- 989, который находился на проспекте Кирова Петроградской стороны.

Умер от ран 12 марта 1942 года, похоронен на Пискарьёвском кладбище.

Старший брат, Георгий Николаевич, вспоминал, как ходил пешком от Финляндского вокзала в госпиталь, чтобы навестить брата, как Василий делился с ним едой в ту суровую голодную зиму.

Иван Николаевич до войны учился в швейном техникуме в г. Ленинграде, а затем, так же как брат, стал работать на Кировском заводе. С началом войны был направлен на строительство оборонительных сооружений в Стрельнинский укрепрайон. В первых числах декабря 1941 года вместе с предприятием был эвакуирован в город Челябинск, как только заработала Дорога жизни через Ладожское озеро. Не доезжая 6 км до Кобоны, машина провалилась под лёд, ему помог спастись друг. В дальнейшем этот случай на Ладоге серьёзно сказался на его здоровье.

С января 1942 года работал фрезеровщиком на Челябинском тракторном заводе.

В январе 1943 года был призван в Красную армию. Воевал Иван Николаевич в 63-й гаубичной артиллерийской бригаде, входящей в состав 22-й артиллерийской дивизии резерва Главного командования, которая была сформирована приказом Ставки ВГК № 0370 от 12 сентября 1943 года, на базе 135-го Тоцкого гаубичного артиллерийского полка. Формирование бригады проводилось Коломенским Артиллерийским центром с 13 сентября по 10 октября 1943 года, в районе села Поляны Московской области.

Впервые 63-я бригада в составе 1-го Белорусского фронта участвовала в бою под Гомелем 11 ноября 1943 года, а далее освобождала города Мозырь, Калинковичи, Бобруйск, Барановичи, Брест. Форсировав р. Западный Буг, бригада вступила на территорию Польши, где приняла непосредственное участие в штурме города-крепости Прага (предместье Варшавы) и в прорыве обороны немецких войск южнее Варшавы.

Награждён орденом Красной Звезды и медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освобождение Варшавы». Умер в 1987 году.

Отец Георгия, Василия и Ивана — **Смирных Николай Ефимович**, 1895 года рождения. Он участвовал в трёх войнах — Империалистической с 1915 по 1917 год, Гражданской с 1918 по 1921 год и Великой Отечественной с февраля 1942 года. В звании младшего сержанта служил в 8-й Отдельной инженерной бригаде специального назначения Брянского фронта. Награждён медалью «За боевые заслуги». Комиссован по состоянию здоровья в январе 1945 года. Умер в 1962 году.

*Валентин Смирных,
Татьяна Кудинова*

Анастасия Михайловна СПИРИДОНОВА

Жителю нашего округа Игорю Евгеньевичу Мutowкину 80 лет. Когда из газеты «Финляндский округ» он узнал, что муниципалитет планирует издать очередной том Книги памяти и собирает для этого истории от жителей об их родственниках, живших в годы Великой Отечественной войны, то захотел рассказать о своей маме Анастасии Михайловне Спиридоновой. Но написать о ней и прислать материал в электронном виде, как это требовалось, не смог, так как у него нет компьютера. Поэтому он принёс очерк Феликса Махова «Отблеск вечного огня», опубликованный в журнале «Нева» в 2004 году, основанный на рассказе самой Анастасии Михайловны о своей жизни в блокадном Ленинграде. «Лучше, чем выдающийся писатель Феликс Махов, о ней никто не напишет», — с такими словами Игорь Евгеньевич передал в редакцию для сканирования бережно обёрнутый в белую бумагу журнал. Материал оказался действительно очень хорош. В нём писатель рассказывает о своём знакомстве с Анастасией Михайловной, а она, беседуя с ним во время интервью, о своей жизни. Вот что она рассказала.

«В сорок первом году я окончила школу, подала документы в Первый медицинский институт, но началась война. Осенью маму мобилизовали на рытьё траншей около Поклонной горы. Она там и жила в бараке. А мы остались с папой вдвоём. Он был механиком на фабрике Первого мая. Но с началом блокады очень тяжело болел. Фабрику постоянно бомбили. Питания не было. Отец тихо угасал. Маму с оборонных работ не отпускали. Да она и сама бы не ушла. Такие были у меня родители. Моего отца на фабрике любили все. Он был очень чуткий и совестливый человек. Его и профком поэтому выбрал. Он был человек очень строгих порядков. Вот уж настоящий коммунист. Не знаю уж, хвалить его сейчас за это или нет? Наверно, надо похвалить. Он был настоящий патриот. И так верил в Победу, так верил.

Как-то раз, в августе, когда на фабрике выдавали продукты, мама (она тоже работала на этой фабрике) принесла две буханки хлеба и ещё что-то, он ей говорит: “Юля! Ну, зачем ты так много принесла? А вдруг другим не хватит? Да и война скоро кончится. Пойди отнеси обратно”.

Папа уже тогда тяжело болел. Ему необходимо было питание. А после пожара на Бадаевских складах продуктов стали давать всё

Выпуск 9-го класса, 1940 год

меньше и меньше. И с ноября я уже получала 250 грамм на папу и 125 грамм на себя. Однажды отец с фабричной помойки даже кости какие-то принёс, так есть хотелось. Он совсем скелет, а я 27-го пошла на фабрику, чтобы получить на него и на себя карточки на февраль. Помню, в последней декаде января, с 20 по 29 января 1942 года, хлеба не выдавали совсем, ни одного грамма. И знаете, что я хочу сказать: первые дни очень хотелось есть. Ночью вспоминались какие-то и пироги, и блины, и всякое такое. Хотя мы вообще-то не густо жили. И я как-то от голода в последующие дни не очень мучилась.

И вот 29-го рано утром я встала и в 5 часов заняла очередь, а в 6 часов вдруг стали выдавать! Буханки были такие огромные, их резали пополам. Хлеб так пахнет! Хлебозавод был напротив! Мне дали целых полбуханки, видно, за бесхлебные дни. Хлеб был ещё тёплый, от него даже шёл пар. Я была такая довольная, что смогу накормить папу. Запрятала хлеб за пазуху. Такое тепло от него шло, и запах хлебный! Такой запах, что до сих пор помню. Я так хотела принести отцу хлеба, думала, может быть, он поправится. Но когда пришла, увидела, что отец уже совсем плох, еле дышал. Я хотела дать ему кусочек хлеба, но он только покачал головой. А я сама так есть хочу, так есть хочу. Смотрю на хлеб как кот на сало. Но я не стала есть, а решила пойти на Неву за водой, чтобы вскипятить воды (у нас была буржуйка), и дать отцу хлеба с кипятком. А хлеб, чтобы не соблазниться, спрятала в маленький папин сундучок. Взяла бидон с верёвочкой и с Посадской, где мы жили, пошла к проруби. Но это легко сказать «пошла». Мы жили на четвёртом этаже, на лестницу выливали все отбросы и испражнения. Мороз был под 40 градусов. Я скатилась по обледеневшей лестнице. На улице у подъезда валялось несколько трупов. Вот дядя Коля. Вот ещё один сосед...

Доплелась до проруби. Но она похожа на воронку с высокими обледеневшими краями. Каждый, кто вытаскивал дрожащими руками воду, проливал часть на края проруби, и вода тут же превращалась в лёд. Стенки воронки становились всё выше и выше, а вода уходила всё дальше и дальше. Когда я перегнулась через ледяной бруствер, чтобы по-

пытаться достать бидоном до воды, то вдруг увидела в проруби две ноги. Я закричала. Рядом стоял какой-то мужчина с ведёрком на длинной палке. Он оттолкнул ноги утопленника в сторону, достал воды и хотел уходить, но, увидев мои глаза, налил мне в бидон. Мне так надо было воды для папы. А я такая дура была: совсем не подумала о смерти, о том, что папа может умереть. По дороге собрала какие-то бумаги, картон, чтобы растопить буржуйку. Когда я пришла домой, отец уже умер. Время было 11 часов утра. Соседей никого. У нас в квартире семь комнат, и никого — кто умер, кто ушёл к родным. Я осталась одна. Не помню, спала ли я в эту ночь или нет. Но, наверно, в эту ночь я и поседела. Лицо было молодое, а волосы седые. 30-го днём вдруг пришла мама. У неё было предчувствие какой-то беды, и она отпросилась, чтобы проведать нас. Как она дошла, я не знаю: у неё были совершенно распухшие ноги... Что было делать с отцом? Мы разломали шкаф, соорудили из его стенок длинный ящик без крышки. Одели отца в чёрный рабочий костюм, положили его в ящик, и я повезла его на Серафимовское кладбище на больших отцовских санях. Когда спустились по обледеневшей лестнице, ящик с отцом ударился о стенку площадки, папа зашевелился, и мне показалось, что он живой. Не помню, сколько времени я везла его. От Посадской до Серафимовского расстояние немалое. Наверно, не меньше пяти-шести километров. Когда подошла к дороге, не знала, что делать дальше. Вдруг увидела, что к кладбищу подъехали военные машины: привезли из госпиталей хоронить солдат в братскую могилу. Упросила старшего, чтобы положил папу вместе с ними. Он согласился. Я видела, как кидали солдат в могилу. Они лежали, раскинув руки и ноги, как живые. Кто на спине, кто на животе, кто боком. Туда же бросили и моего отца. Вынули его из ящика и бросили. Могилу не засыпали, видимо, должны были привезти новую партию. Яма была заполнена только наполовину. Похоронщики уехали, а я осталась лежать на промёрзшем бруствере и сверху вниз смотрела туда, где лежал отец. Он, как чёрная ворона, сверху лежал. Он был в костюме, а они-то все раздетые. И вдруг недалеко раздался взрыв. Не знаю, что это было, но меня засыпало комьями земли и снега. А я была в новом пальто, и косыночка была та-

кая хорошая. От страха, что свалюсь в общую могилу, нашла силы сбросить с себя всё, что на меня навалилось, и потащила домой. Не знаю, сколько я шла, но сил уже никаких не было.

Если бы случайный прохожий (он оказался преподавателем Института им. Покровского и после войны нашёл меня, чтобы узнать, осталась ли я жива) не довёл меня до самой двери, я бы, наверное, не дошла домой. А я как села на две скамейки, сложенные одна на другую, напротив Ленфильма, так и сидела. Сил не было подняться. И замерзала. А он прошёл мимо. А потом вернулся и повёл меня. Так и довёл до самого дома. Мама на следующий день ушла на Поклонную гору на оборонные работы, а я пошла на фабрику сдавать отцовские карточки за февраль. И какая-то женщина на фабрике, ни слова не говоря, взяла их. Только очень удивлённо на меня посмотрела. Наверное, решила, что я с ума сошла. Спросите мне сейчас: зачем я понесла эти карточки? И спросите: зачем эта женщина взяла их?

Принимая пора прощайтесь
нам с Габю.
В Тоскю, фронтою смотрю я
на Габю. В
поведении рас.
Но что же подлиннее
судьба Габю
9/11 1943г. - при шибко
время. Азсу:
чтобы пойд в
грозный час.
Возвращает и другое время,
носа свои:
снова, безвременно,
с Габю.
Когда рукопожатие будет
при другом.
Ваш фронтовой вид изменил
с другим.
Ваше здоровье - скорее всего
пришло Габю. Видим!

Август 1942 года, г. Ленинград

А ещё через день, 2 февраля 1942 года, мама отправилась на оборонные работы, а я пошла в Первый медицинский институт, где мне посоветовали пойти работать в Военно-санитарный поезд, который формировался на Московской товарной. Там я была зачислена санитаркой в Военно-санитарный поезд № 1009, в составе которого провела всю войну, четыре с половиной года. Ну, об этом я отдельно расскажу. Вот только отдышусь немножко».

Далее автор вставляет свой комментарий: «...Она столько раз рисковала жизнью! Достаточно сказать, что во время боёв на Невской Дубровке их поезд под артиллерийским обстрелом и бомбёжками по три раза за сутки принимал и отвозил раненых из мест боёв в осаждённый и голодный Ленинград. ТРИ РАЗА В СУТКИ!

Говорят, что в тех боях погибло от 300 до 400 тысяч солдат и офицеров. Точно никто не знает. Как и не знает никто, сколько жизней спасли военфельдшеры и санитарки этого поезда...

Но дадим слово самой Насте».

«Вот так 31 января умер отец, а на третий день я уже работала санитаркой в Военно-санитарном поезде. А 17 июня 42 года умерла мама. Я её тоже похоронила на Серафимовском. Но тут мне уже помогли товарищи из поезда. Наш поезд был единственный на Ленинградском фронте. Больше всего запомнилось, конечно, как мы забирали раненых с Невской Дубровки и с Пулковских высот. Сейчас трудно себе представить, но мы успевали по три раза за сутки забирать раненых и привозить их в Ленинград. Это в кино показывали, как раненых несут на носилках к поезду. Было, конечно, и так. Но там была такая мясорубка, что большей частью поезд заполнялся теми, кто подползал или приходил к поезду сам: кто без ноги, кто без руки, кто перевязанный кровавыми бинтами, кто с развороченной челюстью. И мы всех их привозили в Александро-Невскую лавру. Там, кажется, был какой-то сортировочный или перевалочный пункт для раненых. Были такие тяжелораненые, которые не доезжали живыми до Ленинграда. Их мы отдельно сдавали...

Но когда начались боевые действия по освобождению Ленинграда, в которых принимало участие несколько фронтов, городские и пригородные госпитали были сверхпереполнены. Да не только госпитали! Я помню, что две гостиницы на площади Восстания были так забиты ранеными, что мы их укладывали в коридоры прямо на пол. Город задохнулся от этих раненых. Не хватало госпитальных мест, лекарств, перевязочных средств, питания. И вот тогда было принято решение прорываться нашему поезду с ранеными на Большую землю. Вот тут мы хлебнули лиха! Много раз поезд попадал под бомбёжки. Казалось, что вагоны наклоняются под углом 45 градусов. В некоторые вагоны попадали бомбы или снаряды, и вагоны отцеплялись. А иногда поезд проходил по местности, занятой немцами. И мы их видели, в белых маскировочных халатах.

Немцы, конечно, стреляли по поезду. Но мы прорывались. Много раненых мы сдавали в Череповце. И много раз ездили в город Киров. Два или три раза мы сдавали раненых в селе Слободское. Сейчас это город. Тогда это был райцентр, по-моему. Так вот в этом месте мы сдавали «обрубки». Простите меня, что я их так называю. Но что было,

то было. Это ребята без ног, без рук. Мы их иногда по два человека на одну полку сажали. Ох, беда с ними была! Но вы знаете, даже они никогда не жаловались на то, что с ними сделали! Было жутко смотреть, когда зимой подъезжали сани-розвальни в этом Слободском, и ребят, этих обрубков, закутанных в одеяла, переносили в сани по четыре-пять человек. Помню, как одна бабка, приехавшая за ними, плакала и причитала: “Да куда же вы их, страдальцев, привезли?! Они же помрут через две недели!” Не знаю, что там с ними делали в этом Слободском...

Вообще я должна сказать, что раненые, которых мы перевозили, были очень сердечные люди. Столько ласки, столько доброты мы от них видели! Очень часто говорили: “Доченька, подойди ко мне”. Подойдёшь к нему. Сам весь горит. Даю ему таблетку аспирина. У нас часто больше ничего не было из лекарств. И говорю ему: “Это очень ценная таблетка. Она тебе поможет”. А он в ответ: “Доченька, возьми у меня кусочек хлеба. Ты, наверно, есть хочешь”. Или: “Я тебе немного каши оставлю”. Но мы никогда у раненых ничего не брали. Это я о всех девочках говорю, не о себе. Даже тогда, когда подвоз продуктов был плохой. Когда раненых возили, мы, конечно, не голодали. А вот на обратном пути, когда нередко долго стояли, бывало так, что и голодали. Но разве можно сравнить нашу жизнь с солдатской фронтовой жизнью?!

Мы спали на тюфяках, под одеялом. А они, те, кто остался жив, четыре зимы в окопах замерзали. И воевали! Особенно тогда, когда оборонялись или наступали! Да ещё как воевали! Вот помню, в нашем поезде три раза оказывался Фёдор Хоменко. Так вот, Божья Матерь, если у Брежнева наград было до пупа, то у этого Фёдора Хоменко до пят, столько боевых наград у него было. Когда он в третий раз к нам попал, уже был в высоком чине. Но такой человек хороший! И такой вояка! Такой вояка! И вообще наши очень честно воевали, не жалели себя. Как раньше говорили: “Не жалели живота своего”. Такой патриотизм был, что я передать вам не могу.

Вот сказала про высокий чин и ещё один случай из жизни вспомнила. Однажды в наш поезд поместили группу очень высоких чинов, немецких генералов, взятых в плен. Они в отдельном вагоне ехали. Их в Москву везли. Девочки

говорили, что эти генералы даже шоколад ели. И караул их охранял. Так вот, наши раненые, когда узнали, кто едет в нашем поезде, смяли караул и избили этих генералов до полусмерти. Потом нам замполит говорил, что эти генералы очень ценные сведения дали, и наши войска наступать стали лучше. Быть может, меньше наших солдат погибло благодаря этому.

Я должна сказать, что мы мало сейчас говорим и пишем о солдатах, участниках войны, которые ещё живы. Вы не думайте, что я о себе говорю. Я о настоящих участниках войны говорю. Их сейчас уже так мало осталось. Вот даже из наших 87 девчонок два года тому назад оставалось всего пять. А сколько в живых осталось солдат из Сталинградской битвы? Кто о них сейчас рассказывает?

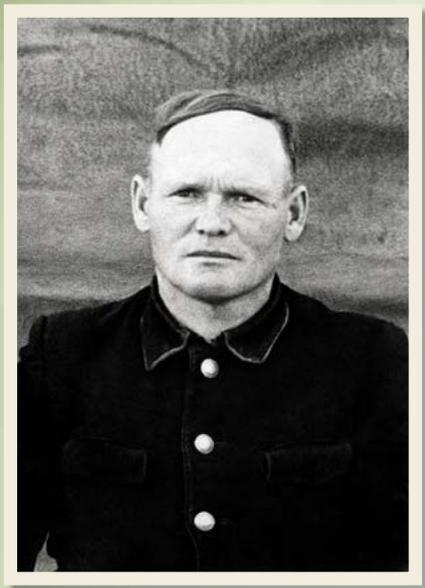
Я себя с фронтовиком никогда не сравню, я столько не видела, сколько видел фронтовик. Я о солдатах, которые всю войну прошли. Не об интендантах. И не о наших военных медицинских чинах, которые в офицерском мягком вагоне ездили. Хотя иногда им тоже не сладко было. Но я не о них говорю, а о таких, как мой муж, Евгений Мутовкин, который всю войну в окопах был и, слава Богу, до Берлина дошёл. Но его уже двадцать один год как нет. Он уже ничего не расскажет. А ведь ему бы жить да жить. Он столько мог бы рассказать про войну, что там я...

А вы знаете, у меня в поезде дневник был. Ну, записывала всякое. И вот, когда мы поженились после войны, мой муж этот дневник сжёг. Сказал: «Я больше плакать не хочу».

*Материал подготовлен на основе очерка Феликса Махова
«Отблеск вечногo огня» (ж-л «Нева» № 9 2004)*

В годы Второй мировой войны Советский Союз был единственным государством, в котором женщины принимали непосредственное участие в ходе боевых действий. Из общего числа врачей в Красной армии — 41 % были женщины, среди хирургов их было 43,5 %. Около 32 тысяч женщин ушли из Ленинграда на фронт медсёстрами и сандружинницами. Многие сотни женщин-врачей работали в госпиталях осаждённого города.

**Иван
Степанович
СТЕПАНОВ**

Степанов Иван Степанович (1909–1983), родился в Псковской области, город Остров. На защиту Родины пошёл с первых дней войны, с июня 1941 года. Служил рядовым. В 1942-м был тяжело ранен, очень долго лежал в госпитале, родным о его состоянии и местонахождении ничего не сообщали, поэтому считали Ивана Степановича пропавшим без вести. После госпиталя был комиссован по инвалидности и направлен в Киргизскую ССР для поднятия сельского хозяйства, назначен председателем колхоза. О наградах ничего не известно, так как Иван Степанович никогда не рассказывал о войне.

*Роман Лысенко,
ученик 3-го «В» класса лицея № 126*

Сергей Евдокимович ТИМОФЕЕВ

Мой прадедушка в годы Великой Отечественной войны был танкистом. В боях сменил семь танков. Дошёл до Берлина. Был ранен и всю жизнь прожил с блуждающим осколком в голове.

Звание старшего лейтенанта и медаль «За отвагу» получил за то, что в бою (15.01.1945 г.) за населённый пункт Голонивы (Польша) проявил отвагу и мужество, огнём пулемёта танка уничтожил 9 гитлеровцев, пытавшихся обойти танк сзади.

Награждён медалью «За отвагу» за то, что в боях с 6 по 10 апреля 1945 года при штурме г. Кёнигсберга быстрыми и слаженными действиями по заряджению орудия обеспечил ведение интенсивного огня, в результате которого экипажем было уничтожено 5 укреплённых домов, 3 укреплённых точки и 20 солдат противника.

После войны работал начальником цеха, затем мастером на заводе «Арсенал» в Ленинграде.

*Диана Шкомова,
ученица 4-го «В» класса лицея № 126*

Анна Васильевна ФЁДОРОВА

Фёдорова Анна Васильевна, 15.07.1927 года рождения. Почётный житель блокадного Ленинграда. С 15 лет работала на Ленинградском Металлическом заводе в цеху, где изготавливались снаряды и патроны для Советской армии. Входила в добровольную дружину по оказанию помощи после бомбардировок — тушила крыши домов после зажигательных бомб. Единственная выжившая и пережившая всю блокаду из своей многодетной семьи.

*Алиса Высоцкая,
ученица 5-го «Д» класса
лицея № 126*

Александр Васильевич КОРН

Когда началась война, ему было 14 лет. Все мальчики были мобилизованы на заводы, в госпитали, где трудились по 18 часов. Александра Васильевича взяли в 189-ю фронтовую стоматологическую поликлинику Забайкальского фронта, Маньчжурская ветка. Работал санитаром, а в свободное время осваивал профессию зубного техника. Освоив её, стал ходить с коллегами от госпиталя к госпиталю — а это 30–40 км, выполняя свою работу. Часто на них нападали волки, двух человек даже потеряли...

Когда закончилась война, Александру Васильевичу не было и восемнадцати. Он был старшим лейтенантом медицинской службы.

Награждён медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За победу над Японией».

Окончив медицинский институт, стал врачом-стоматологом. Его трудовой стаж составил более 60 лет.

*Александр Ступак,
ученик 5-го «Д» класса лицея № 126*

**Ольга
Васильевна
ЦАРАПКИНА
(Заднинская)**

Я хочу рассказать историю моей любимой тётки, маминей сестры – Царапкиной Ольги Васильевны (в девичестве Заднинской).

Ольга Васильевна родилась в 1921 году в многодетной семье в посёлке Катунки Нижегородской области. Окончила медицинский техникум и работала на военном предприятии по ремонту кораблей, где была бронь. Но она добровольцем отправилась на фронт и старшей операционной сестрой дошла до Берлина, получив звание старшего лейтенанта медицинской службы.

Награждена орденом Красной Звезды (13.01.1943 г.) и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945 г.).

Служба была нелёгкая, по её воспоминаниям.

Был случай, когда уже под Берлином при обстреле её засыпало камнями. Откопали её чуть живую через несколько дней.

К тому времени её матери уже послали извещение, что она пропала без вести.

Когда тётя Лёля, так я её звала, прислала письмо о том, что она жива, — это было счастье.

Никто не сомневался, что бабушка её отмолила, стоя на коленях перед иконой.

После Победы тётю не демобилизовали из армии, а оставили служить в ГДР. Она вышла замуж за лейтенанта танковых войск, и началась новая служба.

Они с мужем сменили восемь гарнизонов и закончили свою службу в Киеве.

Её муж, Царапкин Дмитрий Гаврилович, был заместителем командующего Киевского военного округа. Ольга Васильевна стала переводчиком, её сын Юрий стал военным лётчиком, дочь Наташа — врачом.

К сожалению, моих любимых людей уже нет, но память об этой удивительной, смелой женщине осталась на всю жизнь.

Вот такие героические девушки рядом с мужчинами принесли своему народу Победу.

*А вы, мои любимые, родные,
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена,
Над вашей памятью не стать плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!*

(А. Ахматова)

Валентина Сильченко

**Ирина
Борисовна
ЦЕРУХИНА**

До войны каждое воскресенье мы ходили куда-то гулять: папа, мама, я и сестра Юля трёх лет. Так же было и 22 июня 1941 года. Тогда мы жили в доме на Конной улице и, когда вышли из глубины двора, заметили толпу людей у рынка. Все смотрели на репродуктор, который висел на здании. Мы подошли, но я не поняла, что происходит. Мне было 9 лет. Папа отдал Юлю маме и куда-то уехал. Мама сказала, что началась война, и мы пошли домой. Вечером папа вернулся и сказал, что завтра уходит на фронт добровольцем. Уже следующей ночью жутко завывла сирена, и мы спустились вниз. Через пару дней в бомбоубежище мы проводили каждый вечер. На второй день, находясь там, мы услышали сильный взрыв. Недалеко от нас, на Староневском, упали три бомбы. Снесло пятиэтажный дом. Среди руин были видны фрагменты квартир со сломанной мебелью, где-то свисали кровати, валялись куклы. Посмотреть на эту страшную картину приезжали со всего Ленинграда. Потом так же было по всему городу.

Папа служил на «Невском пяточке». Когда он прощался с нами, бабушка дала ему с собой 90 псалом —

своего рода охранную молитву, которую верующие читают, когда нуждаются в особой защите. И она лишней, видимо, не была. Как потом рассказывал папа, во время переправы через Неву в лодках, переполненных бойцами, в лучшем случае до берега добиралось один-два человека. По той лодке, где был отец, немцы открыли огонь, когда она уже практически добралась до противоположного берега. Отца даже не задело.

Однажды мы с мамой и Юлей поехали в гости к тётё Вале, маминой родной сестре, которая жила на Большой Пушкинской, 34, и там заночевали. А утром выяснилось, что в наш дом на Конной попала бомба. Пришлось остаться у родни. В кругу близких людей было спокойнее. Жили дружно, но после пожара на Бадаевских складах, когда появились проблемы с продуктами, мы «разошлись» по еде, питаться стали отдельно друг от друга.

Уже в июне началась эвакуация жителей. Но покидать город мама наотрез отказалась. Когда с продуктами стало совсем плохо, тётя Валя с семьёй эвакуировалась. Уезжая, они оставили нам штук 8—10 сухарей. Сухари были изъедены червяками, но для нас они были на вес золота. Бабушка разогревала сковородку с водой и туда клала сухарь. Червяки всплывали, бабушка их убирала, мы делили сухарь на четыре части и прекрасно ели. А ещё ели бульон из столярного клея. Сейчас этот факт вызывает удивление, а тогда мы ели за милую душу и животы не болели. Он делался из костных отходов животных, поэтому усваивался организмом. Оставляешь плитку клея на ночь в воде, чтобы он разбух, потом кипятишь, получается что-то вроде бульона. Те, у кого были кожаные ремни, резали их на мелкие куски и варили, как мясо. Однажды мама принесла белый порошок, очень похожий на клей ПВА. В него мы наливали воду, получалось что-то вроде сметаны. Из этого «теста» делали оладушки. Они были темно-коричневыми и сладковатыми. Как-то мама купила полведра мороженой картошки. Сладкая была, не передать словами!

Жизнь в блокадном городе стала ещё ужасней, когда зимой 1941 года начались перебои, а затем и вовсе прекратилась подача электроэнергии. Канализация не работала. За водой ходить приходилось к Неве. Я даже

не помню, как мы мылись в это время. Но несмотря на все трудности, мы, ленинградцы, не падали духом, город жил, дышал и боролся.

Кое-как пережили зиму. Весной по радио объявляли, что люди должны выйти и вычистить город, иначе будет эпидемия. И я удивляюсь, как полуживые, голодные люди выходили, кололи лёд с нечистотами и грузили его на машины. И делали всё это дружно.

В феврале—марте мама устроилась в детский сад и взяла нас с собой. Там мы жили на казарменном положении, поэтому хлебные карточки пришлось сдать. Тогда на казарменном положении жили все дети, которые ходили в детский сад, потому что транспорт в городе не ходил, да и родители их трудились на заводе день и ночь — «Всё для фронта, всё для победы!».

Детский сад сыграл большую роль в нашей жизни в блокадном городе, выжили мы во многом благодаря ему. Здесь мы получали трехразовое питание, и даже ели горячий суп. Кстати, благодаря детскому саду моя младшая сестра вошла, можно сказать, в историю живописи. В садик к нам приходил ленинградский художник Алексей Пахомов, известный своей серией литографий «Ленинград в дни блокады». У него есть картина «Письмо на фронт», где девочка постарше поднимает маленькую девочку, а та опускает письмо в почтовый ящик. У маленькой девочки две большие белые косы. Это моя сестра Юля. Она стала прототипом этой девочки. Картину эту раньше можно было увидеть в Музее блокады Ленинграда. Но после открытия новой экспозиции я её больше не видела. А на картине А.Ф. Пахомова «Салют в честь снятия блокады» на переднем плане изображены дети сотрудника нашего же детского сада. Я и сейчас помню щекастого мальчишку. Звали его Вовка.

Конечно же, я никогда не забуду, как мы с Юлей попали под обстрел. Летом 1942 года она заболела коклюшем, нам пришлось уйти из детского сада и жить дома. За едой мы каждый день ходили в детский сад. Сестра, хоть и болела, со мной не расставалась.

В тот день мы шли по Большой Пушкарской и вдруг начался обстрел. Надо было спасаться, и мы свернули в подворотню, а там вбежали в парадную. Помню, как скрипнула

дверь, а дальше — пустота. Очнулись мы от того, что нас кто-то приподнимает, отряхивает от завалов и штукатурки. Я не помню, сколько мы пролежали без сознания. Испуганные, мы подскочили и скорее за пайком: страшно, но есть-то хочется! Получили свою порцию каши и бегом к маме. Рассказали ей все в красках. В то время мама находилась в детском саду и очень переживала за нас. Хорошо, что у нас дома сохранился телефон: она звонила каждые 15 минут. Все беспокоилась, живы ли мы. После того случая много лет Юля по ночам вскакивала и ничего не понимая бежала к окну.

Как нам было трудно — не передать словами, но мы жили и верили в Победу. Вы не представляете, какой для нас было радостью проснуться утром весной 1942 года от звона трамвайного колокольчика. Месяца три трамвай не ходил, а тут вдруг зазвенел, поехал. И ещё нам дали свет! Это было что-то невероятное! Потом по радио передали о том, как немцы, постоянно наблюдавшие за городом, чуть не сошли с ума от злости и изумления, когда заметили голубые искры на трамвайных проводах. Это значило, что город живёт и сдаваться не собирается!

Так и было. Мы старались жить обычной жизнью. В 1942 году я продолжила учёбу, пошла в школу. Если начиналась тревога, нас уводили в подвал, который был частично заполнен нечистотами. Помню, на первом этаже в одном из классов стояли пилы, топоры, и мы, дети, кололи и пилили дрова, топили печку. Я тогда училась в третьем классе. У нас не было тетрадей, поэтому мы писали и решали примеры на полях газет. До сих пор помню, как при свете свечи мама сидит за столом и отрезает от газет белые полосы, чтобы я могла заниматься. Именно поэтому уже в мирное время вечера при свечах я никогда не любила и не считала романтичными.

В четвёртом классе я заболела чесоткой, чем сильно удивила учительницу математики. Одноклассницы мне рассказывали, как она отреагировала, когда узнала причину моего отсутствия. «Как это она заболела чесоткой, такая чистенькая девочка, с волосами?!» — спросила она. Тогда в классе с волосами были только четыре человека, остальные — наголо побриты. У всех были вши. Надо отдать должное нашей

маме и бабушке, они следили за нами очень хорошо, каждый день тщательно вычёсывали нам волосы.

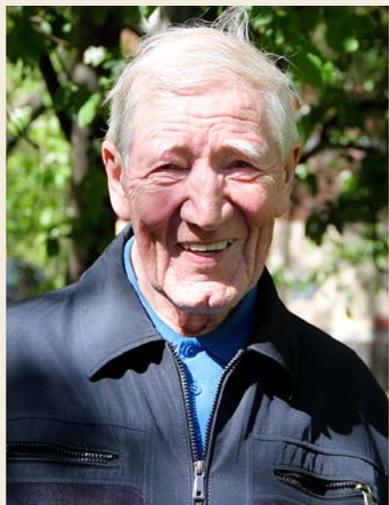
Удивительно, но у нас, голодных детей, оставались силы на игры. Правда, связаны они были с едой. Например, мы «распределяли» продукты по карточкам. Помню, как ко мне на трехколесном велосипеде приезжала подруга, и я «выдавала» ей «хлебную карточку» и старалась сделать так, чтобы та получила побольше.

Я хорошо помню День Победы и самый первый салют — в честь снятия блокады Ленинграда. Его я видела собственными глазами. Он был не такой, как теперь. Я была у Кировского моста, когда сотни военных поднялись на крыши Мраморного дворца, Дома политкаторжан, здания Института культуры и на Петропавловскую крепость и одновременно палили в небо из того, что у них было.

Папа дослужился до звания командира полка. Сразу после войны его с полком отправили в Днепропетровск. Вместе с ним поехала вся наша семья. Там я училась в женской школе. Меня называли «девочка, которая пережила блокаду», и приходили на меня посмотреть. Надо сказать, разница между мною и местными девочками была существенная: они пышные, полногрудые, а я тощая и плоская, как доска. Зато лучше всех я выглядела на уроках. И когда на занятиях присутствовала комиссия, все знали, что спрашивать будут меня, потому что у меня хорошая речь и знания. Такая она, ленинградская школа. А через полгода мы вернулись в родной город, и дальнейшую учёбу я продолжила уже здесь.

*(Из газеты «Финляндский округ»
№ 6 (293) июнь 2022 г.)*

Игорь Романович ЦИМБАЛ

9 мая житель нашего округа Игорь Романович Цимбал отметил юбилей. В этом году ему исполнилось 85 лет. Несмотря на столь почтенный возраст, когда здоровье начинает пошаливать чаще обычного, он полон сил и энергии. Ведёт активный образ жизни, остаётся верен своим увлечениям молодости. А связаны они со спортом. Вот вам и секрет его активности и энергичности. В здоровом теле — здоровый дух! А путь к здоровью начался в детстве.

Со школьных лет Игорь Романович занимается спортом. В классе был самым маленьким и худеньким. Подтянуться не мог ни разу, а потом решил исправить ситуацию. Занялся гимнастикой во Дворце пионеров и уже через полгода подтягивался лучше всех, так, что физрук ставил всем в пример.

Со временем увлёкся туризмом, беговыми лыжами и велоспортом. По велоспорту и беговым лыжам имеет первый спортивный разряд. Ходил в походы наивысшей категории сложности. Предметом его особой гордости стал поход по Таймыру в 1977 году. С группой из семи человек он шёл месяц — с 26 апреля по 26 мая. В это время там ещё лежал снег, температура воздуха была -35°C . «Мы шли по лесотундре на де-

ревянных лыжах. Каждый тащил огромный рюкзак со снаряжением и запасом еды на месяц. Ночевали в большой палатке, которую сами же и устанавливали. В центре собирали печь, трубу выводили в специальное отверстие. Ужинали и ложились спать. За огнём всю ночь следили дежурные. Было трудно, но очень интересно», — с озорным огоньком в глазах вспоминает Игорь Романович.

Сейчас Игорь Романович ежегодно участвует в гонке «Лыжня России», в соревнованиях по спортивному ориентированию. Ветеран лёгкой атлетики, он старается не пропускать ни одного забега. К примеру, в феврале в Пискаревском полумарафоне, посвящённом Дню полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, пробежал 1 км и, кроме медали, в качестве приза получил буханку хлеба. Об этом подарке он рассказывает с особым чувством. «Вы понимаете, я пробежал, и мне дали хлеб! Для меня, ребёнка блокадного Ленинграда, это лучший подарок!» — вспоминал в редакции нашей газеты Игорь Романович.

Кстати, именно с хлебом связано самое яркое детское воспоминание нашего жителя. «Мама была директором детского дома, и нас в 1943 году вместе с её воспитанниками эвакуировали из Ленинграда в посёлок Покров Ярославской области. Мне было 4 года. Помню, иду по деревне, в руках — здоровый кусок хлеба, ем и улыбаюсь. И вдруг навстречу — цыганка. Хвать у меня хлеб! Я — в рёв! А она говорит: “Не реви, где твоя мать? Веди меня к ней!” Я привёл её к матери, и цыганка ей сказала: “Запомни: война закончится в день рождения твоего сына”. А родился я девятого мая», — улыбаясь, рассказывает Игорь Романович.

В 1945 году семья Игоря Романовича вернулась в Ленинград. Отец, мать и трое детей. Поселились в коммуналке на углу Невского и Владимирского проспектов, в комнате площадью 12 квадратных метров. Жили трудно, но несмотря на сложности, все дети получили высшее образование.

Игорь Романович поступил в Политехнический институт. Днём учился, вечером и ночью работал: сначала грузчиком, а когда прошёл курсы вождения, загонял автомобили в парк. Затем работал на грузовой машине с прицепом — вывозил снег из города.

Политех окончил с красным дипломом. В 1965 году по распределению попал в Центральное конструкторское бюро машиностроения (ЦКБМ). Был инженером, потом перешёл в исследовательскую лабораторию. Занимался контролем технологического процесса, проверял качество изделий, сам проводил испытания. Его богатый опыт на производстве и в лаборатории помогал решать сложнейшие задачи. В 2009 году получил учёную степень кандидата технических наук.

Любимой работе в ЦКБМ посвятил 55 лет жизни. И только два года назад ушёл на заслуженный отдых.

Однажды коллеги из клуба спортивного ориентирования «Белые ночи» подарили Игорю Романовичу открытку с четверостишием, которое чётко отражает его установки: «Жизнь — как дистанция по выбору, беги вперёд и не смотри назад. А победит лишь тот, кто за основу выберет такие пункты, как любовь и доброта». Эти слова Игорь Романович называет «золотыми» и говорит, что хотел бы, чтобы они стали основным правилом для всей молодёжи.

*(Из газеты «Финляндский округ»
№ 6 (316) май 2024 г.)*

Василий Дмитриевич ЧЕБОТАРЬ

*«Уходят молодыми
без вести пропавшими,
чтобы остаться с нами сквозь года...»*

Так случилось с моим двоюродным дедушкой – Чеботарем Василием Дмитриевичем. Он ушёл защищать Родину 20-летним парнем, не умея даже винтовку в руках держать. Во время войны разве важно, что ты умеешь, а чего нет? Главное – стать солдатом, главное врага победить любой ценой, а порой и ценой собственной жизни...

Василий был призван в ряды Советской армии в 5-ю стрелковую дивизию, которая дошла до Польши. В Польше в боях за деревню Родзенау он погиб 30 января 1945 года. Там же был похоронен. После прах был перезахоронен в братскую могилу в г. Моронг Ольштынского воеводства.

Единственный сын в семье, на которого возлагались большие надежды, не вернулся с войны. Его отец (мой прадед) немало слёз пролил и из-за страшной утраты, и больше из-за того, что сын его считался без вести пропавшим. Лишь спустя

ПАМЯТЬ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

АПН, 1078082, Москва
Большая Почтовая ул. 7
INTERPRESS
00-585 Warszawa
ul. Bagatela 12
„Pamięć”

243008 Мишина.....
ул. Комарова д. 31 кв. 22
..... М. И. Мишина.....

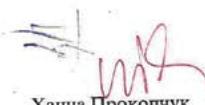
Уважаемый (ая) Менши Иосифовна.....

Сообщаем Вам, что в процессе подготовки второго издания книги „Память”, на основании имеющихся в нашем распоряжении данных, установлено, что прах Чедотара Василия Дмитриевича..... покойтся на кладбище п. Морони.....

..... Оштыркине..... воеводство.

Имя его внесено в список второго издания книги „Память”.

Благодарим Вас сердечно за помощь в нашем общем стремлении, чтобы все павшие за нашу жизнь и свободу вечно жили в памяти поколений.

Ханна Прокопчук

Роман Мурани

Януш Пшимановский

Польша
00-976 Warszawa 13
skr. 77

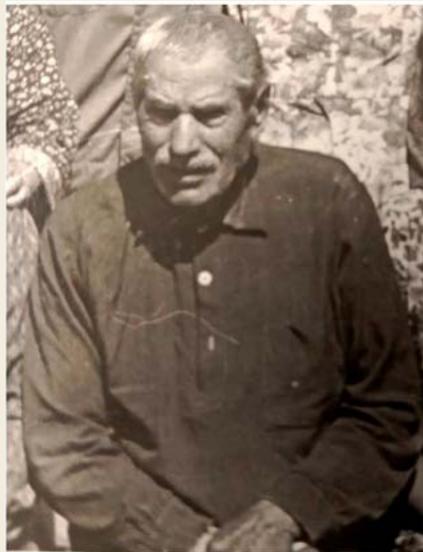
44 года, уже моя мама, будучи журналистом, нашла информацию и получила весточку из Польши о том, где был убит и где захоронен мой двоюродный дедушка. Моя мама, Нелли Ивановна Минина, добилась того, чтобы имя Василия Дмитриевича Чеботаря было внесено в список книги «Память».

А спустя ещё 30 лет, при сборе материалов об участниках Великой Отечественной войны, мы подали информацию о нашем герое, о нашем Василии. Имя некогда без вести пропавшего Василия Дмитриевича Чеботаря занесено в перечень имён участников Великой Отечественной войны, размещённый в Храме Вооружённых Сил Российской Федерации в Москве.

К сожалению, его фотографий не сохранилось. Время было такое... Но память о нём жива. Низкий поклон ему за подвиг, за Победу, которую он приближал со всем советским народом.

Наталья Минина

Кирилл Фёдорович ЧУРИКОВ

Родился 1 января 1896 года в хуторе Н-Никольск Покровской волости Харьковской губернии.

Призван на фронт в марте 1942 года. На фронте служил подвозочным 764-го отдельного батальона связи.

В феврале 1945 года совершил подвиг и получил медаль «За боевые заслуги».

В апреле 1945 году совершил ещё один подвиг и получил медаль «За отвагу».

После окончания Великой Отечественной войны работал в селе Баган Новосибирской области.

Умер 20 февраля 1980 года.

*Олег Коновалов,
ученик 4-го «В» класса лицея №126*

Магомед Шахбанович **ШАХБАНОВ**

Шахбанов Магомед Шахбанович участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 года. Он родился в Дагестане. У его мамы Хадижат было трое сыновей и две дочери. Магомед был старшим. Когда Магомед был маленьким, его мама умерла, ему пришлось заботиться о своих братьях и сёстрах. В 18 лет он ушёл на фронт. С фронта он не вернулся, до сих пор неизвестно о его судьбе. Последнее письмо от брата моя бабушка получила в 1944 году.

*Амина Ибрагимхаликова,
ученица 5-го «Д» класса лицея № 126*

Прасковья Фёдоровна ШЕСТЕРНИНА

Прасковья родилась 19 сентября 1929 года в селе Путилово Ленинградской области. Она работала медсестрой в детской больнице города Луга. 22 июня 1941 года была призвана по мобилизации, служила в госпитале (эвакогоспиталь ЭГ № 1361, город Сокол Вологодской области). Награждена медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». После демобилизации в сентябре 1945 года была отправлена в Китай для обучения китайских товарищей, где проработала несколько лет.

*Екатерина Шишикина,
ученица 6-го «Д» класса лицея № 126*

Евгений Михайлович ШИШАЕВ

Прошёл через всю Великую Отечественную войну, потом попал на Советско-японскую войну и живым вернулся домой в г. Ленинград в 1946 году.

Его записи:

«В блокаду 1941–1942 гг. я жил на Малой Охте. Ещё мальчишкой работал на заводе “Северный пресс” на токарном станке, изготавливая детали для гранат. В бомбёжку на город сбрасывали много “зажигалок”, и мы дежурили на крышах, тушили “зажигалки”. Отец и братья были на фронте, в 1944 году во флот ушёл младший брат.

В сентябре 1942 года в Калининском военкомате меня призвали в армию. Всех нас направили в учебный артиллерийский полк в Токсово, а затем в артиллерийский полк Ленинградского фронта, который стоял от Пулковских высот до Улянки. Здесь я принял машину ЗИС-5, на которой доставлял боеприпасы на батарею.

15 января 1943 года после сильной артподготовки танки и пехота перешли в наступление и прорвали линию обороны противника. От Пулковских высот до Лигова не было снега — только чёрная земля в воронках...

*Надпись на обороте: «На память маме с папой
от сына Жени. Зима 1946 г., г. Узиьчжоу», слева –
Шишаев Евгений Михайлович*

1946 г. Ленинград, справа сидит – Шишаев Е.М.

Я принимал участие в боях за освобождение городов Ленинградской области, Прибалтики, в Риге был ранен. После участвовал в разгроме Курляндской группировки фашистов. Мы прошли через Витебск, Оршу, Резекне, Орге, Мадону, Двинск. За это нашему соединению трижды объявлялась благодарность Верховного командования. Сегодня мне очень обидно слышать, когда в Прибалтике нас называют оккупантами, столько наших ребят погибло...

Из Курляндии нас срочно погрузили в эшелон и отправили на Дальний Восток. И с сентября 1945 года мы участвовали в войне с Японией. Прошли Дальний Восток, безводные степи Монголии, форсировали горный хребет Большой Хинган. Через всю Манчжурию пришли в священный для русского сердца Порт-Артур.

Писал ли я всё это время маме? Раза два писал...

Я до сих пор храню последнюю благодарность от командира полка: «Возвращаясь домой, не забывайте своих боевых соратников, своих однополчан. Мы уверены, что и на фронте мирного труда, как и на боевом фронте, Вы будете примерным борцом за процветание Родины, за её счастье и славу»».

Со слов — воспоминания о дне 9 Мая 1945 года:

«9 Мая, в День Победы, я ещё находился на службе в Советской армии, в Маньчжурии. Наш полк служил в городе Мугжен. В нашем полку объявили, что — Победа! Главный сказал! И начали стрелять из ракет и говорить: «Ура, Ура, Ура!». И выйдя на улицу, мы все кричали и стреляли в небо! Позже нас построили и официально объявили, что скоро всех демобилизуют и отправят домой! Домой в г. Ленинград я вернулся только 1946 году».

*Подготовила Василиса Архипова,
ученица 2-го «Б» класса лицея № 126*

Владимир Иванович ЩЕРБАКОВ

Дядя моей мамы по отцовской линии, Щербаков Владимир Иванович, родился в 1901 году в д. Урывки Орловской области (теперь это Липецкая область) в крестьянской семье. В Красной армии служил с 1919 года. Участвовал в Гражданской войне, воевал с белополяками и петлюровцами.

В 1938 году окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. В июле 1938 года назначен временно исполняющим должность командира 90-й стрелковой дивизии, с июня 1938 года — помощник командира 90-й стрелковой дивизии. Дивизия дислоцировалась на Карельском перешейке со штабом в Пери. В феврале 1939 года назначен командиром формирующейся 104-й горнострелковой дивизии, позже сражавшейся в Советско-финляндской войне 1939—1940 годов в Заполярье. В январе 1941 года назначен командиром 50-го стрелкового корпуса. Начало Великой Отечественной войны встретил под Выборгом в июне 1941 года в той же должности. С августа по сентябрь 1941 года командовал 42-й армией на Ленинградском фронте. Войска вели ожесточённые бои в Ленинградской оборонительной операции. В боях Вла-

димир Иванович получил сильнейшую контузию и был направлен на лечение в госпиталь.

31 августа 1941 года назначен командующим 8-й армии, которая вела бои с армией группы «Север» и медленно отступала к Финскому заливу. В тяжелейшие дни сентября 1941 года он сумел упорядочить движение отступающих войск, совместно с силами Балтийского флота организовать оборону, остановить врага на подступах к Ленинграду и сохранить боеспособность своих подразделений. Так был образован Приморский (Ораниенбаумский) плацдарм, сыгравший важную роль в битве за Ленинград. Именно с него 14 января 1944 года началась Ленинградско-Новгородская операция, приведшая к полному снятию блокады Ленинграда.

В конце сентября 1941 года В.И. Щербаков был снят с должности командующего армией и назначен командиром 11-й стрелковой дивизии. Дивизия сражалась на том же Ораниенбаумском плацдарме, удерживая фронт в районе Старого Петергофа. Командуя 11-й стрелковой дивизией, в составе 54-й армии принимал участие в жесточайшем сражении в районе станции Погостье зимой 1941 — 1942 годов.

С марта 1942 года В.И. Щербаков назначен заместителем командующего 23-й армией Ленинградского фронта.

С апреля 1942 года и до конца войны командовал 14-й армией, сражавшейся на Карельском фронте и участвовавшей в обороне Мурманска и Заполярья. Соединения армии под его командованием вели напряжённые оборонительные бои с численно превосходящими силами немецко-фашистских войск на Мурманском и Кестеньгском направлениях, срывая планы немецкого командования по захвату Мурманска в 1942 году в ходе Мурманской операции.

Войска армии под руководством командующего генерал-лейтенанта В.И. Щербакова во взаимодействии с Северным флотом осуществили успешную Петсамо-Киркенесскую операцию, завершившуюся освобождением советского Заполярья и части территории Норвегии в 1944 году.

С августа 1957 года — в отставке.

Избирался депутатом Верховного Совета СССР III созыва.

Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова I степени, Красной Звезды, медалями, а также иностранным орденом Святого Олафа.

Скончался 4 ноября 1981 года, похоронен в Ленинграде.

Именем В. И. Щербак ова в 1982 году названа улица в Первомайском округе Мурманска.

Приведу несколько трагических и трогательных историй из воспоминаний Владимира Ивановича Щербак ова.

Трагедия 152-й стрелковой дивизии

«...Днепропетровская Краснознамённая ордена Суворова II степени 152-я стрелковая дивизия прошла славный боевой путь (дивизия подарила советскому народу 18 Героев Советского Союза), который начался в Заполярье, и начался трагически.

В Заполярье в апрельско-майской операции 1942 года дивизия не извела боёв с врагом. Не пришлось её воинам показать свою ненависть к захватчикам, силу, мужество и многие великолепные качества советских людей уральской закалки. Но солдаты и командиры 152-й стрелковой дивизии стремились грудью сойтись с врагом. Это была их святая цель. А впереди — их первый бой. Они шли к врагу, преодолевая за Кольским заливом необычайной силы снежный ураган. Шли, изнемогая от лютой стужи, падая и поднимаясь, чтобы снова идти к линии фронта...

Не оправдалась наша надежда. Надежда на усиление наступательной мощи армии 152-й стрелковой дивизией. Бесспорно, эта дивизия, обладавшая большой ударной мощью, могла бы внести перелом в сражение, создав необходимое превосходство над противником, и тогда идея командования Ка-

рельского фронта выйти первыми из советских армий на госграницу была бы осуществлена.

Боевые действия велись на отдельных направлениях наиболее опытными и сильными подразделениями с целью разведки и поддержания боевой инициативы. Ураганный ветер и сплошная пелена снега закрывали цели, нарушали ориентировку, порой сбивали солдат с ног. В таких условиях главное для любого подразделения — быть вместе, не потерять людей, переждать в снегу яростные удары стихии и, используя кратковременные просветы в погоде, идти вперед.

Некоторые порывы ветра были просто страшные. В обычной жизни такое трудно вообразить: заснеженные сопки вдруг оголились на глазах, и мощные пласты снега обрушивались в низину, засыпая людей, повозки, боевую технику.

Бывший командир миномётного взвода лыжного батальона 6-й олене-лыжной бригады лейтенант Г.Н. Шлема позднее вспоминал: “Ещё в ночь на 3 мая мы ощущали сильный ветер и позёмку, что затрудняло не только манёвры взвода, но и наблюдение за противником и результатами нашей стрельбы. Температура воздуха непрерывно понижалась, и мокрый снег залеплял и затруднял дыхание. Далее с 3 мая сила ветра резко возросла. Пелена снега, мчавшегося с бешеной скоростью, порой казалась нам каким-то чудовищем, опрокидывающим на нас сугробы снега, которые засыпают бойцов и миномёты. О тепле нечего было и думать, кухня не работала. Спрятаться от снега и пронизывающего ветра нигде. На взвод — одна холодная без обогрева палатка, периодически срываемая мощными ударами ветра. Единственной радостью был глоток-другой древесного спирта, выжатого из пасты для пищи...”

Как я оцениваю эту операцию?

Это не был мой дебют на Мурманском отдельном оперативно-стратегическом направлении. Несмотря на то что мой опыт, приобретённый на этом же направлении во время Финской кампании, был невелик, всё же многое сохранилось в памяти, отложилось на будущее. Но одного месяца, который был предоставлен мне после назначения командующим 14-й армией, было недостаточно, чтобы внедрить в войска

собственные наработки. Это не могло не сказаться отрицательно и на ходе самой операции.

Несмотря на положительную оценку, данную фронтовым командованием, наша оценка была скромнее. Я считал, что наступательная операция армии была проведена ниже наших возможностей. Эту точку зрения полностью разделяли все члены Военного совета армии.

Армия выполнила боевую задачу, поставленную Ставкой. Но, будучи теперь не слабее противника, соединения армии не смогли показать слаженных и гибких наступательных действий. Слишком много было бесхитростных лобовых атак, а следовательно, и неоправданных потерь. И в конечном счёте дело вовсе не в снежной буре — метеорологические условия были одинаковы для обеих сторон.

Но особенно тяжело все мы переживали трагический май 152-й стрелковой дивизии, который привёл к многочисленным жертвам и серьёзному обморожению 1200 человек рядового и командного состава. Дивизия полностью потеряла боеспособность.

Армейская медицинская комиссия сразу же после совершения частями дивизии марша установила истощение 80 процентов обследованного состава.

Трагические последствия снежной бури воспринимались мною как личное горе. Ведь погибнуть на поле боя в смертельной схватке с врагом — это на войне естественно. Но погибнуть или надолго выйти из строя от разбушевавшейся стихии — такое не укладывалось в сознании и воспринималось как нереальность, нелепость.

Но с операцией есть время разобраться. Необходимо в первую очередь позаботиться о личном составе дивизии.

Мною были даны указания вывезти личный состав на автомашинах до мыса Мишуков, переправить через Кольский залив и далее, в соответствии с указанием штаба фронта, много южнее, в Лухи — на отдых и усиленное питание. Кроме того, людям необходимо было вернуть уверенность в своих силах. Дивизии в целом надлежало вернуть боевую готовность и высокий морально-политический настрой.

Раненых и серьёзно обмороженных распределили по госпиталям, многих отправили в тыл страны. Поредевшие части 152-й стрелковой дивизии отправили подальше от Заполярья на пополнение.

Подвели итоги операции. Соответствующие управления и отделы штаба армии написали свои отчёты, а суммарный отчёт отделом обобщения опыта войны был выслан в Генштаб.

Но горький осадок в душе моей остался. Его никуда не отошлешь. С ним надлежит покончить самому. Он порождал сомнения в благоприятном исходе следующей наступательной операции, на которую директивой Ставки ВГК от 10 мая 1942 года было ориентировано командование Карельского фронта.

Сказывались трудно сглаживаемые временем тяжёлые впечатления от незавершённости армейской операции и особенно от бессмысленной гибели людей, сложивших головы не в борьбе с лютым врагом, а по стечению трагических обстоятельств, усугублённых халатностью и безответственностью больших и малых начальников.

Это время можно со всей справедливостью отнести к самому трудному периоду моей жизни как командарма...»

31-я олене-лыжная бригада

«...Большие надежды я возлагал на 31-ю олене-лыжную бригаду. Таково её первоначальное название. Она была создана сразу после апрельско-майской операции. Естественно, при этом были учтены сильные и слабые стороны прежних лыжных бригад, выявленные в ходе операции.

31-я бригада была экспериментальным соединением. Её организация отражала большую приспособленность к Заполярию, следовательно, новые качества лёгкого соединения — высокую оперативность, быстроту перемещения, достаточную огневую мощь и большую автономность действия. В самом названии бригады отражались эти качества. Ей удавалось в тёмное время незаметно просачиваться в промежутках между

ротными и батальонными узлами обороны и эффективно действовать в тылу врага.

Бригадой командовал грамотный в оперативном отношении, необыкновенно смелый, мужественный и инициативный подполковник В.Н. Соловьёв. Ранее он работал в оперативном отделе штаба армии. Но его натура требовала активной деятельности, самостоятельности, непосредственного соприкосновения с врагом, и он добился назначения командиром 35-го стрелкового полка 10-й гвардейской дивизии. В летних боях 1941 года состоялось его первое знакомство с горными егерями. В гвардейском 35-м полку, в условиях обороны — продолжение этого знакомства.

И вот теперь бригаде под его командованием предстояло выполнять роль самого активного соединения, свободного в выборе способа и района действий. Он любил говорить подчинённым или тем, кто назначался в бригаду впервые: “Наше соединение предназначено для действий в ночное время, особенно в полярную ночь. И не потому, что в полярную ночь темнее, а потому что тёмного времени больше. А нам его всегда не хватает. И чем хуже погода, тем лучше бригаде”.

Вспоминая об этом, бесспорно, талантливом командире, невольно ловишь себя на мысли: а ведь он наиболее яркий последователь — по духу, по пониманию существа борьбы с врагом — прославленного русского полководца А.В. Суворова. К суворовской “науке побеждать” в Заполярье он был ближе, чем многие другие командиры соединений армии. Его стихия — движение с обходом, охватом и внезапный бой.

Я не знал в армии человека с таким поразительным умением ориентироваться в полярной тундре, когда даже в погожие дни окружающие сопки и их расположение не имеют видимых отличий. Как же нам пригодилась его способность ориентироваться на местности полярной ночью, в дождь, туман, пургу! Смелость и физическая выносливость Владимира Николаевича Соловьёва хорошо были известны в армии и привлекали к нему сильных и смелых офицеров и солдат.

Я не помню случая, чтобы боевая задача, поставленная 31-й бригаде под командованием подполковника В.Н. Соловьёва, была не выполнена или выполнена неудачно.

Я уже рассказывал о левом фланге армии, который не прикрывался соседом слева. Но, несмотря на недоступность этого открытого, как считали многие, “пустого пространства”, я был убеждён, что недопустимо оставлять левый фланг армии без наблюдения и контроля. Следовательно, необходимо иметь на фланге дозоры и заслоны и периодически засылать на значительное расстояние на фланг и в тыл противника сильные и хорошо вооружённые отряды. Мы, имея 31-ю олене-лыжную бригаду, могли полностью осуществлять эти мероприятия.

Бригада целиком или частью, как правило, тихо, незаметно появлялась в тылу противника. Дерзкий, внезапный налёт на тыловые объекты, склады, огневые позиции и командные пункты... Паника в стане врага. Нанесён значительный урон живой силе и технике. Откуда они взялись? Куда исчезли? Всё это соответствовало тактике бригады, характеру подполковника В.Н. Соловьёва и подчинённых ему командиров, которых он сам подбирали и воспитывал».

Награждение орденом Святого Олафа

«...Вручал орден король Норвегии Хокон VII в своей резиденции в Осло летом 1945 года. Запомнились торжественно-приподнятая обстановка в момент вручения ордена и приём, устроенный правительством Норвегии в честь советской делегации. После торжественных речей беседа зашла об устройстве послевоенной жизни разорённой фашистами Норвегии, о трудностях восстановления народного хозяйства нашей страны, о жертвах, понесённых советским народом в войне. На приёме нашлось время и для бесед о личном. Узнав, что я страстный охотник, король Хокон объявил, что мне будет сделан приятный сюрприз. Велико было удивление, когда внесли бархатную подушку, на которой лежал крохотный щенок охотничьей породы ирландский сеттер густо-шоколадного цвета. Я был удивлён не только этим оригинальным и милым подарком, но и тем, с какой торжест-

венностью внёсший этот подарок объявил о его главном достоинстве — щенок из королевской псарни, элитного происхождения. Мне очень приятно об этом вспоминать потому, что я и впрямь заядлый охотник-любитель. Спортивной охотой увлекался ещё много лет до войны. Охота с собакой — большое удовольствие. Не столько интересен результат, сколько сам процесс, работа собаки. Надо сказать, что многолетнее увлечение охотой позволяло мне всегда сохранять подвижность и хорошую форму.

Но не суждено мне было поохотиться с Пайком — так назвали его сами норвежцы. Послевоенные годы были трудными для нашей страны. И ели не в избытке, и с лекарствами было нелегко. Заболел Пайк чумкой, спасти не смогли. В его честь много лет спустя в нашей семье был так назван другой пёс — английский сеттер, мой верный помощник на охоте, призёр многих всесоюзных выставок охотничьих собак».

Игорь Кудинов

**МЫ
ЭТОЙ ПАМЯТИ ВЕРНЫ!**

Содержание

Алексей Алексеевич Ануфриев	8
Афанасьева Мария Александровна	9
Байгишиев Бийгиши Залгишиевич	16
Бахарев Сидор Никитич	20
Беляков Назар Тимофеевич	22
Блашкевич Степан Григорьевич	24
Бочаров Андрей Никитович	26
Руднев Евгений Васильевич	27
Васильева (Шишева) Нина Александровна	28
Винокуров Пётр Ильич	36
Голубчиков Василий Иванович	37
Голубчиков Владимир Иванович	42
Горбушин Александр Алексеевич	45
Горячев Сергей Тимофеевич	47
Журик Александр Афанасьевич	48
Закаржевские Николай Васильевич и Гина Николаевна	52
Иванов Павел Михайлович	56
Игнатова Антонина Ивановна	57
Измайлов Фёдор Иванович	60
Исаев Георгий Дмитриевич	70
Коваленко Павел Степанович	72
Колмакова (Ильина) Тамара Алексеевна	73
Константинова Валентина Сергеевна	78
Коровин Николай Дмитриевич	80
Кузнецов Георгий Андреевич	81
Леонтьев Дмитрий Павлович	83
Лобанов Николай Григорьевич	89
Лушкина Татьяна Геннадьевна	90
Лысенко Михаил Иванович	94
Маркелов Павел Кириллович	95
Матвеев Алексей Ильич	97
Медведев Василий Васильевич	105

Медведевы Александр Петрович, Екатерина Андреевна (Шкиперова), Тамара Ивановна (Васильева)	106
Минин Беральд Александрович.....	110
Мишуткина Екатерина Васильевна	112
Морозов Иван Егорович	118
Мясников Николай Николаевич	125
Прохоров Иван Александрович.....	127
Рождединов Зуфар Загафуранович	129
Рымко Бронислав Августович	132
Савельева Инна Петровна.....	134
Сажин Евгений Романович	138
Седых Тихон Павлович	145
Сизоненко Андрей Захарович.....	146
Сильченко Константин Алексеевич.....	148
Симонов Николай Фёдорович	151
Синяков Александр Андреевич.....	152
Синяков Михаил Александрович	153
Смирнов Афанасий Осипович	154
Смирнов Егор Никифорович	162
Смирных Николай Ефимович и его сыновья Георгий, Василий, Иван.....	164
Спиридонова Анастасия Михайловна	169
Степанов Иван Степанович	178
Тимофеев Сергей Евдокимович.....	179
Фёдорова Анна Васильевна.....	180
Хорн Александр Васильевич	181
Царапкина (Заднинская) Ольга Васильевна	182
Церухина Ирина Борисовна.....	184
Цимбал Игорь Романович.....	189
Чеботарь Василий Дмитриевич.....	192
Чуриков Кирилл Фёдорович.....	195
Шахбанов Магомед Шахбанович.....	196
Шестернина Прасковья Фёдоровна	197
Шишаев Евгений Михайлович.....	198
Щербаков Владимир Иванович	202

Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга
муниципальный округ Финляндский округ

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 9. Мы этой памяти верны!

При оформлении книги использовались материалы:
из личных архивов участников войны,
ru.wikipedia.org

Изготовлено ООО «Рио»

Дизайн обложки – Ольга Гаврилова

Вёрстка – Игорь Быков

Корректор – Екатерина Гайдель

Бумага мелованная.

Формат 70×100 ¹/₁₆. Тираж 700 экз. Подписано в печать 15.02.2025.

Заказчик: Местная администрация муниципального образования
Финляндский округ.

